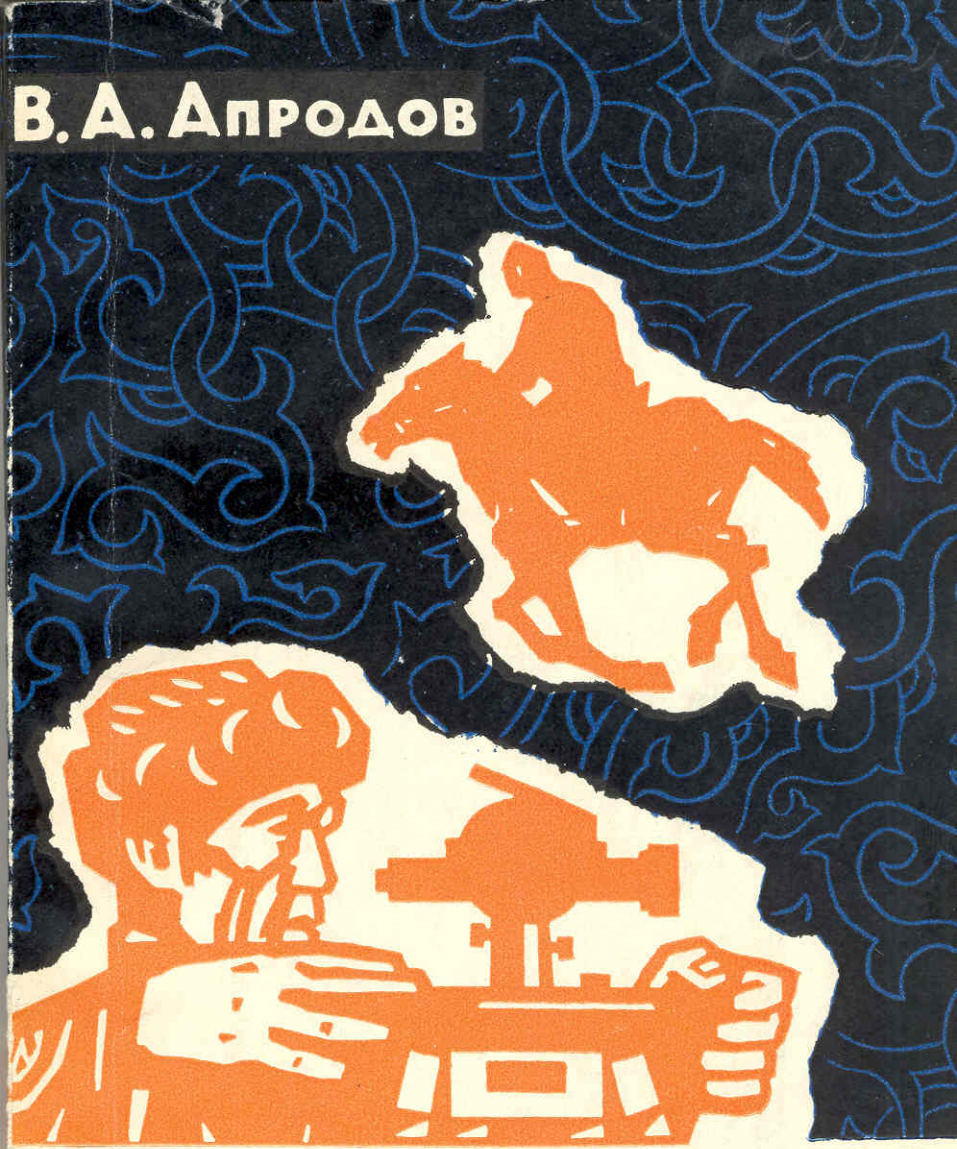
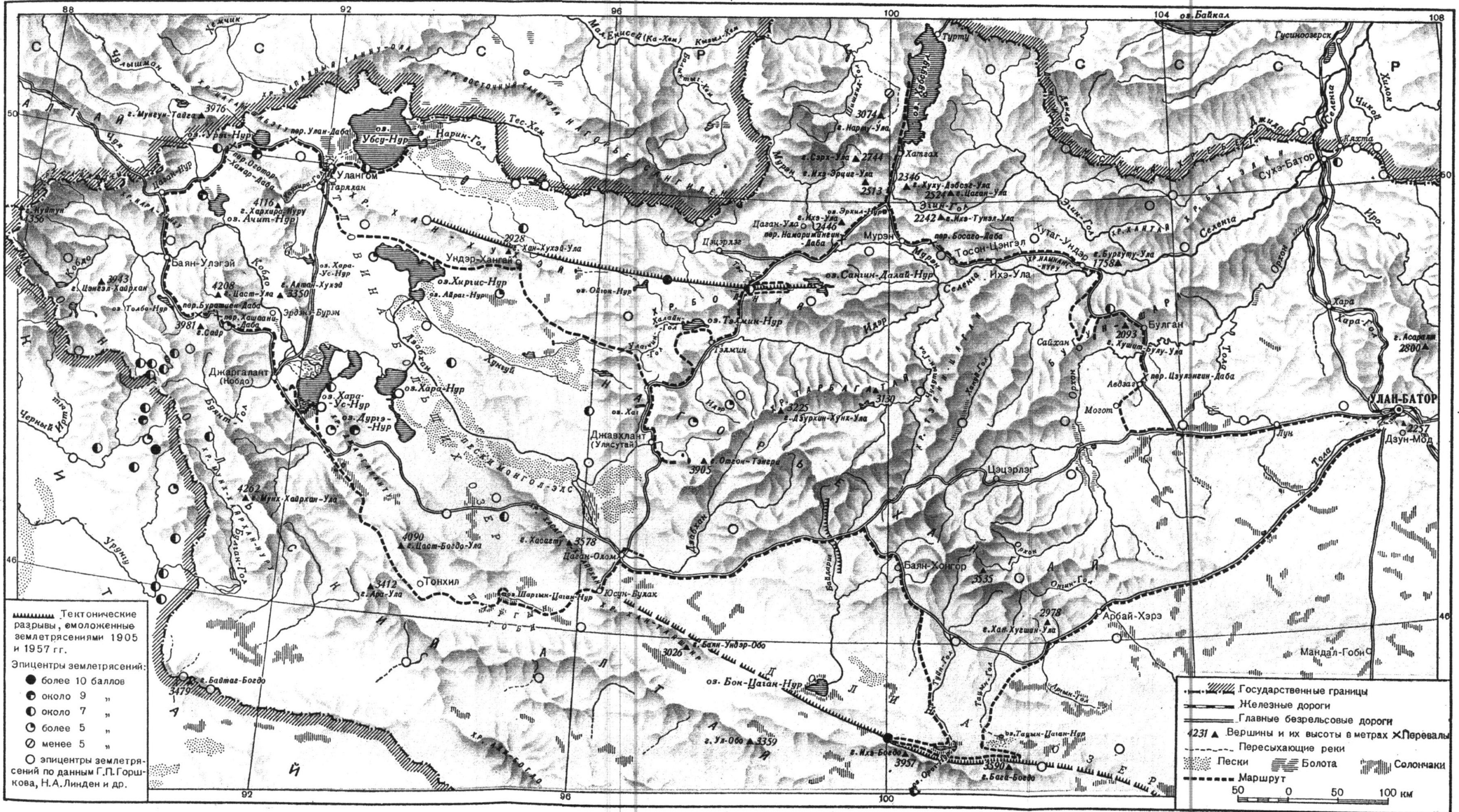
В. А. Апродов

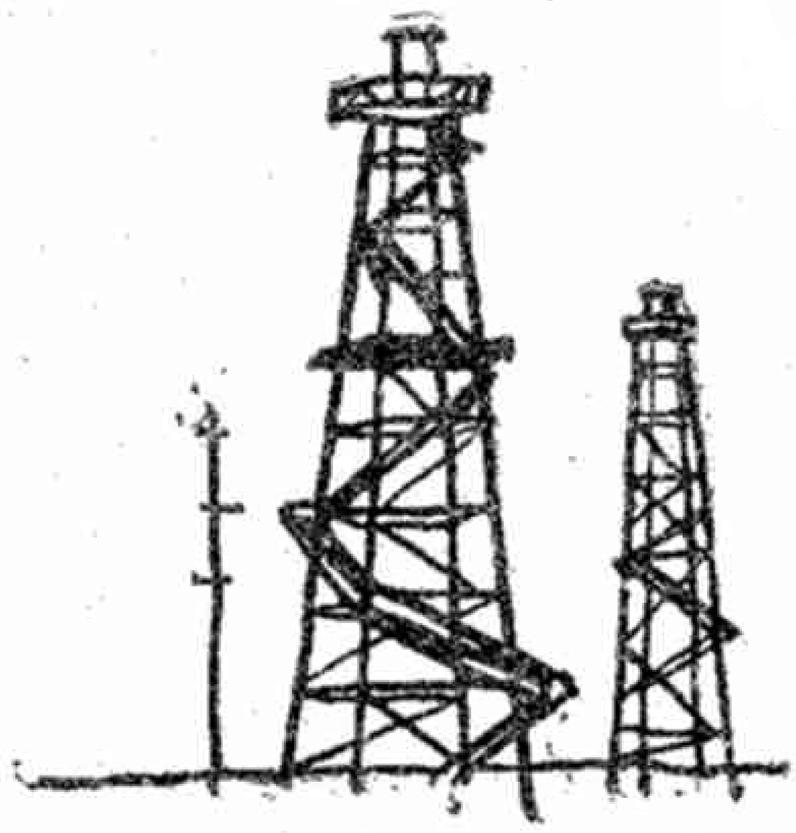


6000 километров по МНР



Маршрут путешествия автора по МНР

В. А. Апродов.



В. А. Апродов

6000 километров по МНР

Записки геолога

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1962

91(09П)
А—77

Путевые записки советского геолога, совершившего в 1958 г. большое путешествие по Монгольской Народной Республике. Автору довелось побывать в самых отдаленных и труднодоступных районах страны. Он пересек горы Хангая и Монгольского Алтая, пустыню Гоби. Путешествие, сопровождавшееся различными дорожными приключениями, позволило автору узнать многое о частых в Монголии землетрясениях, нарисовать в книге любопытную картину „жизни" земной коры на территории МНР.

Много внимания уделяет автор жизни монгольского народа, его древней культуре, успехам в строительстве социализма. В книге много ярких описаний природы, увлекательных рассказов о животном и растительном мире.

Книга хорошо иллюстрирована оригинальными фотографиями, картами, графиками.

Фото автора

Оформление художника Е. ЗОЛОТАРЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Бугд Найрамдах Монгол Ард Улс — Монгольская Народная Республика расположена в центре Азии. Она граничит лишь с двумя странами — Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

По сравнению со своими великими соседями Монголия кажется небольшой, но ее площадь более полутора миллионов квадратных километров. На этой территории смогли бы уместиться Англия Франция, Швеция и ФРГ, вместе взятые.

С запада на восток Монголия протянулась на 2368 километров, и с севера на юг на 1260. От ближайшего морского порта Тяньцзиня ее отделяют 750 километров.

Страна расположена не только далеко от океана, но и высоко над его уровнем, в среднем на 1580 метров. При этом высшая точка — вершина Хуйтун в массиве Табын-Богдо имеет отметку 4653 метра, а самая низкая — у озера Хуху-Нур — 532 метра. Первая возвышается на западе и венчает горные массивы Монгольского Алтая, а вторая затеряна среди равнин Восточной Монголии. Подразделение страны на западную, высокогорную, часть и восточную, равнинную, — не случайно и определяется геологическими процессами. На востоке земная кора давно пришла в равновесие и успела выровняться под действием солнца, ветра, осадков, текучих вод. Западная же часть Монголии — область геологически молодая. Горы здесь сформировались сравнительно недавно, и процесс выветривания не успел даже смягчить их острые первозданные черты. И в наши дни земная кора испытывает здесь огромное напряжение и под

влиянием исполинских внутренних сил продолжает скачкообразное движение вверх. Меняются очертания поднимающихся гор.

Монголия — страна великих землетрясений, неожиданно потрясающих огромные пространства, и еще недавних извержений вулканов, последние из которых «потухли» лет двести назад.

За последние сто лет здесь произошло несколько сотен сильных землетрясений, а в отдельные годы их было больше десяти. Землетрясения 23 июля 1905 года на Хангае, 10 августа 1931 года на Монгольском Алтае, 4 декабря 1957 года на Гобийском Алтае достигали силы в одиннадцать баллов, по двенадцатибалльной шкале, то есть были катастрофическими. Силы девяти-десяти баллов достигали землетрясения в 1902, 1903, 1915, 1922, 1923, 1928, 1933, 1938, 1948, 1958 годах.

Особенно сильные и частые землетрясения типичны для районов гор Прихубсугулья, горных систем Монгольского и Гобийского Алтая, а также озерных впадин Котловины Больших Озер. Очень частые землетрясения, но меньшей силы, бывают на Хангайском нагорье и в Хэнтейской горной стране. В этих областях Монголии продолжается вспучивание, подъем земной коры.

По мере движения на восток сейсмичность постепенно уменьшается, и восточнее Улан-Батора землетрясения происходят редко, а сила их невелика.

Для бурно развивающегося народного хозяйства МНР частые и сильные землетрясения — большая помеха. Конечно, борьба с ними еще не во власти человека, но предсказание этих разрушительных движений позволило бы намного уменьшить тот ущерб, который они каждый раз способны принести. Однако чтобы знать час проявления грозных разрушительных сил Земли, надо всесторонне обследовать те районы, где особенно часто происходят землетрясения.

Такова была цель путешествия двух монгольских ученых и автора осенью 1958 года в сейсмические районы МНР.

Наш 6000-километровый маршрут прошел по большой части Монголии, в том числе по некоторым отдаленным районам, сравнительно редко посещаемым путешественниками.

Экспедиция выполнила задания Комитета наук и высшего образования МНР и охватила Восточный Хангай, Прихубсугулье, Западный Хангай, Котловину Больших Озер, Монгольский Алтай, Долину Озер, Гобийский Алтай. Мы проехали аймачные (областные) города: Булган, Мурэн, Улясутай, Улангом, Баян-Улэгей, Кобдо, Юсун-Булак, Баян-Хонгор, посетили район последнего катастрофического землетрясения в Гобийском Алтае и через аймачный город Арбай-Хэре возвратились в Улан-Батор.

Живые картины далекой, но в то же время близкой братской страны оставили у автора неизгладимое впечатление. И он решился опубликовать эту небольшую книгу своих путевых записок, надеясь, что они привлекут внимание читателей, интересующихся природой и современной жизнью Монголии.

В Монголии автор пользовался консультациями сотрудников Комитета наук и высшего образования МНР Очира Намнандорджа и Падгар Нинчжи и считает приятным долгом выразить им свою искреннюю благодарность.

Глава первая

УЛАН-БАТОР

УЛАН-БАТОР — СТОЛИЦА МНР

Знакомство с той или иной страной нередко начинается с ее столицы. В таких случаях можно считать, что путешественнику повезло — в главном городе, как в фокусе, рельефно видны особенности национальной культуры и основные черты хозяйственного облика страны.

...Я с раннего утра ожидал прибытия нашего поезда в Улан-Батор — столицу Монгольской Народной Республики. За окном расстилалась бурая выжженная солнцем степь и только вдалеке вздымались угрюмые склоны безлесных гор. Низкие серые облака проплывали над горами, подчеркивая суровый колорит пейзажа. Изредка в степи белели отдельно стоявшие монгольские юрты.

До Улан-Батора оставалось километров тридцать, когда в устьях балок, ветвящихся от долины, стали встречаться небольшие поселки из пяти-шести домиков. Около них кое-где чахлая зелень. Ее питают родники, выходящие в балках.

Постепенно поселки становились все больше и как-то незаметно слились в одну сплошную полосу строений. Они подступили к самому полотну железной дороги. Неожиданно среди них выросли огромные производственные корпуса. Это Улан-Баторский мясокомбинат. От него и начинается город. Здесь он застроен одноэтажными домиками и стоящими на фундаментах войлочными белыми юртами. Через 10—15 минут мы подъехали к Улан-Баторскому вокзалу...

Вокзалы, аэропорты, автостанции, пристани — вот те ворота, через которые попадает в города большинство путешественников. Аэропорты всегда расположены за чертой

города, автостанции обычно находятся у рынков, и поэтому ни те, ни другие не служат парадными воротами. Зато железнодорожные вокзалы почти всегда в сердце города — построенные на окраине, они быстро обрастают кварталами и вскоре оказываются в одной из его густонаселенных частей.

Так случилось и в Улан-Баторе. Регулярное пассажирское сообщение началось с 1949 года. Вокзал построили на окраине, а теперь там кварталы больших современных зданий. Растут грузопотоки: все больше и больше пассажиров принимает и провожает вокзал, и все оживленнее становится этот аванпост Улан-Батора.

Еще минута, поезд останавливается, и мы ступаем на асфальтированный перрон.

Поезд из СССР встречает много народу. Под лучами осеннего, но еще жаркого солнца пестреют яркие бордовые, синие, салатно-зеленые кафтаны — *дэли* монголов.

После взаимных приветствий и первого обмена новостями выходим на небольшую привокзальную площадь, где нас ожидает темно-синяя легковая «Warszawa».

Быстро едем по гладкому асфальту, справа по ходу новый мост-путепровод, соединивший завокзальную часть города с центром. Мелькают опрятные дома, несколько поворотов — и машина выезжает на просторную площадь имени Сухэ-Батора. Большой четырехугольник обрамлен зданиями Дома правительства, усыпальницы Сухэ-Батора и Чойбалсана, театра, клуба, телеграфа, кино, гостиницы «Алтай».

Перед входом в красивое трехэтажное здание гостиницы — настоящее озеро. Вместо мостков разложены радиаторы парового отопления. Оказалось, что недавно в городе было наводнение. Из-за сильных ливней разлилась текущая с гор речка Сельбэ. До нее от площади метров семьсот, но бурный паводок достиг гостиницы и других зданий и залил их подвалы. Одновременно разлилась и река Тола, затопившая прилегающую к ней часть Улан-Батора...

Немного отдохнув, я вновь поехал по городу. Наш путь лежал по главному проспекту, прорезающему Улан-Батор от центра до восточной части — Маймачена и проходящему вдоль реки Толы. Движение оказалось довольно интенсивным: проспект — одна из основных городских магистралей.

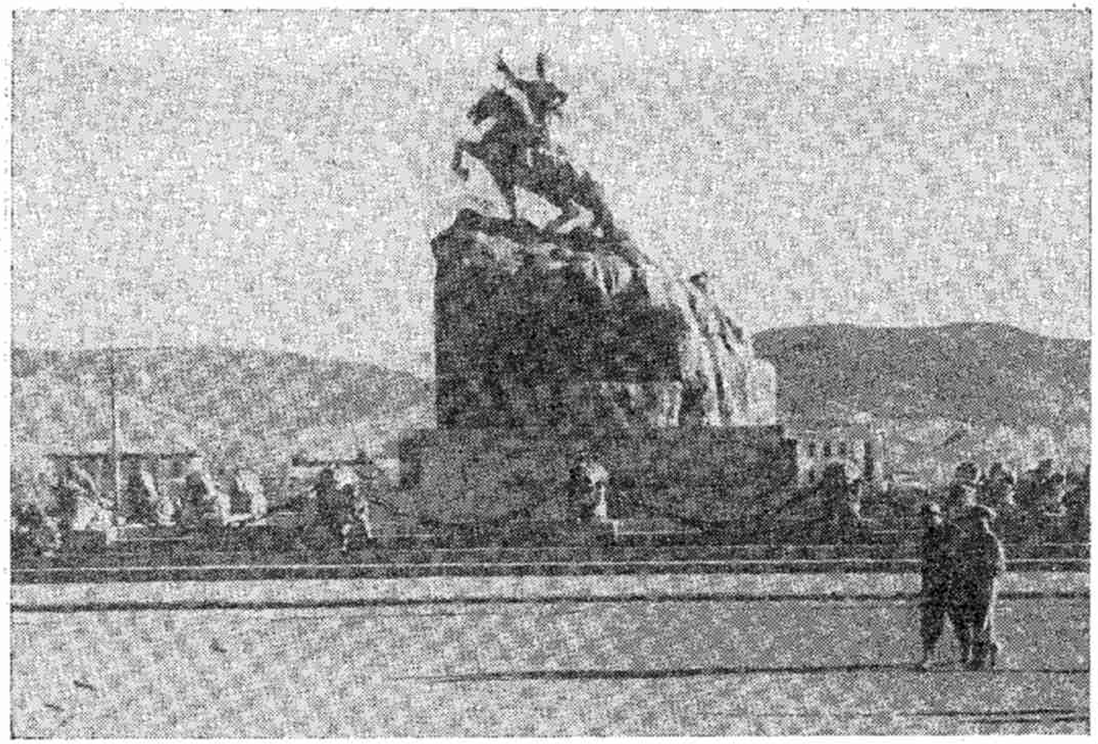
Всю северную сторону площади Сухэ-Батора обрамляет белоколонный Дом правительства МНР. Лабрадоритовой скалой стоит усыпальница Сухэ-Батора и Чойбалсана. Строгие ели подчеркивают величественную картину

...Город строится. Вдоль всего пути идет прокладка теплофикационных, водопроводных и канализационных труб. Сезонная мерзлота проникает в Улан-Баторе на глубину до трех-четырех метров. Поэтому приходится рыть сравнительно глубокие траншеи и котлованы, чтобы пройти замерзающий зимой поверхностный слой. Горы земли вынуты из траншей и лежат непрерывной высокой грядой. Это кое-где затрудняет проезд, создаются «пробки», но смуглые деятельные милиционеры в ярко-синих фуражках и черной форме быстро ликвидируют их.

Здания, как правило, не выше трех-четырех этажей. Улан-Батор расположен в зоне землетрясений шестибалльной силы, и строительство многоэтажных зданий в нем неоправданно...

Вскоре и трех-четырехэтажные дома сменились одноэтажными. Мы миновали мост через Сельбэ, и когда я увидел этот быстрый ручей, то невольно удивился, вспомнив о «потопе» у гостиницы...

Дальше вдоль Сельбэ пошли приусадебные участки. В поперечных улицах появились высокие частоколы из



Высоко на гранитной скале, посреди центральной площади — бронзовый памятник Сухэ-Батору.
Четырнадцать древнемонгольских львов — символ благородства и отваги — образуют его ограду.

бревен и за ними юрты. Но вот речка осталась в стороне, и снова одноэтажные домики, а среди них то там, то здесь стройки больших современных зданий...

...Было уже довольно поздно, когда я вернулся на площадь Сухэ-Батора. Солнце склонилось к горизонту, и на колонны здания правительства легли тени, подчеркивавшие изящные формы портика. На площади перед Домом правительства пламенела в лучах заходящего солнца облицованная черным полированным лабрадоритом усыпальница Сухэ-Батора — Чойбалсана. Посередине площади на огромной гранитной глыбе высилась конная статуя Сухэ-Батора. Автор монумента Чоймбол — ученик советского скульптора Меркурова.

Стремительно взметнулся конь, энергично протянута вперед рука всадника. Гранитный постамент памятника окружен массивной чугунной цепью, которую держат в зубах гранитные львы. Это исконная монгольская традиция в скульптуре. Уже на заре развития Монгольского государства каменные львы символизировали мужество и отвагу.

УРГА — УЛАН-БАТОР

Утром я зашел в книжный киоск при гостинице. В нем оказалось довольно много литературы на русском языке, как советских, так и монгольских изданий. Мое внимание привлек журнал «Современная Монголия», в котором была помещена статья Л. Дугурсурена об истории Улан-Батора...

Улан-Батор был основан в 1639 году старшим ханом Северной Монголии — Гомбодоржи как ставка для его пятилетнего сына Дзанабадзара, которого он объявил *гегеном* (святым и главой ламаистской церкви).

Геген жил в самой большой юрте, покрытой желтой материей. Желтый цвет считается священным в монгольском ламаизме, который даже получил наименование «желтой церкви». Около юрты гегена стояли юрты его приближенных, а на «окраинах» этого, еще кочевого, города ютились крепостные ремесленники, обслуживавшие духовенство и аристократию.

Город в то время называли Урга (Великий Курень). В середине XVIII века он стал административным центром Халхи — Северной Монголии. Однако Урга продолжала кочевать и неоднократно переводилась с места на место. Только в 1778 году Великий Курень окончательно расположился в долине реки Толы у подножия горы Богдо-Ула.

Город того времени состоял из нескольких поселков: собственно Великого Куреня (центральная часть города), Восточного Куреня (у реки Сельбэ), Гандана (нагорной части), торгового центра Маймачена (у реки Улятай, притока Толы). Вокруг этих центров располагалось еще около десятка слобод, населенных аратами-скотоводами.

В конце XIX века в Великий Курень была проведена телеграфная линия из Кяхты, которую затем продолжили до Калгана в Китае.

В 1887 году русские купцы построили первый в Урге мост через реку Толу. К 1910 году население Великого Куреня достигло уже пятидесяти тысяч человек. В 1911 году в связи с получением Монголией автономии городу дали название Столичный Курень. В нем возникли первые промышленные предприятия, электростанция. Основную часть рабочих составляли русские.

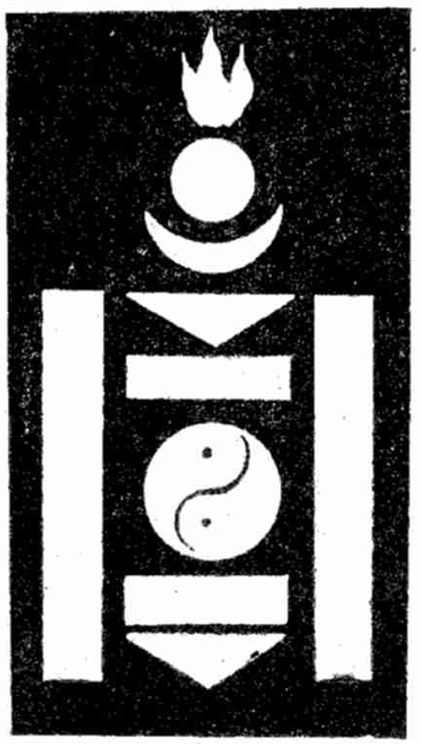
После Великой Октябрьской социалистической революции в Урге возникли революционные организации,

объединившие русских рабочих и беднейшее монгольское население. В дальнейшем в Урге сложилось ядро Монгольской народно-революционной партии. До 1921 года город, как и вся страна, пережил много событий, связанных с вторжением белогвардейских банд Унгерна и насильственной ликвидацией автономии Монголии. Монгольские революционеры во главе с Сухэ-Батором установили связь с Советской Россией, в результате летом 1921 года монголо-советские войска освободили Монголию и ее столицу.

В 1924 году Урга была переименована в Улан-Батор (город Красного Богатыря).

СОЁНБО

Над зданием правительства реет государственный флаг МНР. Голубая вертикальная полоса пересекает в центре красное полотнище. В верхнем его углу, у древка, расположена золотая пятиконечная звезда, а под ней, тоже золотой, «соёнбо» — символ свободы и независимости монгольского народа.



Соёнбо — национальная эмблема монгольского народа

Верхнюю часть соёнбо занимает знак огня — вечности. Под ним изображения солнца и полумесяца, символизирующие восток и запад. Два треугольника — вверху и внизу — острия копий, опущенных вниз. Они означают: «смерть врагам». Две вертикальные черты по бокам изображают стены крепости-государства. В центре эмблемы — две рыбы, образующие круг. В восточной символике рыба издревле олицетворяла мудрость. Две горизонтальные черты символизируют верность и честь. В целом соёнбо — сложная идеограмма, выражающая исконные устремления монгольского народа к независимости и процветанию.

Утвержденный Конституцией в 1960 году государственный герб отражает современные устремления монгольского народа. В круге изображен арат, скачущий навстречу солнцу — светлому будущему. Круг обрамлен колосьями пшеницы, символизирующими богатства природы. Колосья перевиты красной лентой с золотыми буквами БНМАУ (МНР). Из-за ленты выступает контур зубчатого колеса, символизирующего становление монгольской промышленности. Герб увенчан пятиконечной звездой, в которую заключена эмблема соёнбо. В старом гербе МНР место колосьев пшеницы занимал древний монгольский молоткообразный орнамент *алха*, на котором в четырех маленьких кругах были помещены изображения головы овцы, коровы, верблюда, козы.

В символике нового герба отразились коренные сдвиги, происшедшие в народном хозяйстве страны за последние годы.

ОТ БАРАНА ДО ТУГРИКА

Я пришел на центральный почтамт отправить телеграммы в Москву. В просторном зале было многолюдно — посетители писали письма. У всех автоматические ручки. Я уже успел заметить, что монголы их очень любят. У многих не одна, а две и даже три ручки, прикрепленные к борту халата-дэли. В окошке приема корреспонденции девушка в ярко-синем шелковом дэли быстро подсчитала плату.

— Доло тугрик, долан мунгу,— сказала она и, видя мое недоумение, рассмеявшись, перевела:

— Семь тугриков, семьдесят мунгу — это все равно, что семь рублей семьдесят копеек.

Единицей денежного обращения служит тугрик, который делится на сто мунгу.

На тугриках слева изображен герб МНР, справа в овале — портрет Сухэ-Батора. Сверху надпись «Бугд Найрамдах Монгол Ард Улс. Улсын Банк» («Монгольская Народная Республика. Государственный банк»).

На металлических монетах достоинство указано четкими арабскими цифрами: двадцать, пятнадцать, десять, пять, три, две, одна мунгу. Эти монеты выпущены в 1955 году. Изредка еще можно встретить монеты старого образца с обозначениями в старой монгольской письменности.

...А еще в конце прошлого столетия функцию денежной единицы выполняли бараны — *хони* и кирпичи чая. В хони

исчислялись все денежные налоги — *албы*. Кирпичи чая — *цай* служили для мелких расчетов. Позднее — в начале нашего столетия — широко распространилось китайское и русское серебро в слитках — *ямбах*, оформленных в виде так называемых «сапожков». Чтобы разменять ямб, его разрубали, причем пробу определяли на глаз (точнее «на зуб»), а стоимость устанавливали взвешиванием. Наряду с ямбами ходила и разная иностранная валюта.

...Марок на почте я приобрел больше, чем было нужно для моих писем. Они красочные и разнообразные. Самая «ходовая» — небольшая синяя марка в 40 мунгу (стоимость простого отправления). На этой марке изображен государственный герб МНР. Конверты, которые мне дали на почте, тоже очень красивы — их украшают цветные картинки или нарядный орнамент.

На почте же я приобрел свежие газеты и журналы. Центральный орган ЦК МНРП и правительства МНР — газета «Унэн» («Правда»). Первый ее номер вышел в ноябре 1920 года. Тогда это была единственная монгольская газета, а сейчас в МНР издается несколько десятков ежедневных газет.

Немало выходит и журналов, в числе их общественно-политические «Намын байгуулалт» («Партийное строительство»), «Хувьсгалт залуучуудын эвлэл» («Союз революционной молодежи»). Очень популярны массовый журнал «Цог» («Огонек») и сатирический «Матар» («Крокодил»). Меня, естественно, привлек научно-популярный журнал «Шинжлех ухаан» («Наука»), выпускаемый Комитетом наук МНР.

Издаются также журналы на русском («Современная Монголия») и китайском языках.

Уже совсем стемнело, когда я вышел из почтамта. На площади Сухэ-Батора зажглись яркие фонари, то и дело проезжали автомашины и велосипедисты, а пешеходы заполняли тротуары.

Ритм жизни Улан-Батора — это ритм жизни большого современного города, города растущего, уверенно встречающего свое светлое завтра.

ГОРОД СРЕДИ ЧЕТЫРЕХ ГОР

Улан-Батор раскинулся на правобережных террасах реки Толы. Вдоль по долине он тянется километров на шесть, а вширь на три-четыре. Крупные пригородные поселки расположены и на левом берегу Толы у подножия

горы Богдо-Ула. Сама гора, покрытая лесами, объявлена заповедником.

Долина Толы в районе Улан-Батора образует обширную котловину, со всех сторон окруженную горами. На севере высятся горы Чингельты, на востоке — Баин-Дзурхэ, на юге горизонт ограничен горой Богдо-Ула, на западе поднялась гора Сонгино.

Монгольской мифологии было присуще обожествление гор. Об этом говорят культовые маски, изображающие духов ургинских гор. Дух горы Чингельты представлялся в виде злобного костлявого существа с сатанинским выражением лица. Из-за этой горы на Ургу обрушивались леденящие северные ветры. Они приносили зимний гололед, вызывавший гибель скота в степи.

Дух горы Баин-Дзурхэ изображался как толстый добродушный мужчина в золотой короне. Из-за этой горы на Ургу бросало свои первые лучи утреннее солнце. Гора Баин-Дзурхэ считалась святыней жителей Маймачена.

Гора Богдо-Ула была священной для всех халхасцев. На ней запрещалось рубить лес, дробить камень, копать землю, охотиться. Не разрешалось казнить людей, если с лобного места была видна эта гора. Дух Богдо-Ула — мифическая царственная птица, держащая в клюве змею. Дважды в год — весной и осенью — в честь горы Богдо-Ула совершались жертвоприношения. Дух горы Сонгино известен под именем «Сивого старца». Он изображался седым, немощным стариком.

Меняются представления людей, иным становится облик города. Старая Урга была группой неблагоустроенных поселков, слабо связанных между собой. В наследство от них остались узенькие улочки, застроенные низкими домами без окон.

Сейчас город — это сплошная стройка, по которой причудливо вьется лабиринт узких старых улочек, огороженных высокими бревенчатыми заборами. Новые улицы буквально прорубаются через хаос старых построек. Везде слышится урчание мощных тракторов, рев самосвалов — индустриальный шум стройки. К западу от площади Сухэ-Батора взметнули свои стрелы мощные башенные краны. Один за другим возникают новые кварталы четырехэтажных жилых зданий. Их помогают возводить советские инженеры и рабочие.

Страшна маска Сивого Старца — духа горы Сонгино, ограничивающей долину Толы с запада в районе Улан-Батора

На восток от площади тоже идет стройка. Здесь заканчивается сооружение Дворца спорта и стадиона на 25 тысяч мест.

Прежде в пыльной и неблагоустроенной Урге не было зеленых насаждений. Ныне жители Улан-Батора деятельно озеленяют свой город. Вдоль новых магистралей города, застроенных большими зданиями, и на площади Сухэ-Батора шумят на ветру молодой листвой тополя. Они уже дают тень, и под ними так приятно отдохнуть в жаркий полдень. Только с 1955 года в городе посажено более 100 тысяч

деревьев. Вдоль реки Толы заложен молодой «Парк счастливой жизни». Название символично — деревья в нем высажены молодоженами и студентами-выпускниками учебных заведений Улан-Батора. Сейчас создается большой парк культуры и отдыха, который протянется от площади Сухэ-Батора на юг к реке Толе. Начало ему положил городской сквер, в котором среди молодых деревьев стоят ваяния скульптора-самородка Жамбы. Особенно запоминается композиция «Необъезженный конь». Жамба по происхождению арат, и не удивительно, что эта скульптура ему так удалась. В неистовом порыве, желая сбросить всадника, конь высоко вскинул задние ноги, но крепко сидит в седле наездник, надежно лежат его ноги в стременах, и железной рукой он осаживает скакуна...

Улан-Батор меняет свое лицо буквально с каждым днем. Даже местные жители, отсутствовавшие год или два, не узнают многие места города. Трогательно видеть их изумленно-восторженные лица, когда они попадают в эти неожиданно преображенные районы Улан-Батора...

Все больше появляется в Улан-Баторе промышленных предприятий. При помощи Советского Союза построены: большая теплоцентраль имени Сухэ-Батора, обеспечившая электроэнергией и горячей водой предприятия и население города, промкомбинат, выпускающий разнообразную продукцию и осуществляющий ремонт станков, машин и различного оборудования, большой мельничный комбинат, молочный завод и ряд других предприятий.

Растет население города. В 1960 году оно достигло уже 180 тысяч человек, четвертую часть этого числа составляют рабочие.

РУССКИЙ ЯЗЫК — МЕЖДУНАРОДНЫЙ

В предвечерние часы улицы города особенно оживленны. Много велосипедистов всех возрастов на машинах советских, чешских и польских марок. У подъездов вдоль тротуаров — десятки велосипедов, поставленных в деревянные станки. Особенно много велосипедов у двухэтажного здания главного универмага...

В первом этаже универмага большой продовольственный отдел. Большая часть продуктов привезена из СССР. Это сахар, шоколад, мучные изделия, консервы, вина, конфеты. Рядом с советскими товарами — китайские и чехословацкие. Китай поставляет МНР чай, тростниковый

сахар, макароны, рис, консервы, Чехословакия — вина и конфеты. А мясо, масло, колбасы и сыры местные — монгольские. Продаются также местные кондитерские изделия.

На втором этаже промышленные товары. В просторных залах торговля идет бойко. Особым спросом пользуется китайская хлопчатобумажная ткань — *далемба* и цветные шелка, идущие на дэли. Немало здесь и разнообразных советских тканей. В отделе культтоваров большой выбор фотопринадлежностей, велосипедов, мотоциклов.

На обратном пути из центрального универмага в гостиницу заходим в большой книжный магазин. Здесь тоже много покупателей, преимущественно молодежь.

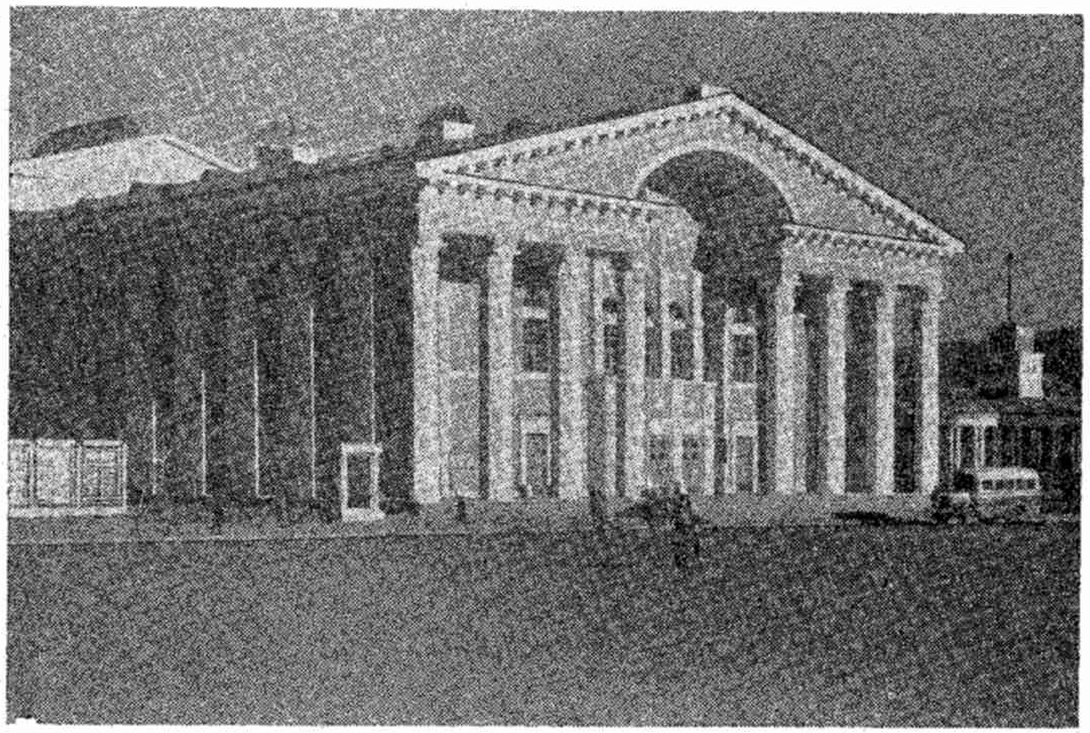
Выбор литературы исключительно богатый. Большой отдел советской книги. На прилавках — все новинки нашей художественной и научно-технической литературы. Они пользуются большим спросом у монгольской интеллигенции, как правило, хорошо знающей русский язык. А в той или иной степени русским языком владеет в Улан-Баторе каждый третий, четвертый человек.

Когда у прилавка книжного магазина в Улан-Баторе встречаются гости, приехавшие в МНР из Румынии, Чехословакии и Кореи, то нередко они объясняются между собой и с продавцами на русском языке. Это же можно наблюдать в ресторане гостиницы «Алтай», где останавливаются приезжие иностранцы.

Мы вышли из книжного магазина, когда солнце уже садилось за гору Сонгино. Улицы заполнила детвора, возвращавшаяся домой из школы. Девочки в коричневых форменных платьицах, мальчики в серых костюмчиках. У большинства детей красные пионерские галстуки. В МНР уделяют много внимания народному образованию и достигли в этом больших успехов. На каждые десять тысяч человек в МНР приходится 1200 учащихся. Из тех же десяти тысяч 108 человек имеют среднее образование, 52 высшее. Это почти вдвое больше, чем в Италии и некоторых других европейских капиталистических странах.

АРАТЫ СМОТРЯТ «ОТЕЛЛО»

...Мы снова на площади Сухэ-Батора. Ее восточную сторону занимает здание Государственного музыкально-драматического театра. Трехэтажное, розового цвета, с белыми стройными колоннами по фасаду, оно радует глаз.



Красиво и величественно здание Монгольского государственного театра, богато украшенное национальными монгольскими орнаментами

— А не пойти ли нам в театр? — спросил один из моих спутников — советский инженер, недавно приехавший из Вьетнамской Народной Республики в Улан-Батор на строительство Монгольского Центрального Дома Связи.

— Пойдемте! — оживились остальные.— А что сегодня идет?

На афише мы прочли: трагедия Вильяма Шекспира «Отелло».

Шекспир на монгольской сцене! Интересно!

Но увы... Билетов в кассе уже не оказалось. Тогда, посовещавшись, мы выбрали делегата к директору театра. Его миссия окончилась успешно, и нас пропустили...

Монгольский национальный театр был организован в Улан-Баторе в 1931 году. Но история монгольского театрального искусства уходит в далекое прошлое. Уже несколько сот лет тому назад в монастырях устраивали своеобразные религиозные мистерии, *цаны* и *майдары*. Светский монгольский театр возник в последней четверти XIX века.

Расцвет национальному театру принес народный строй. Сейчас в МНР работает около 20 постоянных театров,

крупнейший из них Улан-Баторский, где мы находились...

Просторный вестибюль, широкие лестницы ведут наверх — в большое двухсветное фойе, с двухсторонней мраморной колоннадой. Потолок украшает сверкающая хрустальная люстра, на полу огромный китайский ковер. В фойе верхних ярусов висят портреты артистов, фотографии сцен из спектаклей. Читаем подписи: «Бахчисараны оргилалк булак» (Бахчисарайский фонтан), «Хоер эзний зорц» (Слуга двух господ) К. Гольдони. А вот и национальная опера: «Учиртэй гурван толгой» («Три печальных холма») и «Эвор монголд шоглосон» («Южномонгольская шутка») Д. Нацагдоржа, «Ах дуунар» («Братья») Э. Оюуна и другие.

Партер небольшой, на 360 мест. К нему примыкают 12 уютных лож. Верхний ярус, балкон на 200 мест, обрамляют 24 белые колонны. В МНР любят украшать здания колоннами даже внутри.

В зале среди публики нетрудно угадать представителей самых разнообразных профессий — от инженеров и врачей — жителей Улан-Батора до аратов-скотоводов из дальних аймаков.

Артисты играли мастерски, и их вдохновение захватило всех зрителей, в том числе и нас, несмотря на незнание монгольского языка.

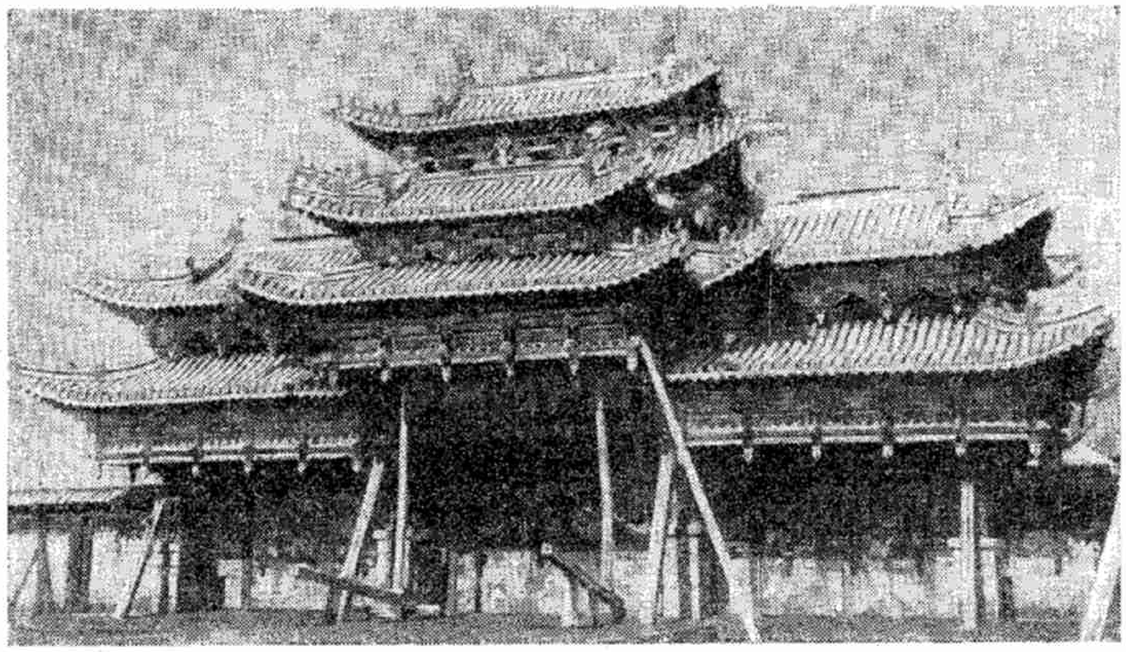
Особенно выделялась игра артиста Гомбосуруна (Отелло). Его трактовка образа своеобразна, но по исполнению роли он может смело сравниваться с лучшими артистами наших сцен.

Этот вечер нам доставил истинное наслаждение.

НА ЗАКАТЕ ЛАМАИЗМА

На третий день моего пребывания в Улан-Баторе я отправился в буддийские храмы. Они сохранились в бывшем Гандане — более высокой части правобережья Толы, в центре около площади Сухэ-Батора и в районе вокзала. Сейчас функционирует только храм в Гандане.

Я попросил спутников показать мне действующий храм, чтобы ознакомиться с буддийскими религиозными церемониями. Мне повезло — именно в этот день шло богослужение, которое бывает раз в месяц. Это было очень удачное совпадение, и мы поехали в Гандан.



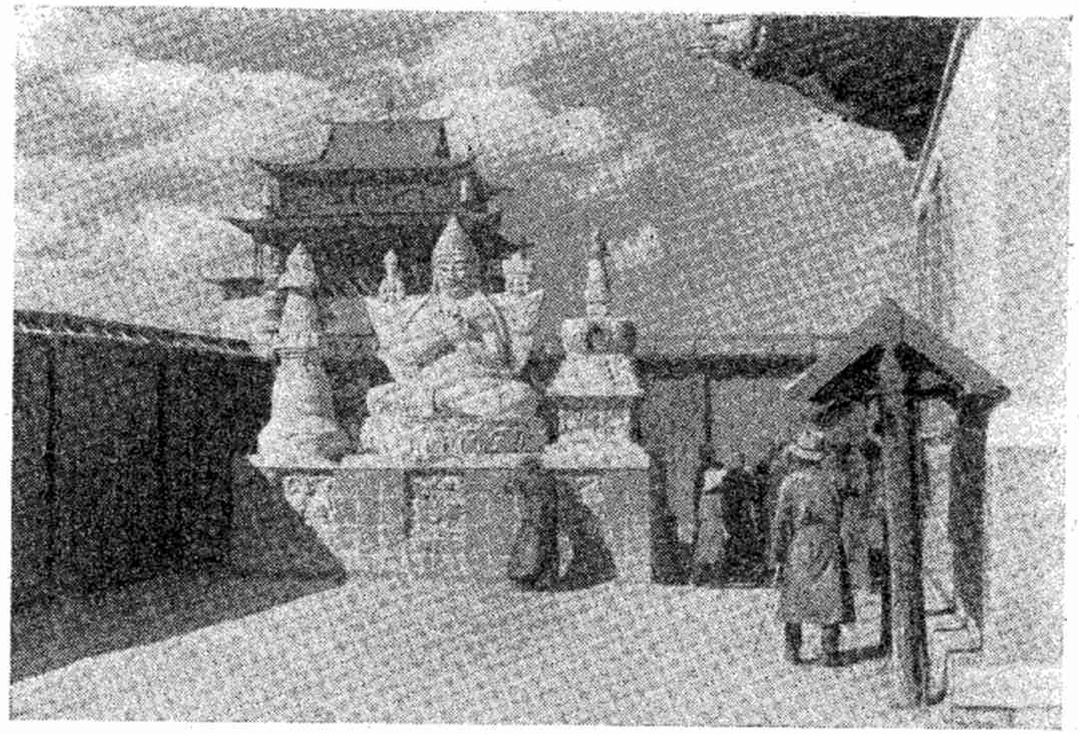
Изумляет изяществом многих резных крыш и богатством украшений бывший дворец богдо-гегена

Храм расположен за высокой деревянной оградой в центре большой четырехугольной площадки, по углам которой стоят четыре высокие мачты. На них развеваются огромные буддийские религиозные цилиндры, похожие на те, какие вывешиваются на аэродромах для показа силы и направления ветра.

Я заинтересовался расцветкой этих цилиндров. Наверху была синяя горизонтальная полоса, затем красная, желтая, белая и зеленая. Этот порядок строго соблюдался на всех знаменах — очевидно, сочетание цветов что-то означало, но что именно, ни мой спутник, ни шофер машины не знали.

Главные ворота, согласно требованиям буддийской религии, обращены на юг. Ворота и расположенные за оградой зимняя и летняя кумирни увенчаны крутоскатными, остроконечными крышами. По своему стилю большая часть построек сходна с храмами китайской архитектуры.

Мы прошли на обширный двор. Здесь толпились верующие в ярких праздничных нарядах. Их встречали ламы с обнаженными бритыми головами, в пунцово-красных легких накидках — *оркимджи*, надетых прямо на голое тело, несмотря на то что было довольно прохладно. Ламы препровождали посетителей к кумирням, которые затейливо украшены резным с позолотой монгольским орна-



Лишь немногие старики посещают теперь буддийский храм в Гандане, чтобы несколько раз повернуть молитвенные барабаны с начертанными на них словами тибетских молитв (справа) да подойти к каменному изваянию Будды, сидящего между двумя субурганами

ментом. На ручках дверей зимней кумирни висело множество ярких лент — приношения богомольцев.

Рядом с этой кумирней под навесами помещались почерневшие от времени, вертикально стоящие большие деревянные цилиндры, надетые на ось и свободно вращающиеся на ней. Время от времени к такому «молитвенному барабану», на который наклеены полоски бумаги с начертанными на них на тибетском языке молитвами, подходит богомолец и быстро вращает цилиндр вокруг оси определенное число раз. Это должно означать, что молитвы произнесены верующим столько раз, сколько оборотов сделал барабан. Получается что-то вроде «малой механизации» при произношении молитв. И эта процедура, и другие религиозные отправления совершаются богомольцами довольно равнодушно.

В другом углу двора мы увидели большое, метров пять высотой, изваяние Будды. Он изображен с прижатыми к груди руками и помещен между двумя *субурганами* (священными обелисками). К изваянию то и дело подходили

верующие и склонялись перед ним в молитве. Затем мы прошли в летнюю кумирню, где шло торжественное богослужение, картина которого поразила меня своей экзотичностью.

Посредине квадратной кумирни — четыре колонны, увешанные пятицветными буддийскими знаменами. Потолка кумирни совсем не видно из-за множества навешанных там разноцветных лент, кусков материи — *худуков*, покрывал и платков.

От входа через кумирню тянутся два низких длинных стола, поставленные параллельно метрах в двух один от другого. Между столами — большая позолоченная статуя Будды, опустившего глаза в истоме нирваны.

Возле позолоченного Будды горой навалены коробки спичек, куски сыра, масла, сала, мяса — это пожертвования верующих. Перед статуей горят многочисленные свечи и светильники в плошках. Они сильно чадят. Воздух в кумирне спертый, в ней полутемно и мрачно.

У подножия статуи Будды сидит главный лама. За столами с каждой стороны — по шестнадцать лам. Они перебирают молитвенные четки, шуршат витками пергаментов. Это уже немолодые люди в ярко-красных мантиях-оркимджах и плиссированных лимонно-желтых накидках. На столах перед ними большие пиалы с кумысом, куски сыра, кисеты с нюхательным табаком и какие-то лепешки. Всем этим ламы время от времени потчуют друг друга.

За их спинами покачиваются зеленые молитвенные барабаны, подвешенные к потолку. Ламы мерно ударяют по барабанам длинными проволочными стержнями с шариками на концах, и слышится нестройный разнотонный рокот. Некоторые ламы играют на своеобразных скрипках.

В стороне от столов за колоннами я увидел огромные металлические позолоченные трубы-боро до четырех метров длиной. Таких труб было по две с каждой стороны кумирни. Четверо лам, сидевших возле труб, время от времени изо всех сил дули в них, и тогда раздавался оглушающий, ни на что не похожий рев.

По знаку главного ламы, вооружившегося большим колокольчиком, заиграл оркестр. Сначала это была сплошная какофония, построенная на одних диссонансах. Но в тот самый момент, когда ваше ухо уже отказывается воспринимать весь хаос звуков, в них вдруг начинает пробиваться какой-то ритм, а потом мелодия, суровая и

дикая. Мне на мгновение представился ураган в пустыне... Ритм все учащается и становится биением неведомого исполинского пульса.

Ламы начинают глухо бормотать какие-то молитвы, читая их по пергаментным свиткам. Потом все ламы вдруг замирают, умолкают трубы, и слышится только глухой рокот барабанов, наполняющих кумирню каким-то подземным гулом...

Отношение посетителей к происходящему весьма различно. Одни, самые усердные, воздевают вверх руки, сложенные ладонями вместе, потом опускают их на уровень груди, потом вниз. Кое-кто даже падает ниц, растягиваясь смаху во весь рост на специальных молитвенных досках. Для этого нужна сноровка. По-видимому, это самые «ужасные грешники». Я с любопытством, но незаметно оглядел их. Ничего особенного — большей частью обыкновенные старухи.

Часть богомольцев обходит кумирню по периметру, двигаясь по часовой стрелке. Они проходят вдоль стен мимо буддийских икон и статуэток и прикладываются то к одной, то к другой из них. Выбор, очевидно, определяется либо замаливаемыми грехами, либо просьбами, с которыми обращаются к богу.

Многие ведут себя более чем равнодушно, громко разговаривают между собой и, очевидно, о делах сугубо мирских, так как я улавливал некоторые уже знакомые мне слова домашнего обихода. Впрочем, время от времени собеседники воздевают руки вверх, а затем опускают их вниз. Но выполняют это они механически и, на мой взгляд, даже не согласуясь с ходом богослужения. Это не удивительно, молитвы читаются на древнетибетском языке, который молящимся непонятен.

В толпе немало и таких, которые с явной иронией смотрят на лам. Это преимущественно молодые люди. Они, видимо, попали на богослужение либо со своими престарелыми родственниками, либо просто так, из любопытства...

Можно уходить. Нарушить порядок бояться нечего — люди входят в кумирню и выходят из нее, не обращая внимания на богослужение.

...Садясь в машину, мы услышали взрывы веселого молодого смеха — группа молодых монголов и монголок, выйдя из кумирни обсуждала подробности богослужения.

ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ БОГОВ И БОГИНЬ

Из Гандана мы вернулись к площади Сухэ-Батора и от нее проехали метров двести по одной из улиц, ведущей к реке. Здесь, рядом со зданием Комитета наук МНР, в старинном буддийском храме расположен антирелигиозный музей. Собственно говоря, музеем его назвать еще нельзя, так как собранные в нем предметы культа буддийской религии пока еще научно не систематизированы и поэтому показываются лишь по специальным разрешениям Министерства культуры МНР.

Храм состоит из главного кирпичного здания и ряда деревянных пристроек. Он богато украшен сложной резьбой по дереву и позолотой. Над входом укреплена большая темно-синяя доска в золотой раме. По синей доске золотом выведено название: «Храм милосердия». Оно повторено на четырех языках: древнетибетском, китайском, маньчжурском и древнемонгольском. Храм был воздвигнут в конце прошлого столетия, но окончательно отделан к 1905 году.

Хранитель музея обратил наше внимание на роспись потолков террасы и вытесанные из камня символические изображения животных: слона, льва, обезьяны и других.

Внутри здания царил полумрак. Лишь откуда-то сверху пробивались отдельные лучи света и желтыми бликами играли на позолоченных статуях.

Мы огляделись. Изумительное зрелище представляло это бесчисленное множество божеств, заполнявших кумирню.

Для буддийской религии Монголии было характерно существование богов «узкой специальности». Поэтому-то их так много. Около тысячи богов «ведали» различными сторонами мирной жизни и около пятисот — военной деятельностью. Были, например, боги, «помогающие» только при переправах через реки, другие — при переходах через горные перевалы, третьи оберегали от конокрадов... И хотя верховным божеством оставался Будда, положиться лишь на него верующий не мог и в каждом конкретном случае был обязан обращаться за поддержкой к соответствующему божеству.

Порой наибольший интерес вызывает скульптурное воплощение того или иного божества. Например, невольно останавливаешься перед большой обрядовой маской бога богатства и счастья — Эдинтенгора, украшенной тысячами

кусков красного коралла. Такие маски «оживали» в цамах— больших религиозных мистериях — ежегодных летних карнавалах, устраиваемых в честь этого бога. Еще несколько шагов, и невольно вздрагиваешь, увидев огромные безобразные маски богов войны, украшенные коронами из человеческих черепов. Эти маски — воплощение злобы и ярости.

Рядом, в тени богов войны, притаился сидящий лама! Это набальзамированная и позолоченная мумия Балтана Чоймбола — учителя последнего монгольского гегена.

Под слоем позолоты сохранились все мельчайшие морщинки и даже жилки кровеносных сосудов на висках. Лицо мумии бесстрастно; а взор, как и у Будды, устремлен куда-то мимо вас — не то вниз, не то вдаль.

По соседству с мумией и богами войны — статуя бога Камба, главного распорядителя в загробном мире. Четыре человеческих черепа в его венце символизируют страны света — пути душ усопших.

В небольшом настенном алтаре на восточной стене храма помещена статуя стройной богини Лхам верхом на сером коне. Ее функции куда приятнее — те же, что и у нашего деда-мороза. По старым монгольским поверьям, в канун Нового года она обязательно заедет в каждую юрту и принесет дому счастье — нужно только перед входом заблаговременно положить три кусочка льда.

Многие статуи и маски явно отражают влияние индийской мифологии. Таковы, например, стилизованные огромные маски священных оленя и быка, богато разукрашенные и позолоченные. Здесь же рядом в боковом алтаре массивная коричнево-желтая статуя индийского бога, творца вселенной, создавшего землю, солнце, звезды и весь мир.

Очень большой интерес представляет позолоченная статуя Мамтры — будущего преемника Будды. По буддийскому учению, Будда — седьмой пророк и в будущем должен уступить свое место восьмому — Мамтре. Изображение этого «будущего» пророка мало чем отличается от Будды — тот же взгляд, устремленный куда-то в пространство, то же неземное спокойствие лица, так же скрещены ноги, и лишь правая рука, согнутая в локте, поднята к небу. Бросается в глаза крупный драгоценный камень во лбу и тонкие немонгольские черты лица Мамтры, выдающие индийское происхождение этого божества — след взаимопроникновения и борьбы разных ветвей буддизма.

Венчает все это невообразимо пестрое собрание различных богов большая позолоченная статуя Будды, изображенного в его классической позе. Он сидит на пышном троне в окружении тридцати двух других богов, которые расположились по обе стороны от него за низкими столами. Им-то и подражали ламы в зимней кумирне. Сзади подвешены парчовые хоругви и молитвенные зеленые барабаны, расписанные устрашающими картинами мучений грешников, непокорных ламам. На столах тоже барабаны, но сделанные из двух половинок человеческих черепов, скрепленных теменными частями. Отверстия черепов затянуты черной замшей, а по краям на шнурках привязаны шарики. При встряхивании такого барабана раздается частая глухая дробь.

Здесь же на столах парные половины полых металлических шаров. Полушария с ручками. Хранитель музея берет в каждую руку по полушарию и ударяет их одно о другое. Мы поражены протяжным сильным металлическим звуком. Звучит как бы огромный камертон на высокой ноте. Звучит долго и печально, постепенно стихая. Таких камертонов-полушарий несколько, и настроены они на разные ноты. На столах лежат и своеобразные духовые инструменты, сделанные из полых берцовых костей человека...

Над столами с потолка свисают уже известные нам пятицветные буддийские религиозные знамена. Наконец-то мы узнали, что означают эти цвета. Синий цвет изображает дерево, красный — огонь, желтый — землю, белый — железо, зеленый — воду. Это пять основных «элементов мира» в древнемонгольской религии и философии. У каждого из них есть своя богиня. Их статуи мы увидели в другом помещении, а пока перешли к осмотру небольших боковых алтарей. Здесь стояли изваяния одно другого фантастичнее. Например, у богини совести — Раявал — одиннадцать голов, у бога долголетия и деторождения — Намджалла — шесть рук и три головы. Даже в ровном полусвете они кажутся довольно страшными. При свете колеблющихся огней жертвенных светильников их вид был, наверное, еще более ужасным. Но «рекорд» побивает большая скульптура бога любви Ямандзага (индийского происхождения). У него девять голов, тридцать четыре руки и шестнадцать ног. Стоит сопоставить это страшилище с богиней любви древнего Рима — Венерой, чтобы убедиться, как различны могут быть представления об одном и том же...

Прекрасна фигура богини Тары, изготовленная в семнадцатом веке монгольским скульптором Дзанабадзаром

Во внутреннем зале, вернее в главном алтаре храма, большая позолоченная статуя тибетского ламы Богдо - Дзонхово, проведшего в XIV веке реформу буддийской религии, и статуя бывшего владельца храма Дзанбазара — брата последнего монгольского гегена. Дзанбазар изображен, подобно Будде, на троне, в сиянии позолоченного ореола. Сверху простерла свои крылья фигура всемогущего птицечеловека Хонгорта, своего рода «святого духа». Так буддийская религия обожествляла власть имущих.

Нельзя сказать, чтобы все эти фигуры и маски ласкали глаз и радовали бы душу — буддийская религия, как и всякая другая, основана как раз на противоположных чувствах. Ее задача была в том, чтобы внушить страх, безропотное повиновение. Тем более мы были отрадно удивлены, когда нам показали бронзовые позолоченные статуи прекрасных богинь пяти основных элементов мира. Богини изображены в одной и той же классической позе сидящего Будды, с потупленным взглядом. Но изящные и стройные фигуры богинь могут поспорить с лучшими образцами классических скульптур древней Греции, а тонкие вдохновенные лица полны очарования.

Статуи разнятся лишь по положению рук, цвету драгоценных камней на лбу и ожерелий, спадающих на грудь. Разного цвета и жертвенные сосуды, стоящие перед ними. У каждой свой цвет — синий, красный, желтый, белый, зеленый — цвет того элемента, который она символизирует...

Мы долго любовались этими совершенными произведениями монгольского искусства, достойными украсить любой музей мира. Однако пора было уходить — мы провели в храме около четырех часов.

Выйдя на улицу, мы невольно зажмурились от яркого солнечного света и на мгновение остановились... Оживленный говор прохожих, шум автотранспорта, рокот экскаваторов, роющих котлованы для новых домов — как это контрастировало с могильной тишиной полутемного храма, с застывшими в немой неподвижности статуями богов...

Старое осталось позади.

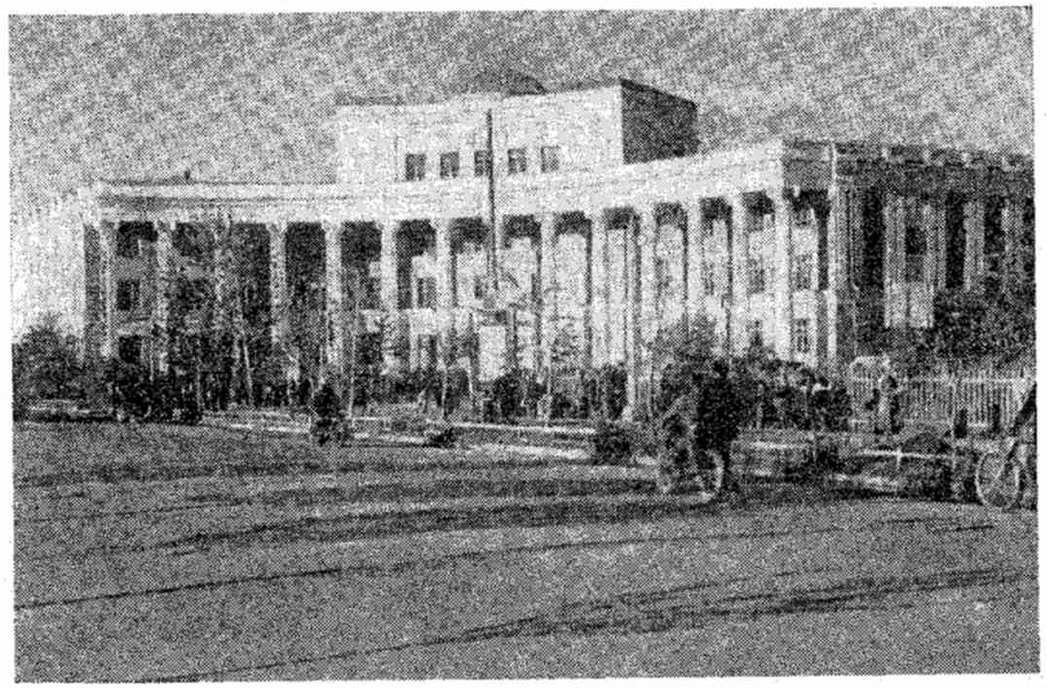
ХРАМЫ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

На широком проспекте стоит Монгольский Государственный университет. Это тоже храм — храм современной науки. Светлое трехэтажное здание раскинулось двумя большими крыльями. Вход, расположенный на углу здания, ограниченном вогнутой кривой, украшен четырнадцатью мощными колоннами.

Монгольский университет — первое высшее учебное заведение страны — создан в 1942 году при помощи Советского Союза. Тогда было лишь три факультета: медицинский, ветеринарно-зоотехнический и педагогический, на которых 34 преподавателя обучали 148 студентов.

Сейчас в университете тоже три факультета: общественный, медицинский и естественный, а педагогический и ветеринарно-зоотехнический выделились в самостоятельные — педагогический и сельскохозяйственный институты. В 1958 году в университете училось 2500 человек, а педагогическую и научную работу вело уже 220 ученых. На некоторых отделениях получают знания студенты из КНР, КНДР, СССР.

Общественный факультет готовит специалистов по языкознанию, литературе, истории, иностранным языкам, в том числе и по русскому языку. Медицинский факультет выпускает врачей различных специальностей. Естественный факультет готовит математиков, физиков, химиков, биологов, метеорологов, географов. Географическое отделение одно из самых мощных. В 1958 году на трех его курсах занималось 100 студентов. Перед молодыми монгольскими географами открываются увлекательные перспективы познания еще мало изученной природы родной страны.



Четырнадцать белых колонн обрамляют вход в современный храм науки — Монгольский государственный университет

За годы своего существования университет выпустил свыше трех тысяч специалистов, успешно работающих во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры МНР. Немало монголов получили образование в СССР, Чехословакии, Польше, Китайской Народной Республике.

Университет хорошо оборудован и оснащен современной научной аппаратурой. Его профессорско-преподавательский состав поддерживает тесный контакт с научными и высшими учебными заведениями Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Студенты изучают русский язык и читают на нем специальную литературу.

Работа университета тесно связана с деятельностью Комитета наук и высшего образования МНР (Монгольская академия наук).

Из университета мы пошли вверх по проспекту Чойбалсана мимо новых светлых трехэтажных домов к недавно построенному Дворцу пионеров. Желто-белое трехэтажное здание Дворца венчается посредине башней со шпилем. На шпиле эмблема пионеров Монголии.

У входа — скульптуры пионеров. Просторный вестибюль украшен большими китайскими вазами. На первом

этаже в одном крыле — фойе зрительного зала, в другом — кабинеты различных кружков: радиотехнического, химического, физического, юных натуралистов и других.

Поднимаемся на второй этаж и осматриваем зрительный зал на шестьсот мест. Рядом помещение для игр, богато украшенное живописью, комната монгольских сказок, а за ней библиотека и лекторий.

Третий этаж занят кабинетами краеведения и музеем природы Монголии. В башне, венчающей дворец, расположен местный радиоузел.

...Уже вечерело, когда мы снова подошли к площади Сухэ-Батора. Везде зажглись вечерние огни, а на здании кинотеатра имени Эльдэв Очира горела разноцветная неоновая реклама. Вечерний ветер парусил огромное полотно с портретом Аксиньи — Э. Быстрицкой и надписью — по-монгольски «Тихий Дон».

Монгольское кино зародилось в 1933 году при помощи советской кинематографии. Первыми совместными советско-монгольскими фильмами были «Сын Монголии» и «Сухэ-Батор». С 1936 года стала работать Улан-Баторская киностудия, которая выпускает художественные и документальные кинофильмы, а также дублирует на монгольском языке иностранные кинофильмы.

В 1958 году на Международном кинофестивале стран Азии и Африки в Ташкенте монгольский фильм «У порога жизни» получил высокую оценку.

В МОНГОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ

От подъезда нашей гостиницы виден трехэтажный светлый фасад музея, украшенный шестью мощными колоннами с коринфской капителью. Над портиком большой знак соёнбо. Высокий подъезд по бокам стерегут два стилизованных каменных льва. Они оскалили зубы, но имеют в общем добродушный вид...

Входим в здание и попадаем в первый раздел, посвященный физической географии МНР и ее природным ресурсам. Здесь висят разнообразные карты страны: рельефа, почвенные, климатические и другие. Наше внимание привлекли экспонаты вестников неба — метеоритов. Вот железокаменный метеорит, найденный в 100 километрах севернее Улан-Батора в местечке Ноин-Ула. Он весит 105 килограммов. Еще интереснее железный 168-килограммовый

метеорит «Манлай», найденный в 1951 году в урочище Дэрсын-Ус у Манлай-Сомона в Южной Гоби. Черная, плоская, оплавленная сверху глыба достигает метра в длину. Ее поверхность покрыта мелкими вдавленностями, образованными давлением струй воздуха при падении метеорита, происходившем со скоростью нескольких километров в секунду. Найденная часть метеорита «Керулен» весит 33 килограмма, но весь он был во много раз тяжелее. Метеорит упал зимней ночью 1949 года в урочище Удын-Ам, расположенное в нижнем течении реки Керулен. Падение сопровождалось ослепительной вспышкой и взрывом, гул которого был слышен за 150 километров.

Чемпион монгольских метеоритов — метеорит Адж-Богдо, найденный в 1952 году на одноименном хребте в районе Алтай-Сомона, Гоби-Алтайского аймака, мы увидели позже во дворе Комитета наук МНР. Это глыба из никелистого железа, неправильной кубической формы весом в 582 килограмма 200 граммов — в музее она не поместилась.

В том же отделе музея выставлены уникальные вулканические бомбы, собранные в замечательном вулканическом районе — Даригангском плато. Оно находится на юго-востоке МНР у самой границы ее с Китайской Народной Республикой. На плато известно более двухсот вулканов. Некоторые из них действовали всего несколько сотен лет назад. Самые большие из вулканов Даригангского плато Дзолон-Хан, Алтан-Обо возвышаются над окружающей местностью на сотни метров.

В музее экспонируются и вулканические бомбы с Хангайского нагорья, расположенного в центральной части МНР. Там тоже немало вулканов, изливавших потоки базальтовой лавы, но потухли они гораздо раньше, чем в Дариганге.

Вулканы Монголии в наши дни молчат, но подземные силы природы очень часто по-другому показывают свою мощь. Монгольская Народная Республика — страна великих землетрясений. В 1905 году в Северной Монголии произошло грандиозное землетрясение, после которого главная трещина протянулась вдоль северных подножий хребтов Хан-Хухэй и Болнай в северной части Хангайского нагорья на 400 с лишним километров. Ширина ее местами достигала пяти-шести метров.

4 декабря 1957 года в Гобийском Алтае произошло еще более сильное землетрясение. Хребты Ихэ-Богдо и Бога-

Богдо были разбиты трещинами, протянувшимися на сотни километров. Местами горные массивы оказались приподнятыми на несколько метров по сравнению с окружающей их местностью. Это землетрясение было ощутимо во всей Монголии. В Улан-Баторе, удаленном от эпицентра на 600 километров, землетрясение достигло силы в шесть баллов — дребезжала посуда, качались висячие лампы, трескалась и осыпалась штукатурка. Человеческих жертв было немного лишь потому, что основная область землетрясения слабо населена.

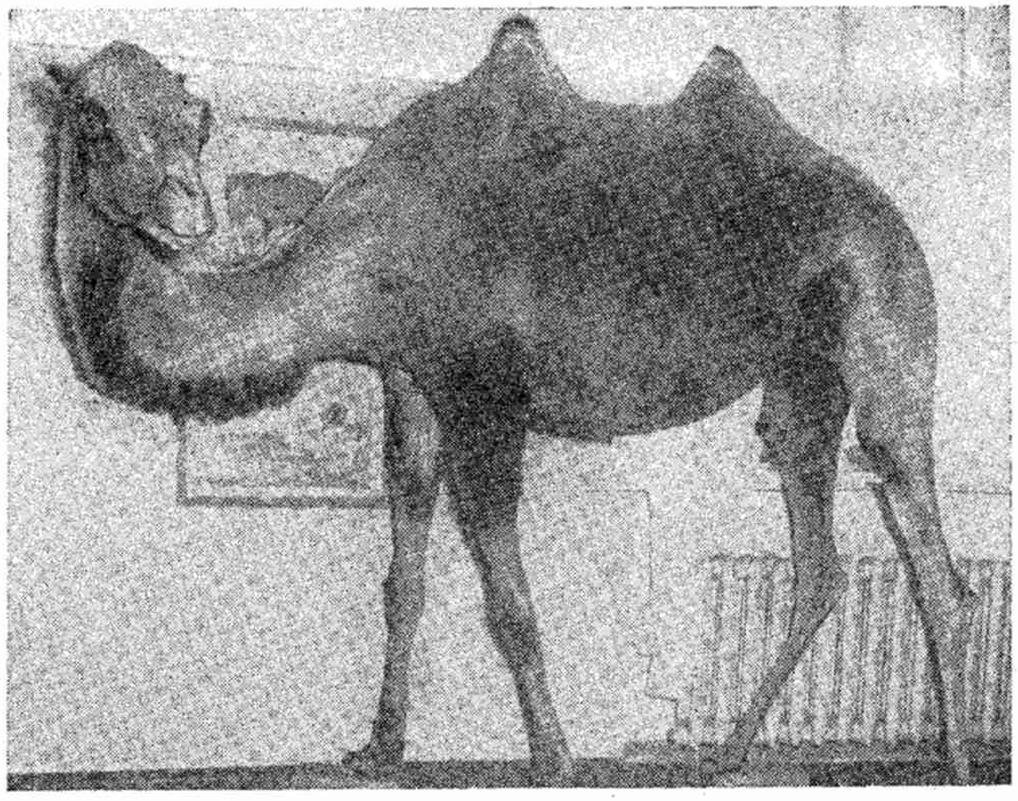
МНР — настоящая сокровищница полезных ископаемых. Ее территория — часть великого Монголо-Охотского рудного пояса, открытого советским ученым академиком А. Е. Ферсманом и прослеженного нашими геологами.

До недавнего времени в МНР не было известно месторождений нефти. С помощью советских геологов она найдена на юго-востоке страны, и сейчас в Дзун-Баине работают нефтепромыслы и нефтеперегонный завод. Они построены Советским Союзом и переданы Монгольской Народной Республике.

Среди образцов минералов, представленных в музее, некоторые выделяются редкой величиной и красотой. Таковы, например, кристалл черного турмалина из Монгольского Алтая около 50 сантиметров в поперечнике, кристаллы горного хрусталя из урочища Горхи (60 км восточнее Улан-Батора) достигают 70 сантиметров. Очень красивы кристаллы бериллов из Булган-Сомона на Монгольском Алтае и оптического флюорита из Горхи.

Однако полезные ископаемые страны выявлены еще недостаточно. Висящая в музее геологическая карта МНР показывает, что центральная часть страны — Хангайское нагорье и некоторые другие районы — остается белым пятном.

Во втором отделе музея экспонируются образцы растительности МНР. Выделяются уникальные экземпляры *дзага* — саксаула со стволом до 70 сантиметров в диаметре, доставленные из Номин-Гоби (область Заалтайской Гоби на юге МНР). Здесь же представлены основные растительные ассоциации лесостепной, степной и пустынной зон МНР, наиболее распространенные дикие и культурные злаки. Очень интересен дикий злак — *дерису*, отличающийся огромным ростом и исключительной крепостью соломы. Выставлены и образцы фруктов, выращиваемых монгольскими опытниками в долине нижнего Орхона.



Своеобразен вид дикого монгольского верблюда, предполагаемого предка домашних верблюдов

В третьем отделе показывается животный мир МНР. В отделе рыб бросаются в глаза таймени (*тул*) до полутора метров длиной, добытые в реке Орхон. Из крупных животных хорошо представлены козероги (горные козлы), аргали, или архары (горные бараны). Интересен черный волк (*хара чоно*); это редкое животное гибрид волка с собакой. Здесь же показан снежный барс (ирбис), обитающий в Монгольском Алтае. Внимание ученых привлекает чучело очень редкого дикого верблюда, встречающегося в Заалтайской Гоби. Среди зоологов ведутся споры о том, всегда ли он был диким или же это одичавшее животное.

Из других экспонатов можно отметить дикую лошадь Пржевальского, монгольских антилоп. Хорошо показаны грызуны, в том числе знаменитый монгольский тарбаган (сурок) — основа пушного промысла в МНР.

Богат и мир пернатых в МНР. Много в музее хищных птиц — ястребов, коршунов, орлов, грифов. Обильны и разнообразны водоплавающие — пеликаны, лебеди, гуси, утки, чомги. Птицы пустыни представлены сажем, или пустынником, саксаульной сойкой, жаворонками и огромными дрофами.

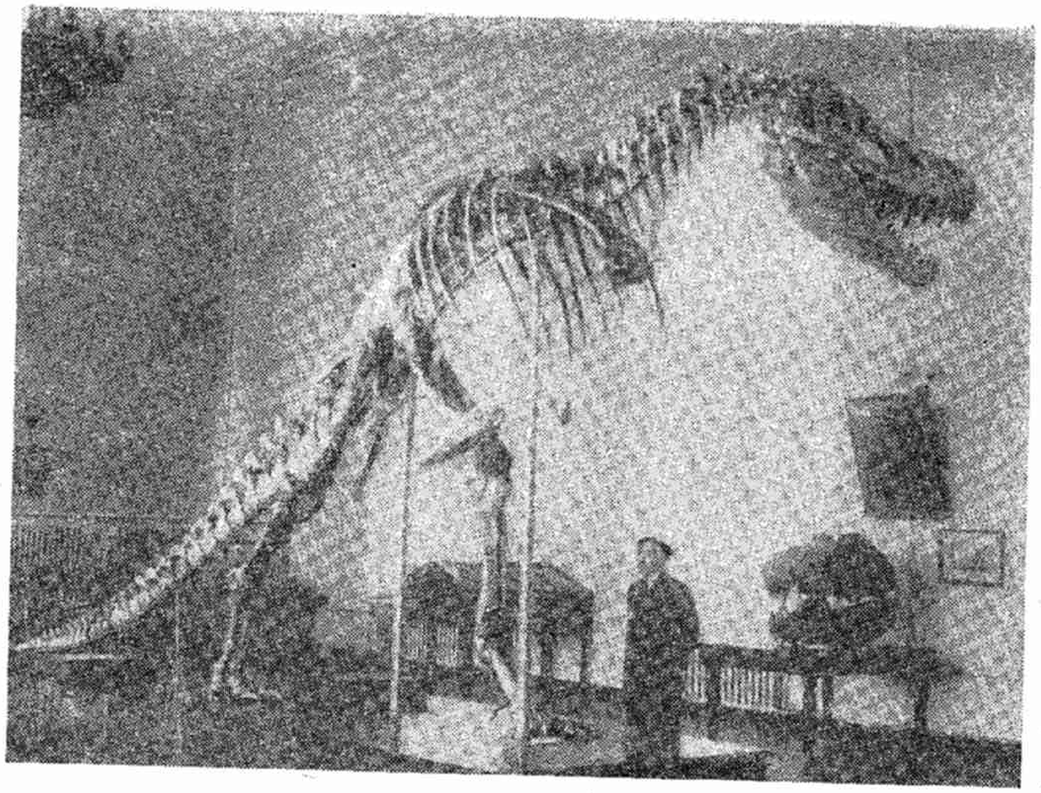
На зоогеографической карте видно, что животный мир наиболее богат и разнообразен в лесной зоне МНР. Чем дальше на юг, тем меньше видов птиц, сами виды малочисленнее и вместе с тем они все более своеобразны и приспособлены к условиям пустынь.

ВЫМЕРШИЕ ЧУДОВИЩА

На втором этаже в отделе палеонтологии выставлены скелеты и черепа ископаемых позвоночных — меловых динозавров и третичных млекопитающих, найденные на юге МНР.

Особенно интересны динозавры. Сразу бросается в глаза пятиметровой высоты скелет хищника — *тарбозавра*, стоящий на задних лапах посредине высокого двухсветного зала и почти упирающийся в потолок. Массивные задние трехпалые ноги, вооруженные когтями, образуют с гигантским хвостом прочную опору. Сидящего тарбозавра не сбил бы даже современный слон. Передние конечности хищника не касались земли. Они сравнительно невелики, но хватка их шпорообразных роговых когтей на пальцах была смертельна для намеченной жертвы. Скелет венчает огромнейший череп в полтора метра длиной. Соответствующего размера пасть усажена кинжалообразными зубами 30—40 сантиметров длиной. Такие зубы прочно захватывали добычу, с ужасающей силой пронзали и роговые и костяные панцири животных — современников тарбозавра, дробили и ломали их скелеты. Но несмотря на большую голову, умом это чудовище не блистало. Об этом свидетельствует удивительно малый объем мозга по сравнению с размерами черепа. Видимо, пищи было достаточно и борьба за существование не требовала от тарбозавра эволюции мозга. Встреча с этим феноменом мелового периода была бы небезопасна даже для современного человека, вооруженного огнестрельным оружием.

Рядом со скелетом лежат огромные окаменелые яйца. Их снесли гигантские ящеры-динозавры, водившиеся в далеком прошлом в Южной Монголии. Яйца 25—30 сантиметров в поперечнике, а бедренная кость, стоящая рядом у стены, в полтора раза превышает рост человека. Под стать и исполинские следы этих гигантов. Плиты серых



Невольно умолкают посетители, увидев гигантский скелет хищного тарбозавра

глинистых песчаников с такими следами выставлены у входа в зал.

Уникальный экспонат — отпечаток кожи динозавра на песчанике напоминает своим рисунком тиснения под так называемую крокодиловую кожу. Эта редкая находка доставлена из местности Алтан-Ула на юге МНР.

В другой стороне зала выставлены черепа травоядного *белуджитерия* — третичного носорога и хищного *андревизавра* — самого крупного хищника из третичных млекопитающих, населявших Монголию. Они доставлены сюда из знаменитого местонахождения ископаемой фауны третичного периода в Эргил-Обо, Хатын-Булакского сомона, Восточногобийского аймака. В ту же эпоху в огромных пресных озерах-морях, покрывавших Монголию, обитали гигантские водяные черепахи. Их панцири полутора метров в диаметре выставлены тут же. Рядом лежат ископаемые яйца третичных страусов, населявших монгольские степи.

Гораздо меньше находок четвертичной ископаемой фауны Монголии. Мы видели лишь черепа древнего быка — тура и бивни мамонта...

«НАРОДЫ СМЕНИЛИ НАРОДЫ»

Переходим в отдел истории монгольского народа.

...Человек на территории МНР появился в глубокой древности. Об этом свидетельствует карта находок топоров, глиняной посуды и других предметов обихода первобытных людей, к которым относился так называемый «гобийский человек».

Интересно, что уже на ранних ступенях развития человеческого общества сказалась особая специфика кочевого хозяйства населения центральноазиатских областей. В частности, для территории МНР характерны находки примитивных уздечек. Значит, уже по крайней мере в бронзовый век люди, обитавшие здесь, приручили лошадь и широко использовали ее в хозяйстве.

В следующем зале показан гуннский (хуннский) период истории Центральной Азии — III век до нашей эры — I век нашей эры. Государство гуннов (Хун-Улс) занимало большую территорию в центре Азии и было связано со многими государствами того времени.

В музее стоят деревянные гробницы гуннских князей, обнаруженные экспедицией П. К. Козлова в урочище Ноин-Ула (100 км севернее Улан-Батора). В захоронениях найдено много предметов хозяйственного обихода. По этим вещам, которые клали в могилы вместе с покойником, можно судить, что гунны, помимо скотоводства, занимались и земледелием. Об этом говорят железные сохи и большие, полутораметровой высоты сосуды, служившие для хранения зерна. Внизу у сосудов были проделаны специальные отверстия для вентиляции.

В могилах лежали также привозные ковры, лакированные чаши с дарственными надписями китайского происхождения, греко-римские ткани и другие иноземные товары.

Гуннское государство распалось в I веке нашей эры, большая часть гуннов ушла на запад — в Европу. Затем пять столетий на территории Монголии одно за другим сменялись недолговечные государственные образования, не оставившие заметного следа в истории. Лишь в начале VI века сформировалось Тюркское государство — *каганат*, существовавшее по VIII век. Тюркский каганат в период наибольшего могущества подчинил огромную территорию — от Великой китайской стены до Каспийского моря — а его

столица находилась на реке Орхоне. Здесь в Хошат-Сомоне (Ара-Хангайского аймака) произведены раскопки знаменитых могильников Бэлинг-Хан и Культэчэн-Хан, давшие ценные сведения по истории Тюркского государства.

В VIII и начале IX века территория Монголии входила в состав Уйгурского государства. Уйгуры были воинами-кочевниками с относительно высоким уровнем культуры. Они создали в центре Азии значительные города: Хара-Балгасун на реке Орхоне (около Эрдэни-Дзу в Хошат-Сомоне, Ара-Хангайского аймака) и Бай-Балык на реке Селенге. Уйгурская культура развивалась под сильным влиянием индийской и среднеазиатской культуры. Много позднее монголы заимствовали письменность уйгуров и использовали ее до совсем недавнего (1941 г.) времени.

Уйгурское государство пало под ударами надвинувшихся с севера кочевых племен енисейских киргизов. Последние образовали Хиргиз-Улс (Киргизское государство), просуществовавшее весь девятый век нашей эры и разгромленное в десятом веке *киданями* — выходцами с территории Маньчжурии. Киданьское, или Хятанское *, военно-феодальное государство занялось строительством городов и крепостей. Они принесли и свою письменность, похожую на китайские иероглифы. В хозяйстве Киданьского государства наряду со скотоводством было развито земледелие. Именно в этот период появились такие орудия труда, как огромные каменные ступы и жернова для помола зерна. Киданьское государство просуществовало двести лет и в XII веке пало под ударами монгольских племен.

Процесс объединения разрозненных монгольских племен в единое государство был длительным и завершился в 1206 году при Чингис-хане.

Его военно-феодальное государство постепенно подчинило себе не только Центральную Азию, но и Северный Китай, Бухару, Хорезм, Хоросан, Персию и Армению. Позднее, после смерти Чингис-хана (1227 г.) при Угэдей-хане, монголы захватили Южный Китай и большую часть Восточной Европы. Монгольская империя простиралась от берегов Тихого океана до Западной Европы. Экономика гигантского государства была подчинена военным целям — удержанию захваченных стран и завоеванию новых территорий.

* Дай-Ляо по-китайски, Хятан-Улс по-монгольски.

В музее представлены многочисленные экспонаты оружия и боевого снаряжения того времени. Перед нами манекены древнемонгольских воинов. На головах у них шлемы, украшенные высоким султаном, из-под которого свисает бунчук — пучок конских волос. Железная кольчуга защищает туловище воина. В руках у него боевой лук, одновременно служивший щитом, и стрелы с железными наконечниками, украшенные орлиными перьями.

Все военные части монголов были кавалерийскими. Это обеспечивало им быстроту передвижения и молниеносность нападения. Каждая часть именовалась *тук-знамя*. О ее численности судили по знаменному бунчуку — он состоял из стольких прядей конской гривы, сколько жеребцов, а следовательно воинов, было в части.

Боевые кони подбирались по мастям. В одних военных частях они были белые, в других — вороные, гнедые и т. д. Соответствующих цветов были и бунчуки тук-знамен.

Более крупным соединением была часть в девять знамен. Она называлась *юсунтук*. Такими юсунтуками монголы вторгались обычно на территории других государств. Между прочим, считают, что название Ессентуки на Кавказе связано с этим названием монгольского войскового соединения.

В музее можно видеть поражающие своими размерами колесные втулки от огромных боевых колесниц, которые монголы брали в свои крупнейшие походы. Колесницы служили для перевозки катапульт — грозных метательных машин, способных сокрушать прочнейшие крепости того времени, а также для перевозки в неразобранном виде юрт военачальников.

Интересны и огромные походные котлы до двух метров в диаметре, имеющие полусферическую форму и шесть больших ручек для переноски.

В середине XIII века — времени наибольшего могущества Монгольской империи — ее столицей стал построенный в этот период город Каракорум в долине верхнего Орхона. Каракорум посетили многие путешественники, в том числе знаменитые Плано Карпини и Марко Поло *.

Развалины Каракорума недавно были исследованы советским историком Киселевым и монгольским археологом Пэринлой. При раскопках нашли много монет различного

* Их книги переизданы в 1958 и 1959 гг. Географгизом.

происхождения, гирь для весов, что говорит о развитии торговли, а также остатки художественной строительной керамики с цветной глазурью. Ученые исследовали фундаменты зданий и собрали материал, позволивший сделать макеты зданий Каракорума, которые экспонируются в музее. В архитектуре дворца богдо-хана сочетались элементы классического древнегреческого, византийского, мавританского и китайского стилей. Вход оформлен в виде портика с четырнадцатью колоннами, имеющими богатые капители. Две боковые круглые башни увенчаны куполами, окна в них романского типа — узкие, глубокие с полукруглым верхом. Такая же башня, только большего размера, расположена в центре и венчает все здание. На всех башнях знаки соёнбо.

В 1264 году Хубилай-хан перенес столицу из Каракорума в Ханбалык (Пекин), а в 1271 году положил начало Юаньской, или монгольской, династии в Китае. Из периода Юаньского государства (1280—1368 гг.) интересны *буллы* и *тамги* — знаки власти. Они в зависимости от важности лица, которому вручал их хан, делались из бронзы, серебра, золота, нефрита...

Экономически слабо связанная, раздираемая внутренними противоречиями и под ударами извне Монгольская империя постепенно распалась.

Позднее, в 1691 году, монгольское государство было завоевано маньчжурами, и страна превратилась в глухую окраину Маньчжурской империи. Упадку хозяйства способствовали междоусобицы феодалов и ламаизм. К началу XX века в Монголии жило меньше миллиона человек, а на шее у трудового народа сидело 111 князей и тысячи лам.

Задавленные нуждой араты не могли прокормить свои семьи. Рождаемость в стране катастрофически падала. Монголам грозило вымирание. Все это толкало монгольский народ на решительную борьбу за свое освобождение.

В музее показаны материалы о восстаниях в 1755—1758 годах, восстании в 1901 году в городе Улясутае и других народных выступлениях. Эта борьба привела к получению Монголией в 1911 году автономии. Однако перемен к лучшему в жизни трудового народа не произошло, он по-прежнему находился под невыносимым гнетом феодалов и ламаистской церкви.

Спасение народу принесла революция 1921 года, деятельность Монгольской народно-революционной партии, бескорыстная братская помощь советского народа...

За короткий исторический срок монгольский народ под руководством Монгольской народно-революционной партии преодолел пережитки феодального прошлого и, миновав капиталистический этап развития, уверенно идет по социалистическому пути.

Весь третий этаж Национального музея посвящен современной жизни МНР: ее экономике, культуре, искусству.

В ярких, красочных экспонатах здесь раскрывается экономическая и культурная революция, которую совершил монгольский народ, строящий социализм в своей стране.

Монгольские художники и скульпторы создали прекрасные портреты национальных героев, полотна, отображающие историю и современный быт народа, пейзажи родной страны. Этот раздел национального музея ввел меня в будущую мою поездку по стране, которая стала живой прекрасной иллюстрацией увиденного мною в заключительных залах музея. Путешествуя по МНР, я часто потом поминал добрым словом Национальный музей.

НА ЗАПОВЕДНОЙ ГОРЕ МОНГОЛОВ

— Сегодня мы хотим показать вам окрестности Улан-Батора,— сказал мне в воскресенье утром молодой научный работник Гомбодордж.— Куда бы вы хотели поехать?

Я на минуту задумался. В окрестностях Улан-Батора славится своей красотой местечко Сонгино, расположенное в 20 километрах к западу от города. Там в живописном скалистом ущелье реки Толы среди густого уремного * леса расположены дома отдыха, санатории, пионерские лагеря, дачи.

Однако я предпочел другой маршрут: по левому берегу реки Толы в заповедник горы Богдо-Ула, а затем далее на восток в «Монгольский Донбасс» — угольные копи Налайхэ, расположенные в 40 километрах к востоку от Улан-Батора. Это месторождение угля часто упоминается в геологической литературе по Монголии.

* Уремный — пойменный лес.

Мы выехали на вездеходе ГАЗ-69 и пересекли Толу по мосту, а затем свернули направо вдоль высокого скалистого берега к урочищу Дзайсан Тологой (Царственный холм). Машина выехала на обширную выровненную террасу левого берега Толы. Здесь в устье большой пади Дзайсан-Ам, разрезающей северный склон горы Богдо-Ула, расположен 120-метровый конусообразный холм-останец. Он лежит между современным и древним руслами реки Толы.

На вершину холма ведет узкая тропа, на крутых местах в скале вырублены ступеньки, а по бокам расставлены скамьи для отдыха. На плоской вершине холма 18-метровой пирамидой возвышается обелиск — памятник советским воинам, павшим в боях за свободу и независимость Монголии. Он был открыт 5 июля 1956 года.

Четырехгранный стройный обелиск стоит на кубическом постаменте. На нем золотом написано на русском языке: «В память героям Советской Армии, павшим в борьбе за свободу и независимость монгольского народа». Внизу подпись: «Правительство МНР, ЦК МНРП».

На гранях постамента скульптурные барельефы — сцены битв за освобождение Монголии в 1921 году и сражений с японскими самураями в 1939 и в 1945 годах. Под барельефами надписи на монгольском языке. Вокруг памятника разбита бетонированная смотровая площадка, обнесенная ажурной оградой. С нее открывается великолепный вид на долину Толы и раскинувшийся в ней Улан-Батор.

Внизу прямо под ногами видны построенные в виде четырехугольников здания Улан-Баторского сельскохозяйственного института, Высшей партийной школы, Больничного городка.

Белыми пуговками по склонам холмов левобережья рассыпаны круглые монгольские юрты. Дальше на севере за широкой синей лентой реки Толы дымят трубы энергокомбината имени Сухэ-Батора и Промкомбината. Еще севернее отчетливо виден железнодорожный вокзал со станционными путями и строениями.

От вокзала улицы взбегают вверх по уступам правобережных террас реки Толы. Море домов широко разливается вокруг площади Сухэ-Батора. Некоторые кварталы города достигают отрогов Хэнтэйских гор, замыкающих горизонт на севере.

Кругом простор и безмолвие, нарушаемое лишь свистом ветра. Над долиной Толы на одном уровне с нами парят

орлы. Далеко на западе над Улан-Баторским аэропортом кружат самолеты. Они кажутся тоже орлами...

Полюбовавшись панорамой монгольской столицы, мы спустились с холма, а затем по крутым каменистым склонам пади Дзайсан-Ам полезли на вершину одного из северных отрогов горы Богдо-Ула.

Отметки самой низкой части долины реки Толы 1300 м. Мы же поднялись не менее чем на 600 метров над рекой и, следовательно, находились на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря.

Такая высота давала себя знать ощутимым для легких разрежением атмосферы. Северный ветер дул все сильнее и валил с ног людей, шедших по гребню горного отрога.

С гребня скалистого отрога долина Толы видна уже на сорок километров от Улан-Батора до Сонгино на западе и до скалистых ворот, прорезанных рекой у горы Баин-Дзурхэ на востоке. Громады хребтов Хэнтэя терялись в свинцовой облачной дымке и напоминали внезапно окаменевший во время бури океан.

А высокий холм Дзайсан-Тологой, на котором мы только что были, казался отсюда совсем крошечным — не более кочки.

Мы вошли в заповедный лес, покрывавший склоны горы Богдо-Ула. Его общая площадь достигает 20 тысяч гектаров. Могучие столетние лиственницы и кедры составляют верхний растительный ярус. Защищенный их покровом от суровых ветров на отдельных более низких участках растет лиственный лес. Гора Богдо-Ула самая южная точка распространения лесов в МНР.

В заповеднике водятся изюбры, кабарги, лесные косули, дикие кабаны, рыси, волки. Охота на зверей и рубка леса здесь запрещены. Животные не боятся человека и иногда можно наблюдать, как изюбры спускаются с гор и пасутся вместе с домашним скотом на границе заповедника.

Вершина горы плоская, горизонтальная. Это древняя поверхность выравнивания, выработанная континентальным выветриванием на гранитах. На горе выдаются немногие вершины. Главная вершина — Цэцэгун имеет высоту 2222 метра, вершина Тушегун — 2011, а Дзун-Ширету и Барун-Ширету около двух тысяч метров каждая.

По плоской поверхности горы Богдо-Ула местами причудливо разбросаны выветрившиеся скалы серого

гранита. Они очень красивы и образуют живописные группы среди густого леса.

Граниты разбиты густой сетью тектонических трещин, по некоторым из них пробиваются родники с ключевой водой, что ведет местами к заболачиванию леса в заповеднике.

...Вдоволь набродившись в лесу, мы вернулись к машине и поехали левым берегом Толы вверх по ее течению в урочище Бурхэр (в переводе — Котел), где на северо-восточном склоне Богдо-Ула строится комплексная астрофизическая и сейсмическая станция Комитета наук МНР.

Вскоре дорога повернула в гору, и начались серпантины между россыпями гранитных глыб. Наш шофер, молодой бравый парень, вел машину, мало считаясь с рельефом. Он то и дело срезал повороты и ехал прямо по склону между камней. ГАЗ-69 рычал и задыхался, но безотказно полз вверх.

Поднявшись метров на четыреста, мы попали на строительную площадку. Обсерватория предназначается для наблюдений за солнцем и за изменениями широты местности *, для службы времени и для геомагнитных и сейсмических наблюдений. Консультирует эти работы Восточно-Сибирский филиал АН СССР.

Обсерватория расположена на покатом склоне, опоясанном с нагорной стороны крутым уступом гранитной скалы около 15—20 метров высотой. Этот уступ имеет очертания полуокружности, отчего местность и получила наименование Котел.

Вместе со строителями работали студенты Улан-Баторского университета. Они рыли траншею для водопровода к корпусу тридцатидвухквартирного жилого дома для научных сотрудников. Студентам приходилось выворачивать большие глыбы гранита из глинистого грунта. Однако молодежь это не смущало, и работа спорилась.

Мы прошли к котловану, заложенному на месте будущей установки для измерения широт.

На глубине трех метров в забое залегли глыбы серого гранита, кое-где пересеченные редкими трещинами. Рабочие усердно долбили гранит ломами, колотили по нему

* Изменение географической широты местности устанавливается при помощи многократного наблюдения за изменением астрономических координат небесных светил. Изменение широты местности вызывается движением материков и изменением ориентировки земной оси.

кувалдами, но крепкая порода поддавалась слабо. Я посоветовал подошедшему к нам прорабу либо использовать взрывчатку, либо применить клинья. Тут же на бумаге нарисовал ему чертежи и объяснил, как использовать клинья.

Затем мы пошли посмотреть площадку для будущего коронографа *, которая оказалась на высокой гранитной скале. Отсюда все строительство было видно как на ладони. Недалеко от возводимых корпусов стояли яркосиние островерхие монгольские палатки — *манханы*, в которых жили строители. Здесь же приютились деревянные домики. Их из досок и горбылей соорудили семейные рабочие.

Осмотрев строительство, мы сели в автомашину, и наш лихой шофер повез нас вниз напрямик по склону, ловко руля между огромными камнями и впадинами. Мы неслись со скоростью 60 километров в час. Тормоза на поворотах только визжали.

В МОНГОЛЬСКОМ ДОНБАССЕ

Через пятнадцать минут мы вихрем влетели на дорогу, промчались по мосту через Толу, а затем по Налайхинскому шоссе, уходящему в боковую долину небольшого правобережного притока.

Асфальт вскоре кончился, и дальше пошла грунтовая дорога. Я с любопытством приглядывался к ней. Ведь мне предстоит проехать несколько тысяч километров по таким вот путям. Монгольские шоферы, как я уже успел убедиться, любят быструю езду, наша машина шла со скоростью до 70 километров в час. Я понял, что это не лихачество, а наиболее правильный способ движения. Чем больше скорость, тем меньше трясет машину, она не подпрыгивает на каждом бугорке и камешке, из которых, собственно, и состоит полотно дороги. Нужен лишь верный глаз и твердая рука водителя, и автомобиль на большой скорости будет идти плавно, убаюкивающе покачиваясь.

Шоссе то раздваивалось, то даже делилось на три ветви, разбегаясь по пологим склонам холмов, так же как река на равнине растекается многими руслами, чтобы потом снова соединиться вместе в ущелье.

* Коронограф — прибор для наблюдений за солнечной короной.

Шоферы здесь выбирают ту или иную трассу шоссе, руководствуясь состоянием машины, грузом или, наконец, своим вкусом.

Справа по ходу ниже нас в долине тянулась линия железной дороги Улан-Батор — Пекин. Слева — значительно выше по холмистому борту долины извивалась узкоколейная железнодорожная ветка Улан-Батор — Налайхэ.

Осенняя степь, раскинувшаяся вокруг, поражала своим буро-коричневым однообразием. Кругом ни деревца, ни кустика. Дул сильный порывистый ветер, и на дороге то и дело поднимались небольшие пыльные смерчи, пересекавшие степь в одном и том же направлении. Высоко в небе парили орлы, с трудом балансируя при неожиданных порывах ветра. Кое-где на холмах паслись табуны лошадей. Навстречу попалась двухколесная повозка — подобие кавказской арбы, запряженная цугом двумя верблюдами.

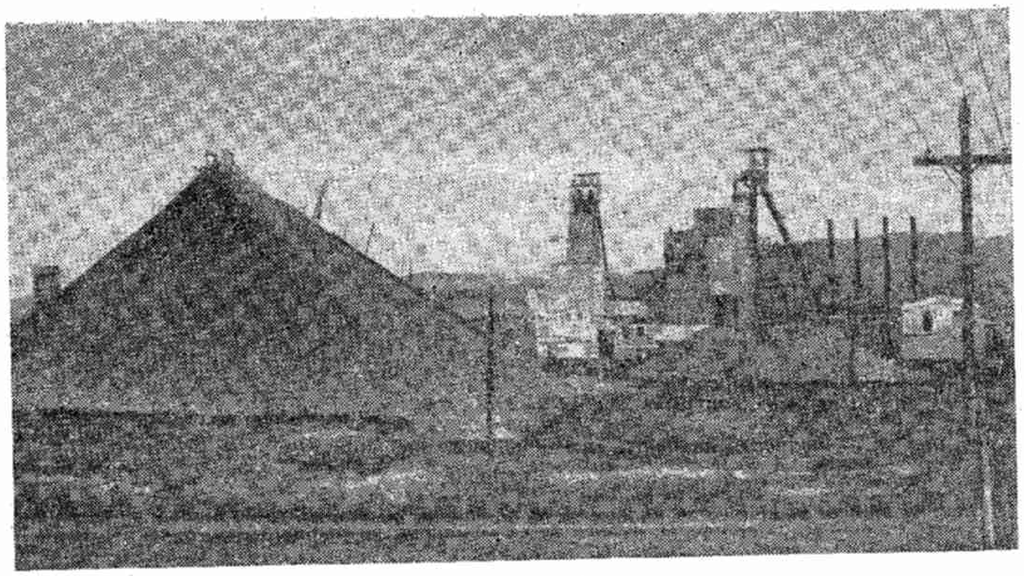
На переднем верблюде, удобно устроившись между его горбами, сидит монголка в ярко-оранжевом дэли. Верблюды идут важно, не обращая никакого внимания на нашу вихрем пролетающую мимо машину. Видимо, автотранспорт для них уже так же привычен, как и лошади, пасущиеся в степи.

Примерно через полчаса в долине под нами показался большой поселок и железнодорожная станция. Это Хонгор — первая остановка на пути из Улан-Батора в Пекин. Поселок привольно раскинулся на широком конусе выноса речных наносов из ущелья, выходящего в долину. В центре поселка стояло десятка полтора одноэтажных домов, вокруг россыпь белых монгольских юрт, блестящих на солнце в бурой степи, наподобие молодых шампиньонов.

От Хонгора шоссе на Налайхэ свернуло влево — на восток, постепенно удаляясь от железнодорожной линии Улан-Батор — Пекин. Дорога пошла в гору, и мы поднялись на уровень водораздельных холмов, отделяющих долину от Налайхинской впадины-котловины.

От края и до края всюду вставали горные кряжи, терявшиеся один за другим в голубовато-фиолетовой дымке. То там, то сям между горами четкими кружочками белели юрты, виднелись скопления черных и красно-коричневых точек. Это паслись в долинах бесчисленные стада.

Взлетев на очередной бугор, мы увидели панораму огромной округлой котловины, окаймленной по горизонту невысокими горными кряжами. Это провал — образован



Высоко поднялись копры и терриконы первой капитальной шахты в центре Налайхинского каменноугольного района

он теми же силами, что и впадина Байкала. Примерно сто миллионов лет назад — в меловом периоде, мощные движения земной коры в корне преобразили рельеф Центральной Азии. В тот период появились новые мощные хребты и гигантские озерные котловины. Одной из них была и Налайхинская, в которой накопилась более чем полукилометровая толща угленосных верхнемеловых отложений. Сейчас эта впадина прорезана у северного края долиной реки Толы, а по центру ее притоком — ручьем Налайхэ. Русло Налайхэ четко обозначено зеленью ее берегов и резко выделяется среди бурой иссохшей равнины. Залежи угля сосредоточены у краев котловины, преимущественно у западного ее борта. Там и расположены шахты, жилые и общественные постройки.

Город раскинулся по широкой дуге. Видны большие копры, около них терриконы — конуса извлеченной из недр породы. В центре города белые двухэтажные дома под серыми шиферными крышами. Их несколько десятков. Вокруг домов, если не «море», то большое «озеро» юрт.

Мы спустились с водораздельной гряды к главному зданию шахты. Был выходной день. Только изредка рудничные вагонетки медленно взбирались по подъемнику на склон террикона и вываливали новые порции породы. Это в шахте очищали забои — готовились к рабочей неделе.

Мы вышли из машины и стали взбираться на террикон, насыпанный серой плотной слоистой глиной, отложившейся в большом озере, которое заполняло Налайхинскую котловину в меловом периоде.

Я поднял кусок глины и внимательно рассмотрел его под лупой. Темно-серые толщиной в доли миллиметра слои чередовались с белесоватыми толщиной в два-три миллиметра. Темные отлагались зимой, светлые — летом. И так каждый год слой за слоем. В куске глины, который я держал в руке, свыше 100 тонких парных ленточек. Значит, слой глины примерно в 20 сантиметров откладывался 100 лет. Я поднял продукт вековой деятельности озера!

Тогда же, в меловой период, в озеро сносился растительный материал, из которого и образовались каменные угли Налайхэ. Вот большие куски его лежат у террикона, груды угля навалены около бункеров. Черный, блестящий налайхинский уголь содержит все же значительное количество золы (8—13%) и серы (1—2%). При хранении навалом уголь способен самовозгораться. Куски его быстро выветриваются и распадаются на угольную мелочь при перевозке. Это отрицательные качества. Однако налайхинский уголь обладает большой теплотворной способностью: от 5668 до 5945 больших калорий, что значительно превосходит теплотворность, скажем, подмосковных углей, у которых она в среднем равна 4500 калориям. Обогащенный же налайхинский уголь имеет теплотворность от 7684 до 7054 больших калорий, что равно теплотворности прославленных донецких углей.

Налайхинское месторождение известно с конца XIX века. Однако его запасы оставались неизученными, и полностью угольные богатства бассейна были определены совсем недавно с помощью советских геологов.

Сначала только два верхних пласта угля разрабатывались небольшими мелкими шахтами. Сейчас в Налайхинской котловине выявлено девять угольных пластов мощностью от 0,75 до 4,30 метра. Это открыло широкие перспективы угледобычи, и 10 июля 1954 года была заложена первая капитальная шахта производительностью 600 000 тонн угля в год. Она была пущена в эксплуатацию 15 января 1958 года.

...На террикон поднялась очередная вагонетка. Ее содержимое — большие комья породы с шумом скатились к подножию насыпи. Мы подошли к ним. Комья были твердые и мерзлые. Вечная мерзлота! Она залегает здесь на глубине двух метров слоем сорокаметровой мощности. Под мерзлыми породами в песках залегает полутораметровый слой тяжелых плывунов. Сквозь все эти преграды шахтеры Монголии с помощью советских специалистов проложили капитальную шахту и открыли широкий путь к сокровищам налайхинских недр.

Всего в Налайхе десять шахт. Капитальная шахта разрабатывает пятый сверху угольный пласт. Верхние пласты разрабатываются мелкими штольнями и шахтами, окружившими по периферии поля капитальной шахты. Мы подъехали к одной из них. Наклонная штольня уходит под углом в 20 градусов. Крепление деревянное, по штольне настелен узкоколейный путь, который выведен на деревянную эстакаду. Под нею размещены бункера для погрузки угля в автомашины. В этой штольне несколько десятков горняков разрабатывают третий сверху пласт.

Налайхинское месторождение не единственное в МНР. Республика располагает большими запасами угля. Наиболее распространены в стране залежи бурого угля в верхнемеловых отложениях, возникшие около 100 миллионов лет назад. Они заполняют котловины наподобие Налайхинской. Таковы, например, месторождения Баин-Булак и Дзун-Булак. Пласты достигают здесь большой мощности — от четырех до девятнадцати метров.

На границе с Китайской Народной Республикой в сорока километрах южнее Югодзыря находится месторождение Тумен-Цогто, на юго-востоке МНР в 25 километрах западнее города Далан-Дзадагада обнаружено Джиргалантское месторождение бурого угля с пятью пластами мощностью от 10 до 25 метров.

Другая возрастная и качественная группа месторождений угля залегает в отложениях пермской системы, образовавшихся примерно 250 миллионов лет назад. Таковы месторождения каменного угля в долине реки Мурен в 70 километрах от Ундурхуна, где известны шесть пластов мощностью от 0,5 до 4,5 метра.

В Гобийском Алтае находится Табун-Тологойское месторождение этого же возраста с большим количеством угольных пластов, объединяющихся в толще до 18 метров мощности.

В настоящее время в МНР открыто уже 13 крупных месторождений бурого и каменного угля, в том числе и коксую-

щегося. Если в 1922 году в Монголии были только мелкие кустарные шахты, добывавшие все вместе не более тысячи тонн угля в год, то в 1957 году добыча составила уже 408 тысяч тонн, а в 1960 году до 900 тысяч тонн.

...Мне хотелось осмотреть видневшиеся на горизонте горные кряжи, ограничивавшие Налайхинскую котловину с востока. В бинокль на их склонах были отчетливо видны скалы, между которыми кое-где темнел лес.

Наша машина прямо по степи пересекла огромную, чуть волнистую равнину — днище котловины. В центре ее мы переехали вброд небольшой ручеек.

— Вот Налайхэ-Гол («река Налайхэ»),— сказал мой спутник.

Такому более чем громкому определению здесь удивляться не стоит. В безводных полупустынных степях Монголии хозяйственное значение подобного ручейка исключительно важно. Именно благодаря этому ручейку, не высыхающему летом, в Налайхинской котловине могут пастись огромные стада лошадей и баранов.

Но все же, глядя на Налайхэ-Гол, трудно представить, что еще в недавнем геологическом прошлом (каких-нибудь 100 тысяч лет назад) он был большим полноводным потоком. Однако рельеф неопровержимо свидетельствовал именно об этом. Только мощная река могла создать широкие площадки террас в днище котловины. Я насчитал три таких площадки, приподнятые на 5, 15 и 25 метров над ручьем. Каждая из них распространяется на несколько километров в глубь берега долины. Впоследствии я убедился, что подобные огромные сухие долины исчезнувших рек очень характерны для Монголии.

За Налайхэ наша машина быстро поднялась по пологому скату, окаймлявшему котловину около ее восточного борта. Потом мы въехали в устье широкой сухой пади с плоским дном и поехали по ней к лесу.

Участки пади заросли высокой осокой. Здесь на поверхность выходили подземные воды и образовались небольшие болотца. Среди осоки торчали огромные глыбы, скатившиеся со склонов. Это был подгорный шлейф, сложенный крупными обломками пород и глиной, насыщенной водой. Если здесь прорыть дренажные канавы и ряд колодцев, то можно получить много воды для питья и технических целей. Со временем, конечно, монголы так и поступят.

Наш вездеход, с трудом лавируя между большими камнями и заболоченными западинками, продвигался к верховьям балки. Однако вскоре он остановился — ехать выше стало невозможно. Мы вылезли из машины и дошли до зарослей кустарников. Это были бересклет азиатский и шиповник. Мои спутники монголы очень обрадовались обилию ярко-красных ягод шиповника. Не избалованные дарами леса, они с удовольствием ели эти ягоды.

С большим трудом мы пробились через колючие заросли и взобрались на скалистый отрог горы. Вид отсюда был замечательный, и даже ледяной ветер, валивший с ног, не мог заставить нас спуститься поскорее вниз.

Прямо на западе как на ладони лежала вся Налайхинская котловина с раскинувшимся в ней городом и копрами шахт. На волнистой равнине паслись стада овец. В направлении на юг была отчетливо видна древняя поверхность абразии * — результат работы волн озера, затоплявшего котловину 70 миллионов лет назад. Направо и налево от нее вставали причудливо расчлененные гранитные горы.

Простор! Солнце! Ветер!..

Однако пора возвращаться. Быстро пересекаем Налайхинскую котловину и въезжаем в город другой дорогой. Минуем здание городских организаций, Дворец культуры шахтеров.

По просьбе одного из спутников останавливаемся и заходим в городской универмаг. Он невелик, однако выбор товаров не уступает улан-баторским магазинам. Горняки хорошо зарабатывают, и для удовлетворения их запросов магазин располагает всем необходимым.

...Вечереет, и шофер развивает предельную скорость. Быстро сменяются знакомые пейзажи, и через час мы уже на восточной окраине Улан-Батора.

---

* Абразия — срезание берегов озера или моря волнами.

Глава вторая

ПО ВОСТОЧНОМУ ХАНГАЮ И ПРИХУБСУГУЛЬЮ

ДОРОГИ И АВТОМАШИНЫ

Вот уже три дня, как я и мои будущие спутники заняты уточнением маршрута нашего путешествия по МНР, снаряжением экспедиции.

Нам надо осмотреть районы, наиболее подверженные землетрясениям. Это прежде всего краевые части Хангайского нагорья, Прихубсугулье, Котловина Больших озер МНР, Монгольский Алтай и Гобийский Алтай.

Времени у нас остается мало — сейчас середина сентября, и уже через полтора месяца в горах наступит зима.

Мы будем путешествовать на автомобиле. Поэтому при выборе окончательной трассы мы связаны с проходимостью дорог, нефтебазами и ремонтными станциями.

Много раздумий принес выбор машины. Нам советовали использовать вездеход ГАЗ-69. Действительно, эта машина прекрасно зарекомендовала себя в монгольских условиях — она легко берет крутые подъемы, не буксует на плохих грязных дорогах. Но у нее низкая посадка. А ведь нам придется преодолевать вброд реки и пересекать подгорные равнины, заваленные крупными камнями. Кроме того, ГАЗ-69 малогабаритен, а нам надо взять с собой минимум одну большую, литров на 200, бочку с бензином, палатку с кольями, железную печь, дрова, бидоны для воды, запас которой необходим при пересечении пустыни, научные приборы, продукты, посуду, спальные мешки, личные вещи. К тому же надо оставить место для образцов пород. Членов экспедиции вместе с шофером будет пятеро. Когда все мы и наше снаряжение разместится в ГАЗ-69, то там и повернуться будет негде. А ведь в таком положении мы будем

ехать шесть тысяч километров! Нет, ГАЗ-69 нам не подойдет!

Наш выбор остановился на ГАЗ-63. Он достаточно вместителен, грузоподъемность его три тонны. А высокая посадка позволяет форсировать вброд довольно глубокие реки, успешно преодолевать пространства, заваленные камнями, и сравнительно легко проходить рытвины и ухабы. Однако высокая посадка и, следовательно, высокое положение центра тяжести создает некоторую неустойчивость машины на непрофилированных дорогах, проложенных вдоль склонов гор. А такие участки пути преобладают в МНР даже на основных транспортных магистралях, пересекающих горные местности. Кроме того, у ГАЗ-63 жесткая связь кузова с шасси, поэтому машину сильно трясет и на довольно хороших дорогах. А ведь нам предстоит проехать несколько тысяч километров, в том числе и по очень плохим дорогам...

Но другого выбора у нас не было, и мы отправились на автобазу. Там сразу возникло новое препятствие — все машины ГАЗ-63 без фургонов. Ехать же в открытом кузове с перспективой оказаться в горах зимой по крайней мере легкомысленно. Изготовление брезентового фургона заняло у нас два дня.

Отправляясь в такое далекое и трудное автопутешествие, естественно, надо позаботиться о том, чтобы машина была исправной, а шофер — опытным.

На автобазе нам выделяют новенькую, только что полученную машину. Но водитель! Есть опытный шофер, знающий дороги Центральной и Западной Монголии, много раз ездивший в экспедиции. Однако он наотрез отказывается ехать на новой машине. Сначала я недоумеваю, но разъясняется все очень просто. Шофер Дорджи взял обязательство наездить на своей машине ГАЗ-63 50 тысяч километров без капитального ремонта. 25 тысяч километров он уже проехал. Если мы хотим, чтобы он ехал с нами, то мы должны взять и его машину. День проходит в переговорах с руководством гаража, но Дорджи непреклонен. Нам остается только согласиться с ним, разумно рассудив, что опытный шофер на старой машине проедет там, где не проедет плохой шофер на новой. После этого Дорджи заявляет: ему необходимо почистить мотор, на что уйдет еще день-два... С этим безусловно разумным требованием мы соглашаемся безропотно.

Наконец к 19 сентября подготовка закончена, и наша экспедиционная машина-фургон въезжает на двор Комитета наук МНР для погрузки.

Нас едет пятеро: шофер Дорджи, научный работник — географ Сурэн, старик проводник Лубсан, студент-географ Сандан и я. Кладовщик выдает нам большую островерхую монгольскую палатку — *манхан*. Она двойная — темно-синяя снаружи и ярко-красная внутри.

— Генеральская палатка — красная подкладка,— шутим мы, сворачивая ее в машине. Следом укладываем три длинных трехметровых кола с железными скобами на концах. Они служат для установки манхана. В безлесной части Монголии кольев нигде не найдешь, и их надо везти с собой. К палатке придано и 11 железных штырей для закрепления ее растяжек. Полом будут служить большая кошма и брезент. Грузим матрасы, спальные мешки, дохи на собачьем меху, круглую железную печь, тазы для варки чая и пищи, ведра, бидоны, ящики с продуктами и прочее снаряжение. В кузове образуется целая гора, увенчанная большой двухметровой железной бочкой для бензина...

Рассаживаемся. Мне, как гостю, предоставляется место в кабине рядом с шофером. Остальные трое моих спутников устраивают из палатки, кошмы, матрасов и спальных мешков удобные сиденья и располагаются в них лицом по ходу машины. Передняя стенка брезентового фургона откидывается, а задняя, наоборот, закрывается наглухо, и это спасает от сквозняка.

Все готово к путешествию. Отныне ГАЗ-63 становится нашим домом на целых два месяца. Оглядываю свою «комнату»-кабину в этом «доме». Надо устраиваться в ней поудобнее, так, чтобы можно было работать во время езды. Мы увидим много нового и интересного, и надо на ходу все это описывать. Нельзя же поминутно останавливать машину. А иногда ее остановить будет просто невозможно! Следовательно, необходимо научиться работать и в такой необычной обстановке.

Я устраиваюсь так: в открытой планшетке полевой сумки помещаю карты, справа — топографическую, слева— геологическую. Бинокль все время висит на груди. Записная книжка лежит на полевой сумке под правой рукой. Анероид в футляре помещается на коленях. Километры можно

будет отсчитывать по спидометру машины. Как будто бы все предусмотрено...

Мы в пути. Пока машина движется по улицам Улан-Батора, пробую произвести первую запись в виде репетиции. Не тут-то было! При толчках машины карандаш выписывает невероятные вензеля. Чтобы написать слово, требуются ухищрения, как для самого сложного фокуса. А что же будет дальше, на ухабах? Действительно, ГАЗ-63 — машина тряская! Но два месяца это будет неизбежным условием нашей работы, и я не сдаюсь. Пишу еще и еще и постепенно начинаю вырабатывать в себе особый навык автоматически реагировать на неравномерное движение машины.

Посмотрите на птицу, которая в ветреный день раскачивается, сидя на тонкой ветке. Она балансирует при порывах ветра, не прекращая ни на минуту своего пения. Вот такой автоматизм в реакции мышц на толчки и тряску надо выработать теперь и нам. Далось это не сразу, но впоследствии я научился записывать свои путевые впечатления даже при езде по плохой дороге.

Для этого прежде всего надо уметь сидеть в машине, уметь уподобиться всаднику на скачущей лошади. Основное условие правильной верховой езды — это автоматическая работа мышц ног, упирающихся в стремена. Мало-помалу мне удалось тот же принцип применить и к езде в автомашине. Если упереться как следует ногами в пол кабины, а спиной в спинку сиденья, то можно амортизировать даже очень сильные и резкие толчки и вести запись в книжке.

Писал я двумя способами. На сносной дороге моя рука с карандашом прижималась к записной книжке возможно сильнее, так, чтобы их не разводило при толчках. Писать при этом надо быстро, целыми словами, либо слогами. Карандаш надо хорошо очинить, но заострять его нельзя, иначе он прорвет бумагу. По этой же причине нельзя употреблять для записей жесткие карандаши.

На очень плохой дороге писать приходится по-другому. Когда толчки так сильны, что мускулы спины и ног не могут их амортизировать, слова приходится писать по буквам. Получается нечто похожее на детские каракули.

Надо выбрать в кабине вполне определенное место. Если сесть ближе к дверце кабины, то она все время будет толкать под локоть — это мешает писать, не говоря уже о синяках на правом боку. Придвигаться к шоферу тоже нельзя — это мешает ему управлять машиной, особенно при

переключении скоростей. Поэтому все время приходится следить за своей посадкой. После нескольких часов езды вылезаешь из кабины с таким ощущением, как будто проехал десятки километров верхом. Конечно, еще больше достается шоферу, у которого предельно напряжены не только мышцы, но и нервы.

Я невольно восхищался нашим Дорджи. Он сидел за рулем, как в седле. Кстати, он бывший арат-скотовод из Южного Хангая и первоклассный наездник. Возможно, что эта именно кавалерийская сноровка помогла ему успешно овладеть искусством вождения машины. Во всяком случае шофер он первоклассный — в этом мы потом неоднократно убеждались. Говорят, что в Монголии плохих шоферов нет вообще. Объясняют это просто — по горным непрофилированным дорогам плохой шофер проехать не сможет.

ЕДЕМ НА ХАНГАЙ!

Итак, мы едем на запад по большому тракту, ведущему на Восточный Хангай в Булганский аймак. Движение большое. Этот тракт — основная транспортная артерия, связывающая Улан-Батор с обширным районом Хангайского нагорья и Прихубсугульем. В одном направлении с нами идут грузовики с мукой, продовольствием. Обгоняя нас, проносятся тяжелые автоцистерны с бензином. Горючее везут на аймачные и сомонные автозаправочные станции. Навстречу движется поток машин, доверху нагруженных тюками с шерстью и кожами.

Дорога идет в широкой долине Толы по высоким ее террасам. Русла реки не видно, она течет где-то в трех-четырех километрах южнее. Направо вдоль тракта тянется полотно железной дороги Улан-Батор — Наушки, по которой я приехал неделю назад. В 17 километрах от Улан-Батора полотно железной дороги круто сворачивает на север, а тракт поднимается на перевал и идет прямо на запад. Селения исчезают, и кругом лишь необозримая степь.

Так проходит час, другой. Машина быстро бежит по волнистой равнине, поросшей чахлой желтой травкой.

Монгольские степи безбрежны, как море, и даже воздух здесь соленый, как над океаном. Это потому, что ветер поднимает с солончаков мириады частичек соляной пыли и наполняет ими воздух. Оближите губы, и вы почувствуете соленый вкус пыли, покрывшей ваше лицо седым налетом.

Эта пыль мелкая, въедливая, вездесущая. Она проникает в глаза, в уши, под одежду, наполняет легкие. Первое время нелегко привыкнуть к этому соленому, чуть горьковатому привкусу, постоянно ощутимому во рту. Но мало-помалу на пыль перестаешь обращать внимание, а потом даже не ощущаешь во рту «степной» привкус. Хуже обстоит с оптикой, которая «привыкать» не хочет,— стекла бинокля и фотоаппарата мутнеют — покрываются тончайшей солевой пленкой. Перед фотографированием приходится тщательно протирать объектив, иначе снимка не получится.

Дорога идет теперь по широкой долине, в которой несколько тысяч лет назад текла река Хара. В древности она впадала в Толу. В наши дни Хара протекает далеко отсюда и несет свои воды не на запад, а на север, впадая в Орхон. Здесь же остались ее следы — обширные солончаково-озерные котловины. Они покрыты ярко блестящей в лучах солнца коркой соли и окаймлены по берегам темно-красными и фиолетовыми растениями солянками. Здесь в этом царстве соли хорошо себя чувствуют лишь верблюды.

Вот рядом с дорогой группа верблюдов, голов в пятнадцать, лакомится *худжиром* — солевым покровом почвы. Верблюд не может жить без соли и на тучных пастбищах с обильной пресной водой погибает. Зато в такой чахлой полупустынной степи верблюды благоденствуют. Удивительная специализация и приспособленность к пустынным условиям среды обитания!

Дорога поднимается на первый, считая от Улан-Батора, очень пологий перевал Элстын-Худгийн (песчаные колодцы).

С перевала открывается далекий вид на запад, где видны еще неясные в дымке горы Хангайского нагорья.

Сурэн окликает меня и, свесившись к кабине, говорит, что в пяти километрах на север от перевала он знает древние медные рудники, которые разрабатывались еще киданями. Решаем осмотреть их и сворачиваем с тракта. Едем прямо по степи и держим направление на темнеющий у горизонта горный кряж.

Монгольские степи почти везде доступны для автомашин. Грунт их очень плотен, и тяжелые грузовики не оставляют следа. За каких-нибудь полчаса мы доехали до высоких холмов с плоскими вершинами и крутыми склонами. Здесь в урочище Бадагт около небольших плоскодонных оврагов местность изрыта и везде усеяна отвалами древних рудников. Впечатление такое, как будто попал в район старатель-

ской добычи золота на Урале или в Восточной Сибири. Под отвалами, к сожалению, ничего не видно. Лишь кое-где находим мы большие куски *порфирита* — вулканической породы, сплошь пронизанной тончайшими жилками содержащих медь минералов — малахита, азурита, хризоколлы. Эти обломки удивительно красиво расцвечены зелеными — малахитовыми и синими — азуритовыми тонами.

Такие же вот так называемые вкрапленные порфиритовые медные руды широко распространены в СССР, в Казахстане. На этом сырье там работает гигант цветной металлургии — Балхашский медеплавильный комбинат.

Сандан находит у подножия бугра древние плавильные печи, вернее то, что от них осталось. Сейчас это большие ямы, около которых валяются куски оплавленного кирпича и кучи шлака. Среди шлака мы находим небольшие кусочки черновой меди, ей уже несколько сотен лет. Сурэн говорит, что из меди, выплавленной здесь, отлиты статуи богов работы знаменитого древнемонгольского скульптора Ундергегена. Некоторые из статуй мы видели в антирелигиозном музее в Улан-Баторе.

Трудно сказать что-либо определенное о запасах меди в этих заброшенных разработках. Судя по размерам площади, занятой отвалами, это месторождение было значительным, но едва ли оно разрабатывалось на большую глубину. Во всяком случае здесь необходимо организовать проверочные поисково-разведочные работы.

За исследованиями время бежит незаметно. Солнце склоняется к горизонту. Становится заметно холодно, а на западе над Хангаем клубятся тучи. Нам надо торопиться, чтобы засветло добраться до Луна. Собрав образцы порфирита и медного шлака, мы поспешили в дальнейший путь.

В СОМОНЕ ДРАКОНА

К вечеру мы прибыли в Лун — поселок, привольно раскинувшийся по террасам Толы, протекающей в трех-четырех километрах к западу. *Лун* — дракон.

Так как мы целый день еще ничего не ели и не пили, то прежде всего поспешили в *гуанзу* (столовую), чтобы основательно подкрепиться. Гуанза расположена в центре поселка у тракта. Здесь же находятся дома сомонного управления, магазина, правления местного аратского объединения, клуба и другие строения. Это все общественные здания,

население живет в юртах, кольцом охвативших центральную часть поселка.

Заходим в гуанзу, и студент Сандан, избранный завхозом экспедиции, заказывает обед. Я с любопытством смотрю на подаваемые блюда. Это уже не улан-баторские европеизированные кушанья в ресторане гостиницы «Алтай». Правда, это, как я установил впоследствии, еще и не национальный монгольский обед в юртах аратов. Сомонная гуанза подготовила меня к переходу от первого ко второму рациону.

На столе появляются большие миски с монгольским супом, сваренным из мелко нарубленного бараньего мяса и заправленного диким луком. Никакой другой приправы вроде картошки или крупы в хоршо нет.

Монголы обычно не доваривают мясо и едят его полусырым. В супе мясо тоже остается недоваренным и поэтому жестким. Именно этот древний обычай монголов позволяет им обходиться без овощей, так как в недоваренном мясе сохраняются необходимые для человека витамины. Хлеба в гуанзе не подали — монгольское сельское население его не употребляет. Взамен хлеба к супу предлагают *хошур* — жареные пироги с мясом, напоминающие крымские чебуреки.

После генерального совета на второе мы выбираем *бузы*, похожие на наши пельмени, только раз в двадцать больше по объему. В отличие от пельменей они не варятся, а готовятся на пару; мясо в них тоже полусырое.

Уже в сумерки мы вышли из гуанзы. В центре поселка в окнах клуба зажглись электрические огни. В Лун имеется небольшая дизельная электростанция.

Некоторое время мы колеблемся: ночевать ли нам в гостинице, либо опробовать свою палатку в степи. Второе мнение побеждает, и мы, отъехав от поселка километра полтора, разбиваем палатку на самом берегу небольшой речки Цэгэни-Бурт, притока Толы.

Проводник Лубсан предлагает поставить палатку входом на юг. Этого требуют вековые традиции. По всей Монголии юрты обязательно обращены входом на юг, и так можно безошибочно определять направление.

Палатка ставится быстро. На ее остов — два кола, соединенных сверху перекладиной,— дружными усилиями натягивается брезент и крепится к земле одиннадцатью железными штырями. У входа устанавливается железная печь с трубой. Очаг создан, есть и крыша над головой. Расстилаем

кошму, на нее — брезент. Раскладываем матрасы и спальные мешки изголовьем внутрь. Постель готова, можно и на покой.

Утомленные дорогой, мои спутники быстро засыпают, и уже через пять минут в нашей палатке сонное царство. Но мне что-то не спится, то ли не дают успокоиться впечатления прошедшего дня, то ли тревожат предстоящие дела. Я решил подышать свежим воздухом. Вышел из палатки и невольно остановился как зачарованный...

Глубокая тишина. Небо над долиной и горами черное, бездонное, звездное — какое-то необычное. Яркие-яркие звезды в этом чистом безлунном небе — и знакомые, и в то же время незнакомые. Свет их ровный и сильный без привычного мерцания. Это — благодаря исключительной чистоте воздуха. Ведь мы в горах да еще осенью. Долго стоял я, вдыхая свежий ночной воздух и любуясь прекрасным звездным небом.

НА ГРАНИЦЕ ХАНГАЯ

Проснулись мы рано, еще до восхода. Небо, как кристалл,— прозрачное и холодное. Изо рта столбом валит пар, а на траве лежит легкий иней.

Долина еще не проснулась от предрассветного сна. И вдруг тишину разбил лебединый клич. Над рекой появилась огромная стая лебедей. Вытянув длинные шеи, быстро и сильно взмахивая крыльями, птицы летят, следуя всем причудливым изгибам русла. Стая описывает в воздухе петли, и мы видим ее то с одной, то с другой стороны. Еще мгновение — и птицы с шумом проносятся на небольшой высоте над нашей палаткой. Все тонет в свисте крыльев и гомоне птичьих голосов.

Лебеди открыли парад пернатых. Минут через десять снова раздается клич — теперь летят дикие гуси, они тоже спешат на юг. Происходит великое осеннее переселение птиц через Монголию...

Взошло солнце, из-за гор на долину брызнули потоки света, и ожили камыши рядом с нашей палаткой. Там с шумом снимаются с мест стайки диких уток, крохалей, красных турпанов. Затем раздался невероятный свист и щебет, поднятый тучами каких-то мелких птичек, вроде наших трясогузок, облюбовавших тихую протоку, заросшую осокой и камышом.

Умываемся мы у реки. Холодная вода приятно обжигает тело, а солнце уже греет. Грудь дышит глубоко и привольно. Легкий ветерок доносит соленый запах степи с чуть горьковатой примесью дыма от горящего *аргала* (кизяка). Это Лубсан затопил нашу железную печку, а Сандан уже готовит на ней монгольский чай в большом тазу.

Новый день начался. Нам предстоит обследовать долину Толы для оценки происшедших в ней молодых движений земной коры. Долина представляет тектонический провал, заполненный третичными отложениями. Ее борта ограничены разломами земной коры и находятся в движении. Поэтому район подвержен землетрясениям.

Работаем втроем: Сурэн, Сандан и я. Лубсан и Дорджи занимаются хозяйственными делами.

Долина Толы у Лун очень напоминает собой улан-баторский отрезок этой же долины: такая же широкая, с такими же крутыми бортами — тектоническими разрывами.

Почвы в долине засолены, а степень их засоленности в первую очередь зависит от уровня грунтовых вод. В местах с неглубоким залеганием происходит постоянный капиллярный подсос воды и ее испарение. В результате весь поверхностный слой почвы пропитывается солями и приобретает белый цвет. Особенно сильно засолены пойма и первая надпойменная терраса.

За работой быстро бежит время. Только во второй половине дня мы выбираемся из долины на невысокие кряжи, ограничивающие ее с востока. Отсюда видно и левобережье Толы с предгорьями Хангая.

Долина Толы у Лун считается границей между Хэнтэйским (на востоке) и Хангайским (на западе) горными сооружениями.

Время уже позднее — пора трогаться в дальнейший путь. Наш маршрут строго расписан по дням — иначе мы не успеем завершить намеченную работу.

Через полчаса мы выезжаем дальше на запад и, переехав Толу, вступаем в пределы Хангайской горной страны.

ВОТ КАКОЙ ОН, ХАНГАЙ!

Сразу же за долиной Толы дорога идет круто вверх, на отроги хребта Голын-Цавт-Хангай. Мотор ревет, протестуя против непосильных подъемов, но Дорджи твердой рукой выруливает на высокий бугор, и вот мы на перевале.

Многие перевалы на горных дорогах Монголии увенчаны *обо* — кучами, сложенными из камней, принесенных на перевал путниками

Останавливаемся, чтобы остыл перегретый мотор. Самая высокая точка перевала у дороги увенчана огромной кучей камней. Это *обо*.

В древние времена в монгольской религии было принято обожествлять горы. У многих из них в название входит Богдо, что по-монгольски означает «святой». Прежде было принято приносить жертвы таким горам. Каждый путешественник считал своей непременной обязанностью поднять от подножия горы на перевал камень и положить его в общую жертвенную кучу. Обо украшались цветными лентами, привязанными к жердям, воткнутым в каменную кучу на ее вершине. Часто можно видеть на них медный чайник, пиалу или еще какой-нибудь предмет домашнего обихода.

Для путешественников обо своего рода предупредительный знак о крутых спусках и других трудностях.

— Увидел обо — смотри в оба,— шутим мы.

Обо, у которого остановилась наша машина, был конусом около восьми метров высотой. Его вершину украшали три жерди с большими пучками развевающихся на ветру лент.

Лубсан, стараясь не привлекать нашего внимания, поднимает с дороги кусок хлоритового сланца и присоединяет

свою «жертву» к подножию обо — он выполнил «долг» путешественника. Впрочем, старик немного схитрил. Истинный верующий должен был бы захватить камень у подножия горы. Мы делаем вид, что ничего не заметили, и вся наша компания невозмутимо садится в машину.

От перевала дорога так же круто уходит вниз, и в ту же долину Толы. Я недоумеваю. Зачем же было с таким трудом взбираться на перевал, чтобы потом сразу же спускаться с него? Не проще было бы объехать горный отрог по долине Толы? Это удлинило бы путь километров на десять, но позволило бы избежать непосильного напряжения машины.

Сурэн объясняет мне, что путь через перевал короче и поэтому выгоднее. Я умолкаю, но остаюсь при своем мнении. Однако вспоминаю, что монгольские шоферы действительно везде, где это только возможно, ездят по прямому направлению. Например, в Улан-Баторе для каждой дороги через Толу построен отдельный мост, хотя иногда эти мосты и расположены всего лишь в 600—700 метрах один от другого.

Мы быстро теряем высоту и снова едем по сухой волнистой степи. Вскоре наше внимание привлекают белеющие на горизонте барханы песков Молуог-Элис. Сурэн говорит мне, что там находят киданьские вазы, орудия бронзового века, стоянки неолита, и предлагает заехать на пески.

Сворачиваем налево и прямо по степи устремляемся к барханам. Через полчаса мы у цели. Первое впечатление, что я попал в наши Каракумы.

Сыпучие мелкие пески нагромождены ветром в огромные валы. Рога их обращены в самые разные стороны, и нельзя понять, откуда дул ветер, создавший барханы. Впрочем, так и должно быть — это третичные речные отложения в древней долине Толы, образующие высокую террасу, приподнятую сейчас на 150—200 метров. Таким образом, пески здесь только перевеяны, а не принесены ветром.

Сейчас пески Молуог-Элис уже закрепляются растительностью. Гребни и северные склоны барханов поросли редким мелким кустарничком песчаной акации. Кое-где поднялись небольшие красивые деревца ильма. Их крона похожа на крону пинии. Сыпучие и, казалось бы, безжизненные пески аккумулируют атмосферную влагу. В них во время ночных похолоданий конденсируются водяные пары, выпадающие обильной росой. Затем эта влага просачивается вниз. Недаром монголы роют в песках, в межбарханных

ложбинах, колодцы и получают из них воду для своих стад. Такие колодцы мы встретили и здесь. Вода оказалась совершенно пресной, холодной и очень вкусной.

...В надежде на археологические трофеи, разбредаемся по барханам. Взгляды устремлены на землю, особенно пристально осматриваем песчаные площадки, расположенные под гребнями барханов. Здесь на очищенной ветром поверхности вероятность находок наибольшая. Увы, мои усилия тщетны...

Примерно через час собираемся у машины. Сурэн более удачлив — он показывает зеленые от окиси бронзовое кольцо и ушную подвеску. Сандан приносит штук двадцать ржавых железных пластинок с пробитыми в них крошечными дырочками. Это пластинки от киданьских кольчуг. Каменных орудий никто не нашел.

Интересно то, что на одном и том же месте здесь начиная с каменного века и до X века нашей эры включительно все время селились люди. По-видимому, для этого тут были особенно благоприятные условия...

Едем дальше на запад по очень широкой сухой долине Шар-Гунды, или Шартал. Это тоже древняя долина Толы, которая течет сейчас в десяти километрах севернее. Однако с 30-х годов во время исключительно высоких паводков часть вод Толы проникает в долину Шартал. По рассказам местных жителей, так случалось в 1933, 1934, 1949, 1958 годах. Они же утверждают, что до 1933 года этого не было, и даже глубокие старики не помнят случаев, чтобы ранее воды реки Толы проникали в долину Шартал.

Не говорит ли это о начинающихся опусканиях в долине Шартал? Не поэтому ли сейчас в долине Шартал после паводков осталась цепь больших озер?

...Вечереет. Солнце садится в тучи, нависшие над Хангаем. Небо затягивается дождевыми облаками. Начинает дуть порывистый ветер — вечерний горный бриз. Надо торопиться к намеченному месту стоянки в Хадасане у Харабухыин-Гола. До него осталось еще километров двадцать пять.

Уже затемно мы минуем невысокий перевал и попадаем в долину Харабухыин-Гола. Это огромная долина, борта которой теряются на горизонте в вечерних непогожих сумерках.

...Мы сворачиваем к реке и выбираем место для бивака. При расстановке палатки между Лубсаном и Санданом происходит спор. Лубсан снова хочет ставить палатку входом на юг, хотя оттуда тянет довольно сильный ветер, который будет задувать в палатку и заносить в нее дым от печки. Сандан резонно советует поставить палатку входом на север. Лубсан сердится и настаивает на своем. В конце концов вмешиваются остальные, и принимается компромиссное решение поставить палатку входом на восток.

Ветер усиливается, палатку начинает парусить, и возникает угроза, что ее сорвет с места, так как железные штыри, растягивающие бока палатки, в песчаной почве держатся слабо. Сандан и Дорджи начинают окапывать палатку и наваливать песок на ее полы, лежащие на земле. Лубсан снова сердится и делает какие-то замечания молодым людям, но они не обращают внимания и продолжают свое занятие.

Сурэн, смеясь, переводит мне, что Лубсан не велит Дорджи и Сандану копать землю. По древним монгольским поверьям, это приносит неудачу. Копать можно только при крайней необходимости. Мы успокаиваем старика, говоря, что как раз сейчас это крайне необходимо.

Мы только-только успеваем закончить установку нашего жилья, как начинается дождь. Лубсан склонен считать это именно той неудачей, которую навлекло нарушение традиций. Мы, наоборот, радуемся, что успели поставить палатку до сильного дождя и остались сухими.

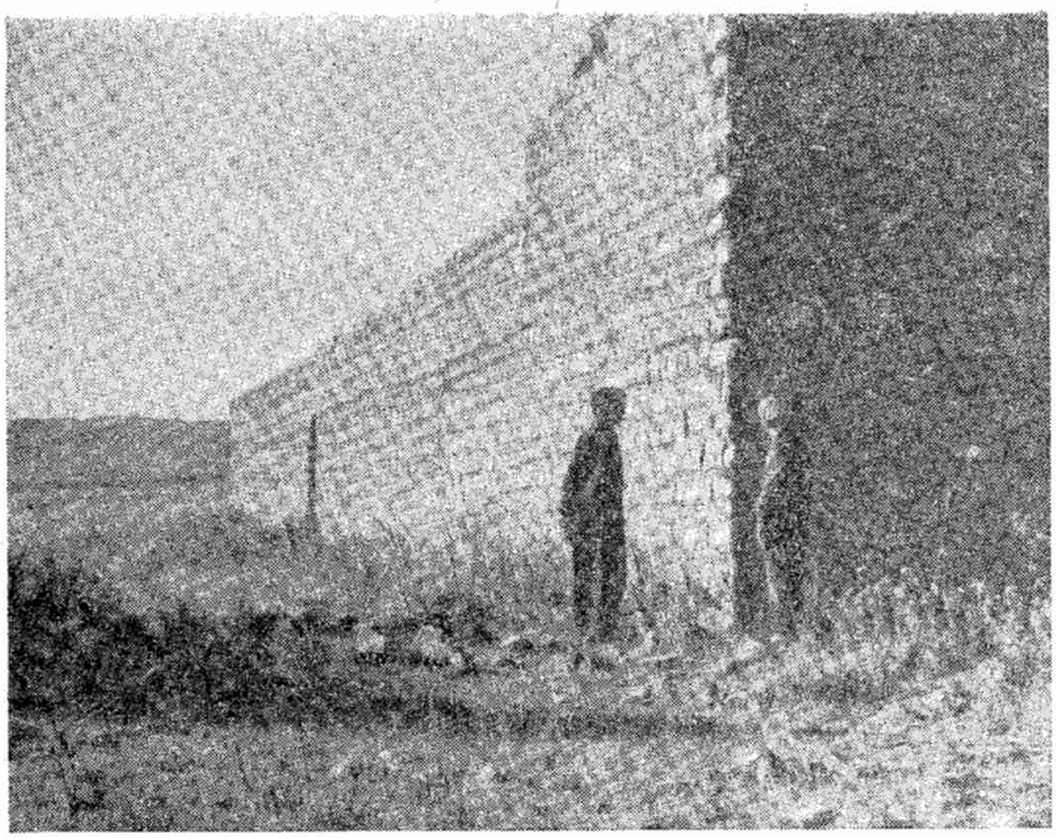
Как видно, одно и то же событие может быть истолковано весьма по-разному.

Мы засыпаем под монотонную дробь дождя по крыше палатки. Как бы погода не испортилась всерьез...

КИДАНЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Утро встречает нас хмуро — небо закрыто облаками, но на востоке появляется чистая полоска, окрашенная утренней зарей. Это обещает день без дождя. Я ищу обозначенный на карте населенный пункт Хадасан, но Сурэн объясняет мне, что так названо урочище и что никаких населенных пунктов поблизости нет. Следовательно, на карте он показан ошибочно. Зато, успокаивает меня Сурэн, в урочище Хадасан находятся развалины древней крепости киданей Хун-Тайжил Балгос.

Мы отправляемся осматривать эти развалины. Они расположены посредине обширной долины реки Харубухыин-



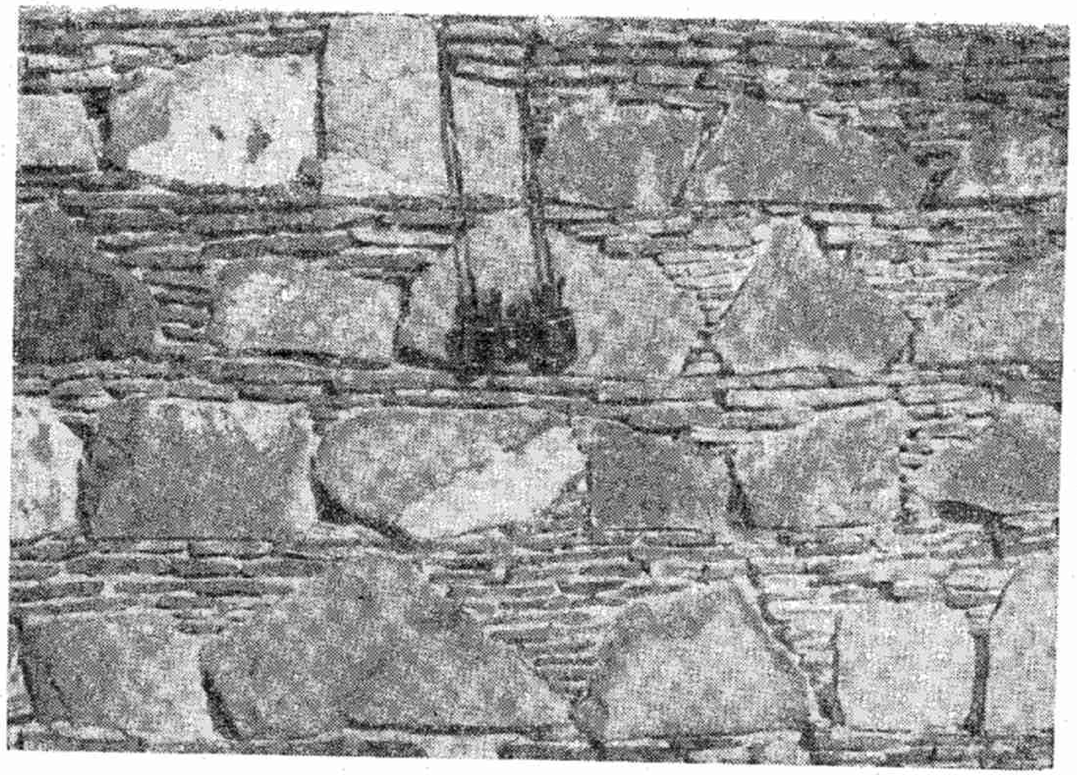
Уже около тысячи лет стоят стены большого дворца в крепости Хун-Тайжил Балгос

Гол на плоской террасовой равнине, покрытой песком и заросшей чахлой травянистой растительностью.

Крепость была возведена в X веке киданями, затем разрушена и снова отстроена в XVI веке потомком Чингизхана Хун-Тайжилом, по имени которого она и получила свое название.

Территория крепости обозначена остатками насыпного вала, высота которого и сейчас достигает местами четырех метров. На валу возвышалась мощная глинобитная стена, но от нее сохранились лишь развалины. Площадь, оконтуренная этим валом с остатками крепостной стены на нем, представляет собой правильный квадрат со стороной около 500 метров. Квадрат ориентирован строго по странам света.

В каждой стене были ворота, которые защищали сторожевые башни. Мы осматриваем одну из башен. Сложенная из плиток хлоритового сланца, связанных глинистым цементом, она хорошо сохранилась. Основание ее кубическое,



Не перестаешь удивляться строительному искусству киданей, построивших из глыб черного базальта и плиток хлоритового сланца эти стены, пережившие многие государства

тоже из плит хлоритового сланца, но более грубых и крупных. Кое-где на каменной кладке сохранились куски толстой глиняной штукатурки. По своим очертаниям башня напоминает субурганы — священные памятники монголов. Она круглая, суживающаяся кверху; диаметр внизу около четырех метров, общая высота метров десять.

Диву даешься прочности построек. Даже если датировать их XVI веком, то и в этом случае им уже 400 лет. А возможно, что эти башни стоят с самого киданьского периода, то есть с X века. И это в местности, подверженной землетрясениям!

Проходим через северные ворота внутрь крепостной территории по дороге, мощенной камнем. Она уже совершенно заросла и еле различима среди степной травы, покрывшей двор крепости.

Подходим к главному зданию в крепости — большому дворцу Хун-Тайжила. В плане оно квадратное площадью 3600 метров. Даже для современных масштабов это большое здание.

Стены дворца полутораметровой толщины возведены из грубо обтесанных кусков черного базальта, уложенных рядами. Промежутки между ними заполнены точно подогнанными плитками хлоритового сланца. Не перестаешь удивляться искусству древних зодчих, создавших такие прочные и даже изящные здания из столь труднообрабатываемого строительного материала.

Дворец был двух-, а может быть и трехэтажным. Его руины возвышаются на 10—12 метров. Северная сторона укреплена массивными контрфорсами, сложенными из тех же базальтовых кусков.

Входов во дворец было два: южный и западный. Заходим внутрь руин. Повсюду видны массивные фундаменты внутренних стен, такие же толстые, как и наружные. Каждую комнату во дворце можно было использовать как небольшое самостоятельное укрепление. Такие крепости брать было нелегко.

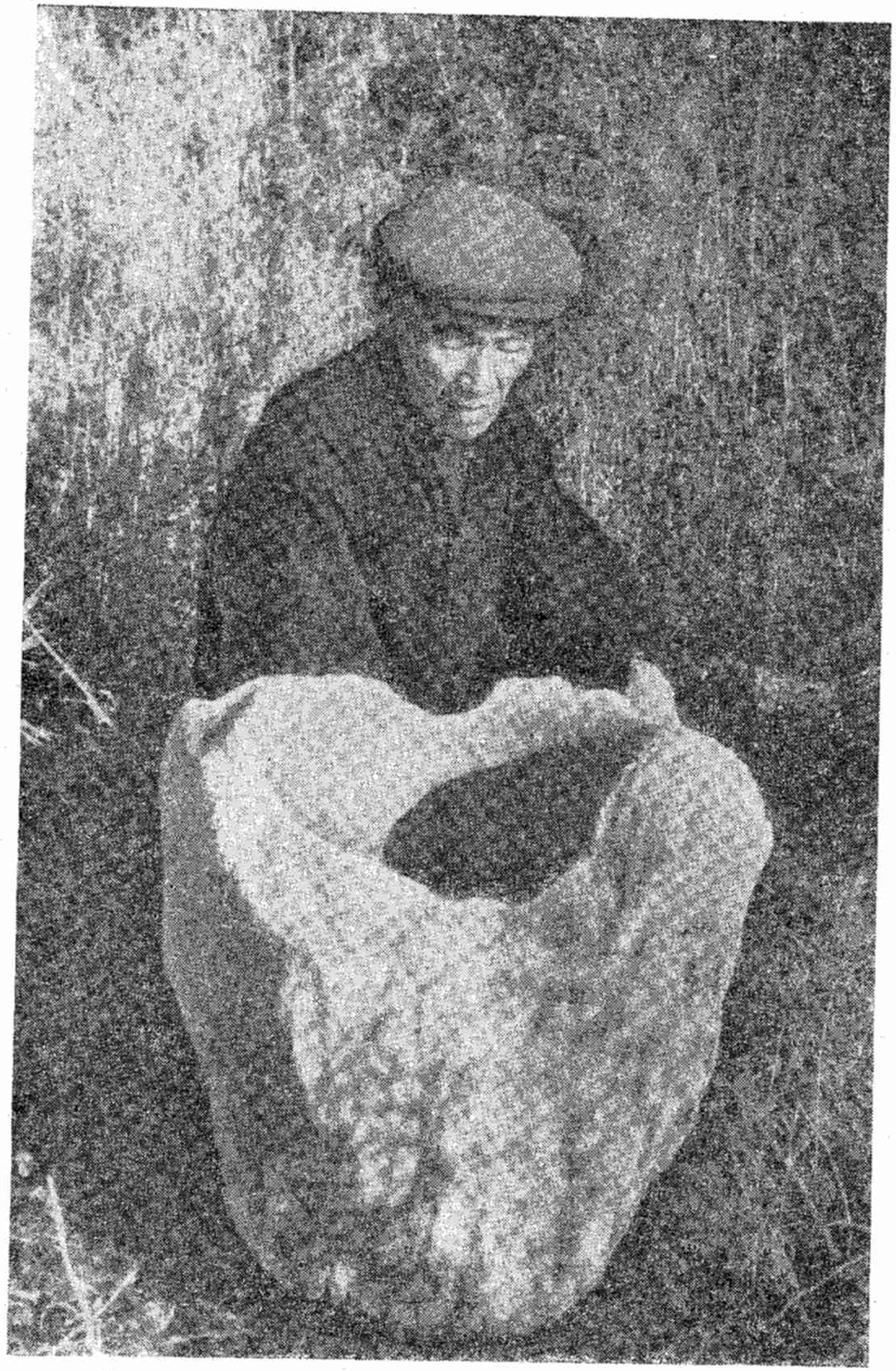
К дворцу примыкает крытый двор, в котором размещалась стража. Там сохранились остатки каменных очагов и ниши в стенах для оружия.

...Среди древних руин невольно ступаешь осторожно. Черные базальтовые камни — немые свидетели многих событий, хранят еще немало тайн. Какие штурмы они претерпели? Замыслы каких завоевателей рождались здесь? Крепость Хун-Тайжил-Балгос еще ждет своих исследователей.

На крепостном дворе у беспорядочной кучки обломков хлоритового сланца мы находим большую ступу из черного базальта. Ее высота 80 сантиметров, а диаметр — 60. Немного дальше лежит такая же большая, но расколотая пополам ступа из серого гранита. В них кидане толкли зерно. Точно такие же каменные ступы мы видели в Улан-Баторском национальном музее.

Здесь же валяются обломки толстой черепицы, изготовленной киданями из необожженной серой глины с добавлением каких-то связующих веществ. Она формировалась вручную на грубом холсте. Нижняя ее поверхность до сих пор сохранила отпечатки ткани. Несмотря на то что черепице уже девятьсот лет, ее обломки все еще крепки и разбить их трудно.

Еще несколько шагов, и в густой траве мы находим большие черепки разбитых киданьских сосудов для хранения зерна. Они тоже сделаны из серой глины, но более тонко выделаны.



Вот в этой гранитной ступе девятьсот лет тому назад размалывали зерно кидане

Подходим к руинам малого дворца, стоящего в западной части крепости и обнесенного каменной оградой со сторожевыми башнями. Это была крепость в крепости. Внутри она тоже была разделена на небольшие комнаты. В одной из них мы обнаруживаем еще одну большую ступу. На этот раз она квадратная, грубо вытесанная из серого диорита.

В северо-западном углу крепости стоят развалины больших служебных построек, но осматривать их уже нет времени. Надо спешить с обследованием долины Харабухын-Гола. Сделав несколько фотографий руин, мы отправляемся на работу, а там и в дальнейший путь на запад — в глубь Хангайских гор.

Уже к вечеру мы приезжаем в урочище Малый Котел, расположенное километрах в семи к северу от долины Тахилт-Гол на высоте 150—200 метров над нею. В ландшафте преобладают невысокие, сложенные черным пористым базальтом сопки, беспорядочно разбросанные на местности. Все они — останцы одного большого базальтового потока, сильно размытого протекавшими тут реками.

Молодых вулканических конусов обнаружить нам нигде не удается. Общее впечатление такое, что здесь, как и в Хадасане, мы встретили древнюю толщу лав.

Вечереет. Надо думать о ночлеге.

В ГОСТЯХ У МОНГОЛЬСКИХ АРАТОВ

Осматривая местность в бинокль, мы заметили группу юрт в одной из межгорных лощин. У моих спутников сразу поднялось настроение. Там можно взять свежей воды, а главное купить барана. Монголы привыкли к мясному рациону и не могут долго обходиться без мяса.

Через час добираемся до юрт. Нас встречают исключительно радушно и наперебой приглашают в юрты. Мы заходим в ближайшую.

Гость — священная особа в аратской *гэр* (юрте). Я, как иностранец, возбуждаю самое большое любопытство. Каждому не терпится узнать, кто я, зачем приехал, что здесь делаю?

Монгольская юрта — весьма своеобразный вид жилья, целиком приспособленный для кочевников. Четыре верблюда свободно перевозят юрту и все пожитки семьи. Юрту можно свернуть и погрузить за полчаса и так же быстро поставить на новом месте.

Четыре верблюда легко перевозят юрту и имущество арата на новую кочевку. В ногу с хозяином шагают друг за другом послушные верблюды, навьюченные ярко раскрашенными монгольскими сундуками

Основание юрты составляет невысокий решетчатый плетень — *хан* из прочной дранки. Он ставится кольцом, а в специальные ременные петли сверху вставляют легкие, но прочные жерди — *уни*, которые крепятся другим концом в ободе — *тон*, образующем дымовое отверстие в конической крыше. Остов покрывается кошмой и брезентом.

Внутрь ведет небольшая дверь, в которую можно войти, только низко согнувшись. Окон нет, и свет проникает через отверстие в крыше. Посредине юрты — круглая железная печка с трубой, выведенной в то же отверстие. У печки съемная крышка, вместо которой ставят железный таз. В тазах готовят пищу, варят чай, кипятят молоко и т. д. Словом, таз — это основной предмет кухонного обихода монгольских аратов.

Топят печку *аргалом* — сухим коровьим и конским навозом. Аргал хорошо горит, дает много тепла и мало дыма. Аргал араты подбирают при помощи деревянных рогулек и кладут его в большие корзины, висящие за плечами. Большие кучи аргала, собранного в степи, всегда можно видеть около юрт.

У противоположной от входа стенки расставлены сундуки с имуществом. Эти сундуки одновременно и вьючные ящики. Они богато украшены и расписаны национальным

орнаментом. В юрте, где мы остановились, на сундуках стояла различная домашняя утварь — швейная машина, несколько зеркал разных размеров и формы, часы-будильник, различные шкатулки, коробки и безделушки.

Над сундуками на стене портреты Ленина и Сухэ-Батора, фотографии родственников.

Пол юрты устлан кошмой, покрытой ковровой дорожкой. Справа от входа у стенки большая железная кровать, застланная розовым атласным покрывалом.

Центральная часть юрты против входа — почетное место главы семьи. Сюда сажают гостей. Направо от входа располагаются мужчины, налево женщины. Каждый член семьи имеет свое место, определяемое по старшинству.

Мы сели на ковровую дорожку, подогнув одну ногу под себя. Перед нами поставили низкий, как бы детский, обеденный стол с ярким нарядным орнаментом. Первым угощением был чай по-монгольски.

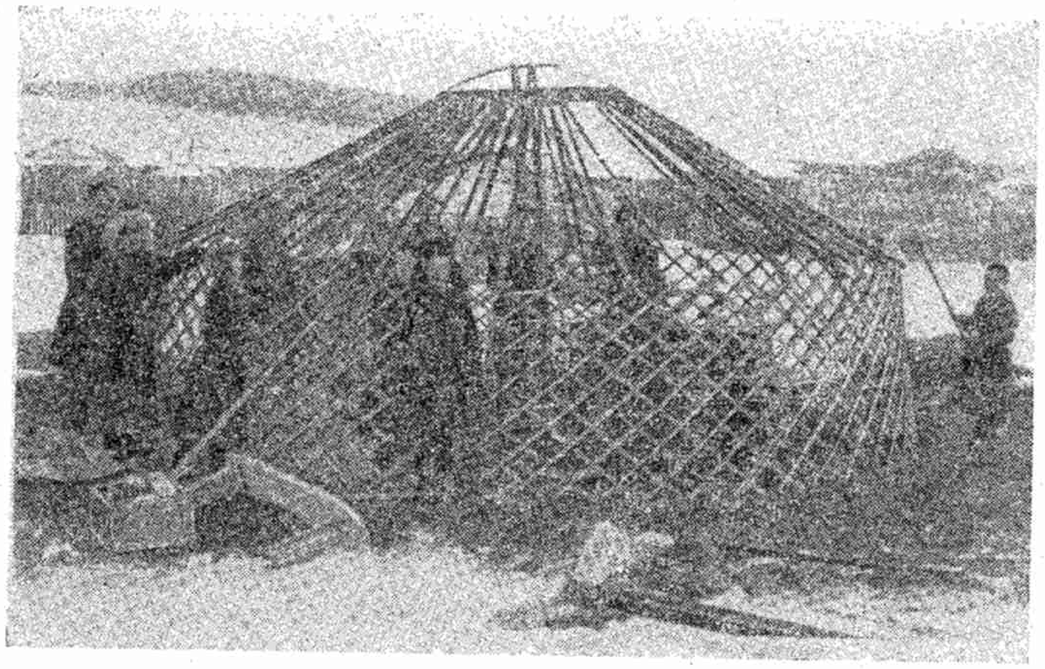
Монголы пьют кирпичный чай, заваривая его в тазу. В чай добавляется молоко, бараний жир и соль. Все это кипятят, а затем переливают в медные чайники — *домбу*, откуда и разливают уже по пиалам. Сахар к чаю обычно не подают.

Поднося гостю чай, хозяйка в знак особого уважения подает пиалу двумя руками. Гостю полагается принимать пиалу также обеими руками — этим он оказывает уважение дому. Пиалы для гостей особые — серебряные или деревянные, отделанные серебром..

...Чай был подан, и за столом завязался оживленный разговор. Наши хозяева — члены местного аратского объединения — пасут скот-молодняк. Их дочь (она сейчас вместе с матерью готовит обед) окончила ветеринарные курсы и работает в объединении бригадиром-животноводом. Старший сын отсутствует — он учится в Улан-Баторском сельскохозяйственном институте на первом курсе. Двое других сыновей учатся в школе-семилетке в Могод-Сомоне...

Объединение, в котором состоят здешние араты, одно из самых молодых в Булганском аймаке. Своим решением наши хозяева довольны — с момента организации объединения их доходы возросли более чем втрое. Благодаря более правильному уходу за скотом повысилась его продуктивность, уменьшился падеж молодняка.

В МНР членом сельскохозяйственного объединения (СХО) может быть всякий трудящийся, достигший шестнадцати лет, независимо от пола, национальности и вероисповедания.



Менее двух часов требуется для сборки юрты на новом месте. Уже установлены решетки — *ханы* и вставлены в них сверху жерди — *уни*, надет на них верхний кругтон. Этот остов покроют кошмой, и юрта готова

Основа СХО — общественная собственность на средства производства. При создании СХО обобществляется часть скота и сельскохозяйственный инвентарь. Число голов скота, отходящего в общее стадо, устанавливается общим собранием для каждого вступающего отдельно.

В личной собственности остаются юрты, телеги, сани. Каждое аратское хозяйство может иметь в личной собственности до 50 голов скота в хангайской зоне и до 75—в гобийской.

Высший орган объединения — собрание уполномоченных СХО. От одного до трех уполномоченных избирается от каждых десяти членов СХО.

В настоящее время в МНР происходит перевод аратов в СХО на оседлый образ жизни. В связи с этим встает необходимость укрупнить объединения. Первыми перешли на оседлость наиболее передовые сельскохозяйственные объединения.

...Хозяева в свою очередь интересуются нашими делами, задают много вопросов.

Монгольские араты очень любознательны. Спросите у любого арата, встретившегося вам в степи, о дороге, и он подробно расскажет о всех путях за 200—300 километров от его кочевья, расскажет, как обстоят дела в соседних СХО, о строительстве в сомонном и аймачном центрах. Наблюдательный от природы арат может поведать интереснейшие сведения о повадках зверей и птиц, сообщить драгоценные для вас наблюдения природных явлений. Часто, узнав, что вы геолог, он потащит вас к себе в юрту и покажет образцы собранных им пород и минералов, расскажет, где нашел, и, если попросите показать это место, немедленно туда приведет.

...За оживленной беседой время проходит быстро, и проворными руками хозяек уже приготовлен обед.

Монгольский обед для новичка необычен. Во-первых, своеобразен порядок блюд. В Монголии обед начинается с чая. Его пьют одну-две пиалы в ожидании, пока поспеет баранье мясо.

Баранье мясо — «*мах хони*» режется большими кусками, заливается в тазу крутым кипятком и остается на огне всего минут пятнадцать-двадцать. У нас оно считалось бы недоваренным, но здесь его перекладывают в другой таз и подают к столу. Каждый получает тот или иной кусок, в зависимости от старшинства или почетности гостя. Лучшее лакомство — бараньи лопатки и крестец.

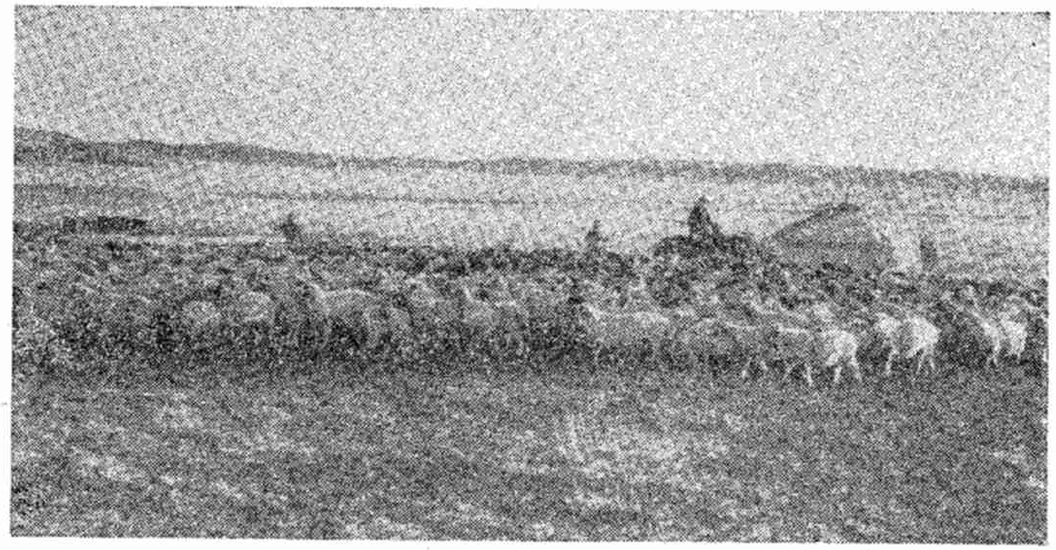
Необычен и «прибор». Обедающий в одну руку берет нож (нож в Монголии необходимая принадлежность каждого), второй подносит ко рту кусок мяса, зажимает край его зубами и отрезает у самого рта ножом.

Кости очищаются ножами очень умело. К мясу подается соль и сырой дикий лук — *тан*. Мяса за обедом съедается много, примерно по килограмму на человека.

Пока едят мясо, поспевает суп-*хоршо*. Его варят так: в оставшийся в тазу бульон кладут новые порции мяса, но уже мелко нарезанные, и лук. Варят недолго, и ломтики мяса тоже остаются полусырыми. Суп подается в пиалах.

На третье, в тех же пиалах подается *айрог* — кумыс. Его всегда держат в юрте у входа в огромных бурдюках, подвешенных к потолку. Иногда на десерт подается *тарак* — кислое молоко, или *урюм*,— молочные пенки в консистенции густой сметаны. В особенно торжественных случаях за обедом пьют молочную водку — *архи*.

Исполнен природного достоинства монгольский арат — сын Хангайских гор



Спускается вечер на монгольские степи — уже собрали пастухи отары черноголовых монгольских овец к юртам для ночевки

В конце обеда мои спутники завели разговор о покупке барана. По этому случаю снова был подан чай, и началось неторопливое заключение торговой сделки.

Сошлись на том, что за хорошего барана следует заплатить 60 тугриков. Сделка была заключена. Однако отара паслась в степи довольно далеко от юрты. Ее надо было пригнать сюда. За это с большой охотой взялся один молодой монгол. По этому случаю опять заварили новую порцию чая и выпили еще по пиале. Парень ускакал на молодой шустрой лошадке, и примерно через полчаса со стороны долины Тахилт-Гол в лучах заходящего солнца показалось облако пыли. Это под эскортом нескольких огромных собак приближалась отара овец.

Собаки в Монголии своеобразной породы. Больше всего они напоминают водолазов. Черные с коричневыми подпалинами, большими висячими ушами, монгольские собаки иногда бывают ростом с теленка. Но несмотря на свою свирепую внешность, они довольно миролюбивы, если, конечно, не трогать их при исполнении служебных обязанностей по охране юрт и овечьих стад.

Отару стали загонять за ограду из легких жердей. В этом приняли участие все хозяева, мы, гости, и, конечно, собаки, сопровождавшие стадо.

Когда загон заполнился до отказа, туда прошел Дорджи и стал деловито запускать руку в густую шерсть то одного,

то другого барана, на ощупь определяя их жирность. Наконец достойнейший был выбран. Дорджи вытащил его из загона, поставил между ног и, ухватившись руками за густую шерсть, побежал вместе с ним к машине. Здесь мы забросили ошалевшего барана в кузов и поехали за водой к другим юртам, расположенным километрах в двух отсюда, около колодцев.

Уже наступала ночь. На черном небе обозначился острый серп молодой луны. В густых сумерках мы подъехали к юртам и начали ставить палатку неподалеку от них. Хозяева этих юрт любезно вызвались зарезать и освежевать барана. Пока мы расставляли палатку и собирали аргал, с бараном было покончено, и наш завхоз Сандан получил мастерски разделанную тушу и ведро кумыса в придачу.

Поскольку пообедали мы сегодня довольно плотно, то на ужин ограничились лишь небольшим кусочком вареного мяса с тем лишь, чтобы попробовать, хороша ли покупка, и оценить качество экспертизы Дорджи. Мясо оказалось замечательным, и Дорджи был единогласно премирован большой пиалой кумыса.

Незаметно возле нашей палатки собралось целое общество. Первыми в гости пожаловали четыре пса. Они уселись против входа и умильно смотрели, как варится мясо. За примерное поведение их наградили костями. Затем появились молодые лошади. Они столпились табуном и как зачарованные смотрели на огонь. Но как только кто-нибудь из нас пытался к ним подойти, они обращались в бегство. Однако спустя некоторое время приближались вновь.

Уже совсем поздно мы улеглись в наши спальные мешки. Слегка подморозило. Однако жизнь не затихала. Мы остановились в обжитой местности, и ночная степь была наполнена различными звуками. Сначала ржание и топот возвестили о том, что табунные жеребцы затеяли драку. Потом их примеру последовали козлы. Вездесущие ночные сторожа — собаки стали наводить порядок и, видимо, не сошлись во мнениях. Более слабые из них были жестоко проучены сильнейшими.

На следующее утро мы немного проспали и поднялись, когда солнце уже взошло над горами.

В ГЛУБЬ ВОСТОЧНОГО ХАНГАЯ

Наш дальнейший путь лежит на Могот-Сомон, в бассейн верхнего течения Орхона. Там у молодых разломов земной коры, обрамляющих Восточный Хангай, бьют горячие источники.

Мы сворачиваем с Хангайского тракта на север, на проселочную дорогу, ведущую через Орхонско-Тольский водораздел в Могот-Сомон. Этот проселок мало чем отличается от тракта — такая же грунтовая дорога. Только на столбах вдоль дороги вместо нескольких рядов телефонных и телеграфных проводов здесь тянется лишь один телефонный провод.

Дорога поднимается и входит в сравнительно узкую долину, огибающую гору Авзага Хайр-Хан с запада. Внизу извивается небольшой ручеек Уртын-Гол. Он начинается из родников, бьющих у подножия горы. Чем ближе к ее склонам, тем многочисленнее сухие русла, заваленные большими глыбами. Вести машину все труднее, но наш Дорджи мастерски лавирует между большими камнями и размытыми рытвинами.

Через семь километров долина неожиданно заканчивается, и дорога круто идет вверх. Преодолев подъем, мы попадаем в ту же долину Уртын-Гол, но здесь она шире и ее склоны более отлоги. Еще через десять километров снова крутой подъем, а за ним еще более широкий отрезок долины. Так повторяется несколько раз. Похоже на то, что мы взбираемся по гигантской лестнице со ступенями высотой 70—100 метров, а шириной в несколько километров.

По мере подъема по этой «долинной лестнице» горизонт раздвигается все шире и шире. Далеко на западе в клубящихся над горами свинцовых тучах маячат неясные очертания высоких гор Центральной части Хангайского нагорья.

Надрывно рыча и дрожа всем корпусом, наша машина берет последнюю ступень «лестницы». Наконец мы на Тола-Орхонском водоразделе. Кругом, куда ни глянь, до самого горизонта расстилается море хребтов и кряжей Восточного Хангая.

Направо на востоке на плоской волнистой поверхности водораздела, как крепостной форт, высится вершина Авзага Хайрхан (2139 м над уровнем моря). Ее отвесные склоны сложены лавами.

В бинокль с водораздела хорошо улавливается интересная закономерность в расположении речных долин. С юга на север горы прорезаны огромными депрессиями долин Верхнего Орхона и его притоков. Они параллельны друг другу.

Горы многократно пересечены в северо-восточном направлении как по линейке проведенными поперечными долинами.

Правильные геометрические очертания речной сети Восточного Хангая вызваны правильной сеткой разломов земной коры.

Минуем перевал, и неожиданно перед нашими глазами появляется большая долина Хулдж-Гол, в которой километрах в десяти от нас виднеются постройки Могота.

Начинается стремительный спуск. Дорога причудливо извивается по склонам гор, пересекает многочисленные глубокие сухие русла, заваленные булыжником.

Стрелка на спидометре то и дело подскакивает до цифры 60. Машина ныряет в пади и по инерции птицей выносится на увалы. Наконец, промчавшись через узкую щель боковой долинки, мы вырываемся на простор.

В пойме под лучами солнца ярко блестят белые солончаки на месте высохших озер. Дорога теперь идет по равнине, однако чем ближе к Могот-Сомону, тем чаще Дорджи резко сбавляет ход и едет «шагом». Причина тому — коровы, отдыхающие на дороге и с большой неохотой уступающие требовательному сигналу. Самое интересное, что ни одно животное не лежало в стороне от дороги хотя бы на метр.

Сначала я недоумевал относительно таких странных вкусов крупных рогатых обитателей степи. Все стало ясно, как только я слез с машины, отошел от дороги и прошелся по степи. Всю мою одежду густо усыпали колючие семена растений. Они так крепко впились в плотную ткань комбинезона, что очистить его стоило большого труда. После этого я легко представил себе, как крепко запутываются колючки в шерсти животных и беспокоят их. Выбирая из двух зол меньшее, коровы предпочли для полуденного отдыха дорогу, тем более что на ее пыли лежать мягче, чем на каменистой почве степи.

Затем пищу для размышления мне доставили бараны. Вид стремительно несущейся машины повергает отару в панический ужас. Но интересное дело! Вместо того чтобы рассыпаться в разные стороны, животные стремглав сбиваются

в одну большую кучу. Это тоже на первый взгляд непонятно. Каждое животное, добежав до кучи, стремится во что бы то ни стало пробраться в ее центр. Наиболее ретивые бараны даже вспрыгивают наверх, на спины своих собратьев, и, проваливаясь между ними, оказываются в середине. Расчет, если можно говорить о каком-либо «бараньем расчете», элементарно прост: в центре вероятность уцелеть от нападения врага больше. Она тем больше, чем дальше находится данный индивид от края.

Дорога несколько раз пересекает реку Хулдж-Гол. Это мелкий, хотя и быстрый поток. Просто не верится, что в прошлом он был столь многоводен, что выработал долину шириной пять-шесть километров. Однако это так — в обе стороны от реки протянулись широкие площадки ее террас. На одной из них на высоте 10—12 метров над руслом стоит Могот, широко раскинувшийся у западного борта долины. Вокруг него видны обширные болотистые понижения. Это результат обильного выхода подземных вод. По краям заболоченных низин ярко блестят на солнце солончаки.

Мы объезжаем поселок стороной и едем на юг вверх по долине. В двух километрах от Могота начинается большая излучина. Тут болотистая низина близко подходит к левому борту долины, где в основании уступа второй надпойменной террасы расположен горячий минеральный источник — по-монгольски *аршан*.

Подъехать к нему невозможно, он окружен болотом. Мы идем по двум жердям, брошенным через топь, потом прыгаем с камня на камень и наконец попадаем к аршану. В квадратной яме колодца, выложенного деревянной крепью, бурлит зеленовато-серая вода. Она переливается через край колодца и дает начало ручейку. От воды идет пар — ее температура около сорока градусов. Из глубины источника быстро и обильно поднимаются большие и маленькие пузырьки газа. Сильно пахнет сероводородом, а на камнях вокруг беловатый налет серы. Местное население лечится этой водой от желудочных и ревматических заболеваний.

Осматриваем долину. Ее крутые обрывистые борта, образованные разрывами земной коры, раздроблены. Восточный борт ограничен большим кряжем Могот-Нуру, сложенным древними толщами.

Возвращаемся в Могот-Сомон, чтобы пополнить запас свечей. Магазин помещается в небольшом домике. Мы находим его по вывеске «Анхны-Хорошооны Дэлгур» (низовой

кооперативный магазин). Продавец довольно хорошо говорит по-русски. Он рассказал нам, что 23 июня 1958 года в 90 километрах северо-западнее Могота в районе Сайхэн-Сомона, Булганского аймака произошло сильное землетрясение. Сильные толчки ощущались в течение трех дней— 23, 24 и 25 июня.

Во многих домах обвалилась штукатурка. В помещении магазина были разрушены печи. Очевидно, сила землетрясения достигала шести баллов.

Пополнив наши запасы, мы выезжаем на северо-восток, чтобы вернуться на Булганский тракт.

НАПРЯМИК ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Дорога идет круто вверх на горный кряж Могот-Нуру. Мы выезжаем на его северный склон, и голые безлесные горы вдруг чудесно расцвечиваются лесными осенними красками.

Объясняется это просто — на Восточном Хангае лес растет только по северным склонам гор.

Дорога карабкается по каменистым склонам. Иногда наша машина накреняется так, что я неудержимо ползу на Дорджи, а едущие в кузове барабанят по кабине, чтобы мы ехали осторожнее. Предупреждение резонное, если учесть, что всего в нескольких десятках метров от обочины расположен отвесный обрыв. Однако Дорджи тверд и невозмутим. Только обильный мелкий пот, выступающий на лице во время опасных поворотов, выдает предельное напряжение водителя.

Небо хмурится. Что, если пойдет хоть небольшой дождик? Нам тогда на перевал не взобраться. Машина по два-три раза атакует крутые подъемы, скатывается с них назад, разбегается, снова ползет вперед и наконец выбирается на перевал.

Дорджи облегченно вздыхает, вытирает пот со лба и, глядя на меня, счастливо улыбается. Еще бы! В любую минуту мы могли сорваться в пропасть. Делаем небольшую передышку, а затем скатываемся в широкую долину. Вдали уже видны белые постройки и юрты Авзага.

Вдруг наше внимание привлекают какие-то светло-серые, медленно движущиеся фигуры, похожие на людей. Я смотрю в бинокль — по степи гуляют дрофы. Мы останавливаемся, и из кузова выскакивает Сандан с винтовкой. Он припадает на одно колено и стреляет... Дрофы продолжают

спокойно уходить от нас размеренным шагом. Сандан делает короткую перебежку и снова стреляет. Около одной из дроф взметнулась пыль. Промах. Но теперь дрофы уже неуклюже бегут, машут крыльями и как бы нехотя лениво поднимаются в воздух.

Наш ужин улетает! Но не беда — ведь вчера мы купили целого барана!

Через полчаса въезжаем в Авзага, постройки которого раскинулись у реки Тэгэн-Гол. Это довольно крупный поселок. В нем новые благоустроенные здания школы, больницы, ветеринарного пункта, клуба, в котором регулярно работает кинопередвижка. В центре поселка правление СХО «Ленинский путь». Это передовое хозяйство объединяет свыше 600 аратских семей. В СХО более 50 тысяч голов скота и пять животноводческих ферм. В стаде больше всего овец и основной доход дает овечья шерсть. Настриг с одной овцы составляет около полутора килограммов, а знатный чабан объединения Очир в стаде из 600 голов получил с каждой овцы более двух килограммов отличной шерсти.

Монгольская овца дает шерсть, богатую пухом, но в ней много так называемого «мертвого волоса»*. Пух монгольской овцы по своему качеству не уступает пуху овец-мериносов. Ценное качество монгольской овечьей шерсти— ее белый цвет. Она идет на выделку грубых сукон, одеял и ковров. Монгольская шерсть пользуется большим спросом на мировом рынке и представляет одну из основных статей экспорта МНР.

НА БУЛГАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТРАКТЕ

Мы не задерживаемся в Авзага и проезжаем на Булганский тракт, который сразу же поднимается на перевал.

Авзага-сомон виден с перевала как на ладони. Он разместился в уютной округлой котловине, которую пересекают верховья реки Тэгэн-Гол. Здесь пять больших падей, сходящихся с котловиной, как пальцы с ладонью. И через эту ладонь-котловину светлой ровной ленточкой протянулся Булганский государственный тракт.

Это большая транспортная артерия, которой центр страны связан с Восточным и Северным Хангаем, Прихубсугульем и частично с Котловиной Больших озер. К Булганскому тракту тяготеет свыше пятой части территории МНР. Дорога здесь в значительной мере спрофилирована и оборудована мостами. После нашего перехода из Могота в Авзага по Хангайскому проселку Булганский тракт кажется нам автострадой.

С перевала перед нами снова открывается картина застывшего моря гор Восточного Хангая. Над плоской волнистой поверхностью кряжей там и тут высятся вершины, сложенные вулканогенной толщей. На севере километрах в пятнадцати на фоне облачного неба вырисовывается гора Хушуту-Булу-Ула (2093 м). У южных ее подножий расположен город Булган — центр одноименного аймака МНР. Туда лежит наш путь через огромную депрессию Орхонской долины, которая расстилается внизу перед нами и тонет в лиловатой дымке.

Вечереет. На восток протягиваются длинные тени. Теперь при косом освещении склоны хребтов постепенно украшаются тонкой резьбой долин.

Спуск с перевала к Орхону идет по течению его небольшого правого притока. Дорога извивается по долине широкими петлями, а потом ныряет в узкие ворота, проделанные рекой в выступах изверженных пород. Это мощная жила гранита, перегородившая долину высоким каменным барьером. Такие скалистые гребни, пересекающие речные долины, очень характерны для бассейна Орхона. Порой гребни перегораживают долины у самых устьев, и поток пробивает здесь узкую щель.

Через подобную щель проезжаем и мы. За ней долина образует расширенную котловину с крутыми высокими бортами. На правом из них — большое светлое пятно. Это свежий сейсмический обвал пород, то есть соскальзывание их вниз по склону вследствие землетрясения. Это произошло или при землетрясении 23 июня 1958 года, или при Гоби-Алтайском землетрясении в декабре 1957 года. Формы сейсмического обвала совсем свежие. Большая поверхность склона горы как бы ободрана каким-то гигантским скребком. Сорванная порода беспорядочно сгружена у подножия берегового уступа. Длина поверхности обвала достигает двухсот метров вдоль склона.

В направлении на север открывается вид на долину Орхона с замыкающей ее горой Хушиту-Булу-Ула (Булган-Хан). Сейчас эта вершина кажется уже черной — солнце

* «Мертвым волосом» называется толстый волос с пустотелым каналом внутри. Такой волос непрочен, не воспринимает краску и снижает качество шерстяных изделий.

село за горы, и зубцы горы резко вычерчены на сумеречном небе.

Темнеет, а порывистый горный бриз вздымает пыль на дороге, и по ней, крутясь, перемещаются небольшие смерчи.

В ДОЛИНЕ ВЕЛИКОГО ОРХОНА

Уже в темноте мы переехали мост Булганской переправы и оказались в долине Орхона.

Она встретила нас неприветливо. Небо затянули свинцовые тучи, дует сильный ветер. Под стать погоде и сама долина. Черные базальтовые скалы окружают реку, и она с шумом несет мимо них свои чернильно-черные в густых сумерках воды.

Пора думать о ночлеге. Мы сворачиваем с насыпи и при свете фар выбираем ровную площадку около самой реки. Быстро устанавливаем палатку.

Начался мелкий дождь, но идет он как-то нехотя. Лубсан смотрит на небо, неодобрительно качает головой и что-то ворчит вполголоса. Сурэн переводит мне, что Лубсан опасается снежной пурги, и сам рассказывает несколько случаев, когда внезапный сентябрьский снегопад в горах Хангая ставил путешественников в трудное положение.

Через полчаса уже готов прекрасный суп-хоршо. Мы отдали ему должное, тем более что обед совмещаем с ужином. Утомленные дорогой, мгновенно засыпаем под монотонный стук дождя по крыше палатки.

Утро встречает нас безоблачным небом и таким блеском солнца на синем небе, что кажется вчерашнего ненастья и не бывало. Старый Хангай сегодня улыбается нам.

Вода в реке уже не черная, как вчера вечером, а зеленая и прозрачная. Она с шумом омывает грозные скалы и в водоворотах крутит на дне реки крупную гальку. Течение здесь быстрое, река сверкает под солнцем, как рыбья чешуя.

Не теряя времени принимаемся за работу. Замéр — запись, замéр — запись. Страницы моей полевой книжки покрываются колонками цифр, на планшетке появляется абрис долины с разрезами речных террас.

На первой надпойменной террасе, образующей широкое плоское днище долины, множество больших валунов гранитов, диабазов, кварцитов и других пород Хангая. Это переотложенные рекой ледниковые валуны — немые свидетели былого оледенения Хангая.

Поднимаемся выше на третью террасу и в овражках видим ярко-красные железистые глины. Впечатление такое, как будто кто-то пролил здесь на землю сурик и охру. Да это же выветривается красноцветная кора! Интересно! Ведь она образуется в жарком, влажном климате, совсем не похожем на современный сухой и суровый климат Монголии.

Описав эти отложения, лезем по крутым склонам на еще более высокие террасы. Здесь в рытвинах нам попадаются кремово-белые и розовато-серые высыпки пород. Это каолиновая белоцветная кора выветривания, образующаяся в условиях теплого сухого климата...

Мы поднимаемся все выше, и, наконец, когда мы оглядываемся назад, Орхон предстает перед нами во всей своей красоте.

Широкая река мощно несет воды на север, собирая их с территории около 150 тысяч квадратных километров. Несколько десятков рек впадает в Орхон. В их числе и Тола, несущая воды с Хэнтэя. Длина Орхона 1124 километра. Это крупнейший приток Селенги, лишь немного уступающий ей по многоводности.

В древней колыбели Монгольского государства — долине великого Орхона — создается один из опорных районов нового сельского хозяйства МНР. В верховьях реки неподалеку от руин Каракорума, некогда бывшего столицей Монголии, создано образцовое государственное хозяйство.

В МНР — 21 госхоз, из них 8 земледельческих, 10 животноводческо-земледельческих и 3 молочно-овощных. Посевная площадь госхозов к 1960 году возросла до 200 тысяч гектаров.

В будущем Орхон станет и транспортной артерией. Первый опыт был поставлен Селенгинским пароходством СССР еще в июле 1925 года. Пароход «Кооператор» с груженой баржей поднялся по Орхону на 132 километра, а затем без баржи еще на 158 километров и достиг устья Толы.

Мы идем по склону горы вдоль течения реки. Ниже моста Булганского тракта долина снова прорезает базальтовые скалы, среди которых река описывает причудливые петли. Множество старых, покинутых рекой отрезков древней долины расположилось на разных высотах над современным уровнем воды. Все это говорит о сильных молодых движениях земной коры. Их обследование занимает у нас полдня, и перед нами раскрывается увлекательная история формирования долины.

Становится ясным, что вулканическая деятельность в долине Орхона проявилась очень давно. Базальтовые толщи здесь древнего возраста. Речная долина была проложена в них много позднее, в начале третичного периода. В толще древних базальтов река выработала ступени — террасы. Такое расположение террас дало повод некоторым исследователям считать, что они образованы молодыми лавовыми потоками, заполнившими долину после ее образования.

В середине третичного периода долина Орхона уже существовала как большая депрессия, выработанная рекой. Об этом говорят высоко приподнятые шестые, пятые и четвертые террасы с их белоцветной каолиновой корой выветривания. Затем произошел подъем земной коры, русло реки снова опустилось, и в конце третичного периода образовалась третья терраса, приподнятая сейчас на 40 метров над рекой. Климат в Монголии был тогда жарким и влажным, и на третьей террасе образовалась красноцветная железистая кора выветривания, наподобие той, которая образуется сейчас в субтропических районах.

Новый подъем земной коры в начале четвертичного периода вызвал новое врезание реки в днище долины. Климат в это время резко похолодал, и в горах Хангая началось оледенение. Перемытые Орхоном и его притоками ледниковые морены и валунные толщи послужили материалом для формирования второй и первой террас в долине Орхона.

Наконец, в послеледниковое время благодаря совсем недавним (5000 лет назад и позднее) поднятиям земной коры возникла пойма.

Итак, происхождение долины Орхона ясно, и мы торопимся в город Булган, до которого остается 20 километров.

БУЛГАН

Дорога поднимается из долины на невысокий перевал. Булганский тракт извивается по холмам — останцам высоких речных террас. Машина взбегает еще на один высокий холм, и с него неожиданно открывается панорама большой котловины с широко раскинувшимся в ней городом. Это Булган — центр одноименного аймака и Восточного Хангая.

Щедрая россыпь домов и юрт покрывает покатую равнину у подножия высокой горы Хушиту-Булу-Ула. Первое впечатление, что по величине город не уступает Улан-Батору. Но это, конечно, не так. Булган во много раз меньше Улан-Батора. Обманчивое впечатление создается из-за разбросанности строений на обширной территории.

В бинокль с холма хорошо видны большие белые здания центральной части города, мельничный комбинат. Его сооружение связано с бурным развитием земледелия в аймаке. Жаргалантийский госхоз и объединения аратов осваивают под посевы зерновых многие тысячи гектаров, и скоро Восточный Хангай станет главной житницей Монголии.

Мы направились к автозаправочной станции, расположенной на склоне холма над городом. Рядами выстроились круглые, большой емкости цистерны. Около заправочных колонок вереница грузовиков — я насчитал более сотни машин. Несколько автоцистерн переливают в хранилище горючее, привезенное с первого монгольского нефтеперегонного завода в Дзун-Баине. Тракторно-автомобильный парк растет в стране очень быстро, и требуется все больше и больше горючего для его работы.

Мое внимание привлекает большой плакат, на котором крупными буквами написан призыв ко всем шоферам МНР включиться в движение шоферов-стотысячников и последовать примеру шофера — депутата Великого Народного Хурала МНР Лувсанпурэва, который проехал на своей машине 500 тысяч километров без капитального ремонта. Около десяти лет ездит он на своей машине без капитального ремонта. Даже сейчас, после такого пробега, его автомашина способна пройти еще 100 тысяч километров. Это яркий пример нового социалистического отношения к труду.

Шофер — важная фигура в современном хозяйстве МНР. Автомобиль сейчас — основной вид монгольского транспорта. Десятки тысяч тружеников автотранспорта ежедневно развозят сотни тысяч тонн грузов во все концы огромной территории МНР.

Пока мы ждем своей очереди, Сурэн рассказывает мне, что Булган один из старинных городов Монголии. Раньше он назывался Ван-Хурэ и был одним из основных центров ламаизма.

После победы народной власти ламы и уцелевшие феодалы пытались превратить булганские монастыри в оплот контрреволюции. Поэтому монастыри были сначала закрыты, а затем и снесены. От них осталось лишь несколько небольших домов.

После заправки едем в город и, наскоро перекусив в столовой, наводим справки о том, как проявилось в Булгане землетрясение 23 июня 1958 года. Оказывается, что повсюду в домах падала штукатурка с потолков и стен и в нескольких местах развалились печные трубы. Значит, сила землетрясения достигала шести баллов.

Затем направляемся в краеведческий музей. Музей расположен в одном из сохранившихся монастырских домов, построенном в китайском стиле и богато расписанном монгольскими национальными орнаментами. Перед зданием на гранитных постаментах стоят большие старинные колокола, вылитые из бронзы.

Музей невелик, но в нем хорошо представлены горные породы, минералы, полезные ископаемые, животные и птицы Восточного Хангая. На осмотр экспозиции у нас уходит около часа, и мы готовы в дальнейший путь.

ЛИСА В НЕДОУМЕНИИ

Восточнохангайский тракт ведет из Булгана на северо-запад к высокому перевалу в обход горы Хушуту-Булу-Ула. Дорога поднимается по долине реки все выше и выше над котловиной, в которой расположен Булган.

Местность постепенно становится все более лесистой, и дорога пересекает красивые лиственичные боры, одевающие склоны гор. Столетние мощные деревья в нарядном осеннем убранстве возвышаются на десятки метров. Кругом девственная, не тронутая человеком природа. Движение по дороге очень небольшое. За несколько часов мы не встретили ни одной машины, ни одного всадника.

Перед самым перевалом всего в каких-нибудь ста метрах от машины дорогу неожиданно перебегает ярко-рыжая лиса. Она трусит мелкой рысцой, а затем останавливается у обочины и с любопытством смотрит на нас. Дорджи резко тормозит, а в кузове поднимается настоящее смятение. Там лихорадочно ищут винтовку, затем щелкает затвор. Раздается выстрел, а лиса цела и невредима. Она отбегает метров на пятьдесят и снова останавливается. Я ясно вижу в бинокль ее недоумевающую острую мордочку, приподнятую правую лапу и роскошный пушистый хвост — такой же длинный, как и сама хозяйка. Следует еще один выстрел, и снова короткая перебежка лисы — она все еще не может понять, в чем дело.

Из кузова машины выскакивают Сандан и Сурэн и бегут к лисе. За ними, пыхтя, семенит и Лубсан. Лиса прибавляет шагу и скрывается в кустах. За ней, сбрасывая на бегу ватники, устремляются наши охотники. Даже Лубсан проявляет такую прыть, что мы с Дорджи только прыскаем от смеха. Погоня, как и следовало ожидать, оказывается безрезультатной. Охотники возвращаются довольно смущенными. Они подбирают свои доспехи и забираются в машину, впрочем, не без «трофеев». Их одежда покрыта густым слоем колючих семян — хватит работы часа на два...

ПО СЛЕДАМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 23 ИЮНЯ 1958 г.

Мы на Орхонско-Селенгинском водоразделе. Далеко на юге тонет в вечернем тумане огромная котловина Орхонской долины, а на севере межгорная депрессия долины Селенги тоже скрывается в ночной мгле.

Косые лучи заходящего солнца еще освещают вершины и подчеркивают золотистыми бликами изрезанность склонов речными долинами.

Решаем сделать крюк километров в пятьдесят, чтобы заехать в Сайхэн, близ которого располагался эпицентр землетрясения 1958 года, и отправляемся к виднеющимся невдалеке юртам расспросить о дороге.

После взаимных приветствий и традиционного угощения кумысом хозяйка юрты, уже немолодая женщина, рассказывает нам, что в момент землетрясения она находилась в урочище Пунгрик, километрах в десяти к югу от Сайхэна. Подземный толчок произошел в 11 часов утра и сопровождался сильным подземным гулом. Деревья качались и шумели листвой, как во время бури, земля дрожала, животные не находили себе места. Толчки то большей, то меньшей силы повторялись еще несколько раз в течение трех дней.

Справившись о дороге и поблагодарив радушную хозяйку за кумыс и за интересный рассказ, мы двинулись на юг — в долину реки Урмыйн-Гол. Вскоре в вечерних сумерках под горой повисла большая блестящая капля ртути. Это в последних отблесках дневного света отражалось озеро Урюм Цаган-Нур (в переводе «Озеро белых молочных пенок»). К нему мы и направляем машину по довольно плохой проселочной дороге.

Становилось уже совсем темно, когда мы добрались до озера и разбили палатку в степи близ группы юрт. Не успел разгореться сухой аргал в нашей печке, как к нам в палатку в гости пришли соседи.

Начинается чаепитие. На этот раз угощаем мы. Это мастерски и со знанием традиций делает Лубсан. Мерно течет беседа. Мы стараемся узнать как можно больше о землетрясении. Гости охотно наперебой рассказывают об этом. Я еле успеваю записывать.

Пожилой арат Тавадоржин Джамба памятным утром 23 июня 1958 года пас скот километрах в пятнадцати восточнее Сайхэна. Внезапно с запада раздался гром, как при приближении грозы. Юрта сильно закачалась, молоко, стоявшее на печке в тазу, расплескалось по земле. Джамба выскочил из юрты. Было пасмурно, шел дождь, но ветра не было. Несмотря на это, трава шумела, и по ней с запада на восток шли волны, как во время сильного ветра. Встревоженно ржали лошади. Джамба хотел оседлать одну из них, но тут снова уже из-под земли раздался гром, седло выпало из рук растерявшегося хозяина, и он решил никуда не ездить.

Пастух Дэмбрэлс Сурэн рассказал, что он в это время пас скот в горах в окрестностях Сайхэна. При первых же подземных толчках закачались деревья, с гор с шумом посыпались большие камни, произошли обвалы на крутых склонах. Пастух поспешил перегнать стадо на середину широкой пади и оставался там двое суток, опасаясь новых обвалов.

Рассказы следовали один за другим. Было уже совсем поздно, когда, проводив гостей, мы легли спать. Впрочем, заснуть сразу не удалось. Ночную тишину то и дело нарушал конский топот и молодцеватое гиканье наездников. Сандан не вытерпел и пошел узнать, что там происходит. Вернулся он не скоро, и я уже спал. Оказалось, что местная молодежь устроила своеобразное состязание — скачки в темноте по неровной степи. Участвовало человек пятнадцать, и парни, и девушки. Я об этом узнал только утром и, естественно, сетовал, что не был его свидетелем.

Утро встретило нас хмуро — над соседними горами клубились свинцовые облака, дул сильный северный ветер.

Опасаясь дождя, мы поспешно двинулись в путь и уже через полчаса были в десяти километрах от места ночлега,

Дорога становилась все хуже и хуже. Здесь выходит на поверхность множество родников, и местность очень заболочена. Наш ГАЗ-63 то и дело буксует и в конце концов застревает в маленьком ручейке, провалившись задними колесами в грязь по самый кузов.

Незавидное положение наше оказалось много хуже, чем это представлялось вначале. Самое плохое заключалось в том, что при каждой попытке выбраться из трясины машина погружалась еще глубже. Наконец, посовещавшись, решаем выкопать длинную траншею, чтобы создать более пологий выезд из злополучной канавы. Лубсан сердится на нас и не позволяет копать, на что мы, конечно, не обращаем никакого внимания. Он недовольно ворчит и уходит в сторону, а когда мы снова вспоминаем о нем, его уже и след простыл. Недоумеваем, куда бы он мог деться, но, решив, что это продолжение его чудачества и что он где-то поблизости, продолжаем в поте рыть траншею.

Проходит час, другой, третий, мы еле стоим на ногах от усталости, но выезд готов. Дорджи снова неистово раскачивает машину взад и вперед. Ура! Удается продвинуть ее вперед сантиметров на тридцать. Это вселяет в нас новые силы, и под вырванное у топи колесо подкладываем наш запас дров. Но это было ошибкой — второе колесо неожиданно проваливается совсем, а машина того и гляди перевернется набок...

Внезапно раздается конский топот, и в то же мгновение мы видим, что к нам скачет двадцать всадников. Среди них узнаем нашего Лубсана. Теперь истинная причина его «дезертирства» ясна...

Соединенными усилиями людей, лошадей и мотора мы уже сравнительно легко вытаскиваем машину из трясины. Возможно, это происходит так быстро и потому, что при каждом рывке, сопровождающемся надрывным ревом мотора, лошади безумствуют и рвутся на постромках так, что сдвинули бы и пять завязших машин...

Мы глубоко тронуты дружеской помощью молодых аратов, но все же настоящий герой сегодня наш Лубсан. По совести говоря, нам немножко неудобно перед стариком за подшучивания.

Совещаемся, как поступить дальше. Неожиданная задержка отняла у нас около шести часов, а дальнейшая дорога в Сайхэн, судя по этому ручейку, не сулит ничего хорошего. Взвесив все, решаем изменить маршрут и перевалить через

соседний горный кряж в долину реки Гульбр-Гол, расположенную в бассейне Селенги. Это будет вполне оправдано, поскольку там расположена целая группа молодых вулканов.

НА ХАНГАЙСКИХ ВУЛКАНАХ

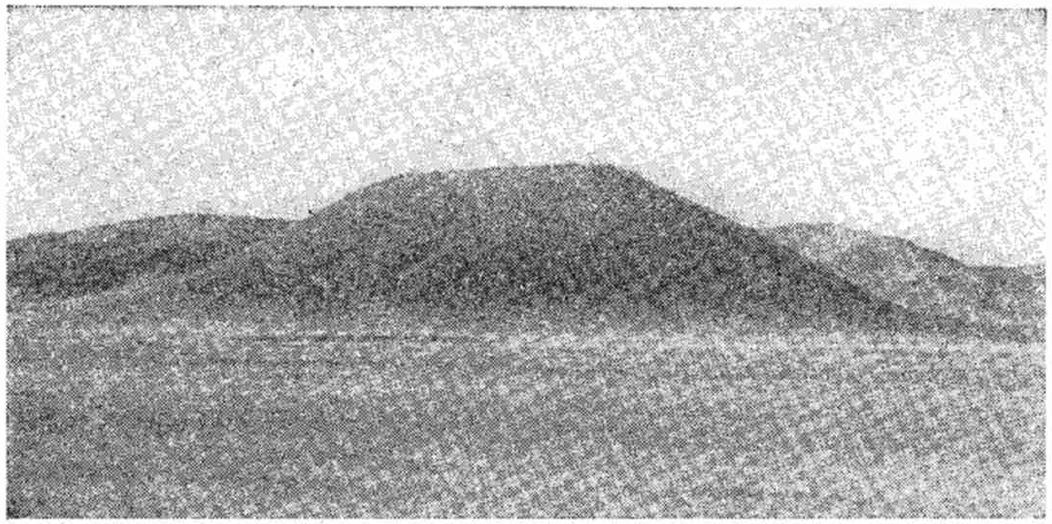
Мы благополучно преодолеваем перевал, а погода тем временем неожиданно меняется к лучшему.

Впоследствии мне часто приходилось наблюдать, что в горах Монголии погода меняется очень быстро. Никогда не знаешь, что ждет тебя за тем или иным перевалом. В начале путешествия это поражает, но потом к таким контрастам привыкаешь. Во всяком случае сейчас мы вовсе не в претензии на то, что вместо тяжелых дождевых туч по небу бегут легкие облака и снова светит солнце.

С одного из бугров перед нами открывается вид на широкую сухую падь Урангин-Хунды и на черный конус вулкана Уран. Он удивительно правильной геометрической формы и имеет очертания многогранной пирамиды, грани которой образованы глубокими, прямолинейными от вершин до подножия оврага — *барранкосами*. Вообще вид у него какой-то неестественный, прямо-таки учебно-показательный макет.

Наша машина сворачивает в падь Урангин-Хунды и направляется к группе других вулканов. Это сильно разрушенные вулканические конусы Тулга, Того и Бурхэр. Они расположены на одной прямой, по-видимому на трещине, по которой изливалась лава. Вокруг вулканов беспорядочно разбросаны плоские холмы, сложенные черным базальтом. Это остатки сплошных лавовых полей, когда-то заполнявших всю падь Урангин-Хунды. Наша машина с трудом преодолевает развалы базальтовых глыб, пробиваясь к ближайшему вулкану Тулга. Наконец мы у его подножия. Вверх уходит крутой ровный склон вулканического конуса.

Мы решаем пересечь все три вулкана глазомерным ходом по прямой, ориентированной с северо-востока на юго-запад, то есть по направлению трещины, на которую насажены вулканические конусы. Я определяю превышения, веду запись и абрис. Сурэн и Сандан измеряют рулеткой расстояния. Медленно поднимаемся по склону. Он усеян крупными и мелкими вулканическими бомбами, то есть кусками лавы, выброшенной вулканом при взрывах газов и за-



Геометрически правильную форму усеченного конуса имеет вулкан Уран

стывших в воздухе. Бомбы самой различной формы. Большей частью это большие каменные капли с длинной закрученной шейкой. Встречаются бомбы в виде плоских лент, несколько раз перекрученных и завернутых в сложные узлы. Иногда кажется, что они вылеплены рукой человека. Некоторые из них напоминают собой караваи хлеба, другие — вытянутые жгуты теста, третьи — какие-то кренделя или калачи...

Все бомбы, найденные у подножия вулкана, покрыты белой каолинизированной корочкой, так же как и породы на четвертой и пятой террасах Орхона. Бомбы же, лежащие у вершины вулкана, кирпично-красного цвета, такого же, как и кора выветривания на третьей террасе Орхона. По-видимому, по этой аналогии можно судить о времени происхождения вулканов. Если это так, то вулканы здесь древние, по крайней мере старше середины третичного периода.

Обследование вулканических бомб отнимает много времени, но трудно удержаться, чтобы не посмотреть еще одну и еще одну.

Но наконец мы на вершине конуса. С нее сразу же начинается спуск в кратер. Он сильно разрушен, юго-восточная и северо-западная стенки его совсем не сохранились. Четко обозначена лишь подковообразная юго-западная сторона кратера, покрытая лиственичным лесом. Днище кратера засыпано глыбами лавы.

Осмотрев кратер Тулга, спешим дальше к более высокому конусу вулкана Того, одетому с северной стороны густым лиственичным лесом.

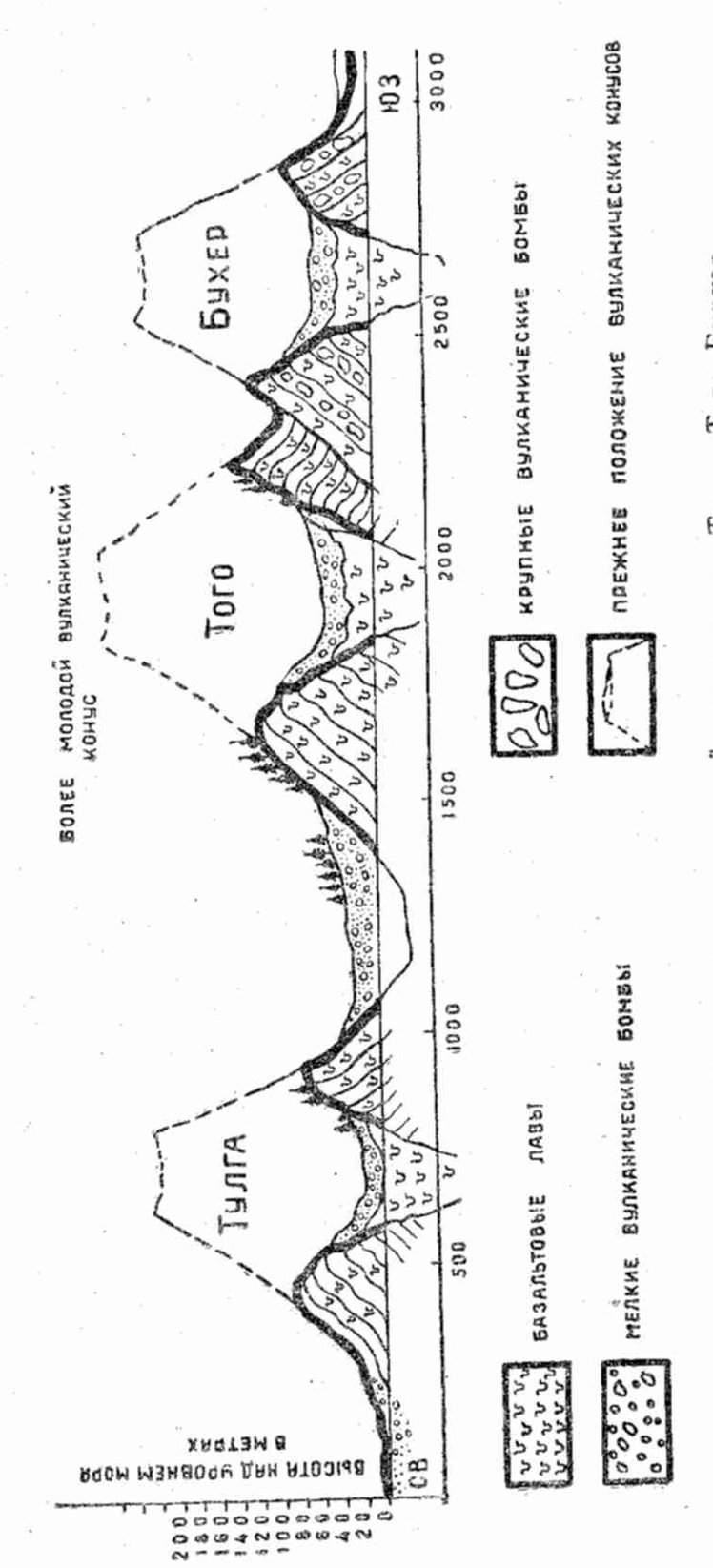
Мы пересекаем широкую лощину между вулканами и начинаем подъем по сложенному черным базальтом склону вулканического конуса Того. Сразу видно, что вулканические бомбы здесь совершенно другого характера. Они маленькие, округлые и пористые настолько, что напоминают губку.

С вершины вулкана перед нами открывается большая чаша кратера. Невольно вспоминаешь, что по-гречески *кратер* — чаша. Острый гребень очерчивает ее края. На плоском дне видно крохотное озерцо. Обрывистые стенки кратера тоже сложены черным базальтом. Местами они покрыты ярко-красной корой выветривания.

Спускаемся на дно кратера. Вести здесь глазомерную нивелировку нелегко. Все вокруг завалено мелкими бомбочками и кусками пористого базальта. Около озерца я обращаю внимание на маленькие, словно игрушечные стожки сена, аккуратно расставленные на свободной от камней площадке. Как будто здесь дети играли в сенокос. Оказывается, сено заготовлено на зиму даурской пищухой. Этот небольшой подвижной грызун не погружается в зимнюю спячку и поэтому запасает себе пищу. Пищуха ставит по нескольку таких стожков и располагает их в разных местах, с тем чтобы при исчезновении одного стожка можно было бы воспользоваться другим. Предосторожность не лишняя — грызун заготовляет отборное сено, и скот буквально охотится за такими стожками, с удовольствием их поедая. Сурэн рассказал мне, что когда пищуха ставит стожки на открытом месте, то, чтобы их не разметал ветер, она наваливает на них довольно крупные камни.

Конус третьего вулкана Бурхэр сильно разрушен. От него здесь остались лишь разрозненные небольшие остроконечные сопки, зато в уцелевших стенках кратера Бурхэр очень много вулканических бомб, сцементированных вулканическим же пеплом и пористым красным базальтом. Породы здесь кирпично-красные, как будто обожженные. На самом деле это тоже красноцветная кора выветривания.

Солнце склоняется к горизонту, и мы торопимся к вулкану Уран, расположенному в двух километрах от Бурхэра. По лавовому полю среди бесчисленных россыпей черных базальтовых глыб наш уже немало испытавший ГАЗ-63



Продольный разрез через хангайские вулканы Тулга, Того, Бурхэр.

Как огромные волдыри, усеивают вулканические конусы поверхность земли вдоль глубокой трещины земной коры

медленно пробирается к цели. Но подъехать к Урану не удается — путь преграждает сплошной барьер остроконечных скал.

Склоны вулканического конуса здесь круче, чем у соседних вулканов, но наверх змеится чуть заметная тропка. Идти по ней довольно трудно. Из-под ног все время сыплются мелкие круглые бомбочки-лапилли величиной с грецкий орех. Весь склон — откос гигантской рыхлой насыпи из этих бомбочек. Вершины мы достигаем в тот самый момент, когда заходящее солнце касается своим нижним краем соседнего хребта.

Перед нами огромный провал кратера, густо заросший по склонам старым лесом и с озером посредине.

Внезапно мои спутники кричат: «Смотрите!» — и показывают на бегущих стремглав от озера стройных серн. Я еле успеваю поймать их в поле зрения бинокля, и они уже скрылись в лесу... Мы вторглись в маленький заповедный мирок. На вершине вулкана Уран люди бывают редко, и здесь приволье даже самым пугливым обитателям высокогорий.

Сумерки сгущаются, и мы торопимся обследовать кратер и сделать хотя бы несколько фотографий.

...Спуск происходит быстро. Я невольно вспоминаю рассказ Марка Твена «Восхождение на Монблан». В нем подробно описано длительное восхождение, а спуск он характеризует только одной фразой: «спускались пять минут».

Уже темнеет, когда мы выезжаем на проселочную дорогу в долине Гульбр-Гол. Никаких юрт поблизости не видно, и мы останавливаемся на ночлег посреди степи недалеко от дороги.

КРУГЛЫЙ ГОД В КОЧЕВКАХ

Только успеваем мы поставить палатку, как из-за ближайшего бугра неожиданно показывается большой караван верблюдов, нагруженных пожитками и разобранными юртами. За верблюдами появляются отары овец и стада коров, а за ними поодаль косяки лошадей. Это араты перекочевывают на осенние пастбища.

Они разбивают свой лагерь по соседству с нами. Палатки-шатры у них такие же, как и наша, только белого цвета.

Пока варится ужин, мы беседуем с аратами. Они подробно рассказывают нам о своих путешествиях в течение

года. Маршруты кочевок определяются сезонностью пастбищ, которые делятся на весенние, летние, осенние и зимние.

С конца февраля телятся коровы, жеребятся кобылы, ягнятся овцы. Ночи еще холодные, и телят и ягнят первое время держат в юртах. Весна застает аратов на южных склонах гор, в укрытых от ветров падях и долинах. Как только молодняк немного окрепнет, происходит переезд на весенние стоянки. Это бывает обычно в марте. Весной на одном месте не задерживаются, потому что молодой травы еще мало.

Летний сезон начинается в Хангае с мая, когда араты перекочевывают либо ближе к рекам, либо выше в горы, где травы сочнее, чем в долинах. В мае и июне производится весенне-летняя стрижка овец, начинается доение коров. В конце июня уже доят кобыл и приготовляют кумыс.

Летом араты переходят на молочную пищу. В жару мясо быстро портится, да и бить скот в это время непрактично. Лето — время быстрого роста молодняка и нагула скота. В этот период меняют пастбища два-три раза. Страшна летом засуха, когда травы выгорают и может наступить *хара дзут* — черный падеж скота от бескормицы.

Осень наступает в Хангае в августе. Араты, спасая свой скот от кровососущих насекомых, появляющихся в несметных количествах, перекочевывают на открытые для ветров места. Мелкие мушки не только сосут кровь, но откладывают яйца в глазах животных, что вызывает нагноение и слепоту.

В сентябре араты «вывязывают» рабочих лошадей и верблюдов, то есть держат их на привязи без корма и отпускают на пастбище лишь на три-четыре часа в день. Вывязка длится от двух до четырех недель. В результате рабочий скот худеет, но становится выносливее, меньше потеет и не утомляется в работе.

В сентябре же второй раз стригут овец, валяют кошмы и войлок и начинают заготовлять впрок молочные продукты. В октябре выбраковывают скот и начинают его забой.

Основная часть мяса заготавливается зимой, с ноября по февраль. В этот период стада разбивают на небольшие группы и араты живут семьями по три-четыре юрты. Они откочевывают в укрытые от ветров долины южных склонов и строят для скота бревенчатые убежища полуоткрытого

типа или же складывают загоны из каменных глыб. Для утепления *хошанов* (зимников) на землю насыпается овечий кизяк. Вход в них обращен к югу.

Водопой зимой не обязателен, так как скот, добывая траву, «запивает» ее снегом. Страшен зимой большой снегопад или гололед. Тогда скоту недоступен подножный корм и может наступить *цаган дзут*, то есть белый падеж скота. Впрочем, это сейчас случается редко, так как в СХО запасают сено в местах зимних стоянок.

...Однако пора ужинать. Стало свежо, и мы располагаемся поближе к печке. На небе ярко светит луна. Лубсан задумчиво смотрит на нее и сообщает, что следует ждать скорого похолодания, возможна даже снежная пурга. Перспектива не из приятных! Надо торопиться с путешествием. Ведь нам предстоит проехать Северный Хангай, а затем еще 200 километров на север — к озеру Хубсугул (Косогол). Удастся ли это?!

СЕЛЕНГА — ЖЕЛЕЗНАЯ РЕКА

На следующее утро мы выезжаем еще до восхода. Дорога идет вниз по долине правого притока Селенги.

Долина прорезана рекой в темно-зеленых и черных изверженных породах — это серпентиниты. В таких местах можно искать месторождения хрома, платины, асбеста. К сожалению, пока эти районы изучены недостаточно, а многие участки Северного и Центрального Хангая в геологическом отношении еще остаются настоящими белыми пятнами.

Вскоре мы минуем узкие ворота, проложенные рекой в изверженных породах, и выезжаем в долину Селенги. Она расположена здесь в большом селенгинском прогибе, образованном разломами земной коры, и достигает пяти-семи километров ширины. С высокого бугра нам хорошо видна вся котловина, которую прорезает Селенга, врываясь в нее с запада из узкого ущелья. Стремительно пробежав котловину, река скрывается в таком же узком ущелье. По обе стороны долины в бинокль я различаю широкие песчаные пространства, покрытые барханами. Это древние террасы Селенги, на которых найдены стоянки первобытного человека.

Дальше дорога широкими петлями огибает холмы — остатки размытых речных террас, спускается на плоское

днище котловины, и тут во всю ширь перед нами открывается Селенга *.

Селенга — это монгольская Волга. Она собирает воды с 425 250 квадратных километров, из которых в пределах МНР находится 282 500. Это около одной пятой ее территории. Селенга образуется при слиянии рек Идерин-Гол и Дальгер-Мурен, которые прорезают весь Западный Хангай; ее приток Эгин-Гол протекает через южное и восточное Прихубсугулье, а Орхон с впадающей в него Толой приносит Селенге воды, собираемые с Центрального и Восточного Хангая и с большой части Хэнтэя. Общая длина реки — 993 километра, в МНР — 593 километра.

Селенга судоходна на протяжении 873 километров (473 километра в пределах МНР). Особенно велики гидроэнергетические ресурсы реки. Чередование в ее долине обширных котловин, разделенных горными теснинами, исключительно благоприятно для строительства целого каскада мощных гидроэлектростанций.

Полноводная Селенга послужит и сельскому хозяйству. На плодородных каштановых почвах можно вырастить высокие урожаи зерновых и других сельскохозяйственных культур, но для этого необходимо искусственное орошение. Создание больших водохранилищ позволит в широких масштабах осуществить ирригацию, и долина Селенги станет крупным сельскохозяйственным районом Монголии.

Наша машина останавливается у паромной переправы. Красавица Селенга неистовствует, бурлит у берегов, а на середине крутит воронки и пенится. Брошенную мною ветку подхватывает вода и уносит с быстротой скачущей лошади.

Солнце поднялось высоко и сильно припекает.

— А что, если искупаться? — предлагаю я своим спутникам.

Оказывается, никто из них не умеет плавать. Это не удивительно. Монголы, выросшие в степях и горах, вдали от больших рек и озер, плавать, как правило, не умеют.

Я раздеваюсь и лезу в воду. Она ледяная и обжигает тело! Под ногами крупный галечник. Неуверенно балансирую на нем, поток воды мгновенно подхватывает меня и, прежде чем я успеваю что-либо сообразить, выбрасывает на берег метрах в ста ниже по течению. Я поднимаюсь освеженный и очень довольный.

---

* Селенга — по-эвенски «железная».

ОГОТОНО И МУХА ВОЛЬФАРТА

Нам предстоит провести глазомерный ход через всю широченную долину Селенги до вершины соседних горных кряжей.

На высокой третьей террасе, покрытой пылеватой каштановой почвой, я невольно останавливаюсь — здесь буквально нет «живого места» — вся поверхность изрыта норами. Оказывается, это колония сеноставок, или, по-монгольски, *оготоно*.

Они живут большими сообществами и свои убежища строят коллективно. Суммарная длина ходов, вырытых одной колонией оготоно, иногда достигает сотни метров. На небольшой площадке я насчитал около двухсот выходов; на каждый квадратный метр тут приходится по две-три норы. Обитателей же этого подземного царства нигде не видно.

Мы присаживаемся за кустом полыни и затихаем. Минут через пять из одной норы показывается сначала мордочка, а потом и голова оготоно с большими ушами. Стоит пошевелить рукой, и зверек исчезает в норе. Впрочем, голова сейчас же показывается снова. Любопытство берет верх над страхом, и постепенно зверек вылезает целиком. Мы сидим смирно, и мало-помалу появляются сородичи первого смельчака. Но кто-то из нас хлопает в ладоши, и все мгновенно исчезают. Однако не надолго. Они заинтересованы нами не на шутку и, пренебрегая опасностью, вылезают вновь. Так повторяется несколько раз... Любопытство — главное в характере этого забавного зверька.

Оказывается, этот грызун может принести пользу человеку. К осени зверьки роют большие норы — кладовые и наполняют их запасом корма на зиму — клубневидными корневищами растения, известного ботаникам под именем гречишника живородящего (Polygonum viviparum). Эти клубни съедобны и содержат до 34 процентов крахмала. Лубсан рассказал, что до революции араты-бедняки осенью специально собирали корни из нор оготоно. Из этого своеобразного картофеля приготовляли муку, напоминающую крахмал.

Свои кладовые оготоно держит в чистоте, а корни укладывает, сортируя по величине и по качеству. Словом, порядок, которому может позавидовать любой заведующий складом.

Из некоторых нор можно извлечь до десяти килограммов корней. Да! Суровая монгольская зима заставляет животных заботиться о запасах.

Мы стучим палками по земле и, обнаружив пустоту, пробуем разрыть одну из таких кладовых. Не тут-то было! Подземный ход сначала причудливо петляет, а потом уходит вниз между двумя большими каменными глыбами. На этот раз кладовая оготоно остается в целости, и мы, оставив зверюшек в покое, поднимаемся дальше, на узкие площадки верхних террас.

Здесь нас осаждают целые рои каких-то мелких белоголовых мушек. Ведут они себя, на мой взгляд, довольно странно — подлетев к голове, брызжут в лицо какими-то крупинками. Оказывается, это насекомое и есть та мушка, которая откладывает свои яйца в глазах животных. Я спохватываюсь. А что, если под моими веками уже отложены такие личинки? Сурэн успокаивает меня, говоря, что сейчас уже поздняя осень и мухи яичек не откладывают и заболеваний не вызывают. Однако полностью мои сомнения он не рассеял, и я энергично отмахиваюсь от надоедливой твари, носящей довольно благозвучное научное название мухи Вольфарта...

К счастью, начинается ветер, и мухи исчезают...

Мы поднимаемся все выше, но еще выше нас по самым кручам карабкаются стада овец. Просто удивительно, как толстые и, казалось бы, неповоротливые животные ухитряются так свободно передвигаться по почти отвесным склонам. Да и какой корм может быть на этих скалах? Но Лубсан объясняет мне, что на Хангае лучшие пастбища именно сухие каменистые участки на южных склонах гор. Здесь растут сухолюбивые растения, среди которых преобладает полынь. Этот корм содержит мало воды и очень питателен. Скот им быстро наедается, хорошо растет и крепнет. Молоко и мясо от скота, выкормленного на таких пастбищах, ценятся в Монголии наиболее высоко.

Высокогорьям немного уступают суходолы у подножий гор и сухие долины. Наименее благоприятны для качества продукции лесные пастбища и особенно тучные луга по речным поймам. Здесь животные хотя и быстро нагуливают вес, но так же быстро теряют его зимой и плохо переносят неблагоприятные условия. Мясо и молоко такого скота считаются в Монголии второсортными.

В ДОЛИНЕ, ПОКИНУТОЙ СЕЛЕНГОЙ

С высокого прибрежного кряжа нам хорошо видна раскинувшаяся внизу широкая котловина Селенгинской долины. На востоке она замыкается высокой горой Бургуту-Ула (1758 м над уровнем моря), сложенной вулканогенной толщей.

На западе за коротким ущельем видна котловина, протягивающаяся на запад километров на сорок до подножий хребта Намнанг-Нуру. Вершины этого высокого (2013 м над уровнем моря) кряжа плоские. Это остатки древней поверхности выравнивания * Хангая, срезавшей горы на высоте около полутора тысяч метров над современной речной сетью, и затем разорванной и перемещенной, где вверх, где вниз, позднейшими движениями земной коры. Недаром в Хангае так часты землетрясения.

Мы тщательно зарисовываем причудливую сеть широких древних, сухих долин, приподнятых сейчас высоко над современными реками. Прежде здесь было гораздо больше рек, и текли они совсем не так, как текут сейчас.

Однако пора спускаться к переправе, где маленькой точкой виднеется наша машина. Переправляемся через Селенгу на небольшом пароме. Перед отплытием я вижу, как Лубсан подходит к берегу, зачерпывает пригоршнями воду и пьет. Сурэн, улыбаясь, говорит мне, что таков древний обычай. В старину даже полагалось съесть рыбу, выловленную в реке, через которую предстояло переправиться. Но за неимением рыбы можно ограничиться и водой.

Стремительное течение Селенги подхватывает паром, и стальной трос, перекинутый с берега на берег, до предела натягивается, гудит и упруго вибрирует.

На противоположном берегу немало верховых. Паром причаливает, Дорджи заводит мотор, и начинается суматоха. Лошади бросаются в стороны, вырывая поводья из рук хозяев. Видимо, рев автомашины еще не совсем обычен в этих краях, в стороне от больших дорог.

Преодолев небольшой перевал, мы спускаемся в Хутаг-Ундэрскую котловину, ту самую, которую мы видели на западе с горы, и въезжаем в районный центр Хутаг-Ундэр. Порядок застройки поселка для меня уже привычен — в центре одноэтажные белые дома, по окраинам россыпь таких же белых юрт.

В сомоне есть государственный маслозавод, а недавно здесь создана машинно-животноводческая станция, обслуживающая окрестные сельскохозяйственные объединения. Она производит пахоту, механизированную стрижку овец и заготовку кормов на зиму. Станция ведет опытную работу, при ней создан показательный посевной участок площадью в 30 гектаров.

Не задерживаясь в поселке, мы следуем дальше. То там, то тут видны вспаханные массивы полей. Их каштаново-бурые пространства резко контрастируют с желтой осенней степью. Хутаг-Ундэрская котловина один из очагов все более и более крепнущего в МНР земледелия.

Примерно в 20 километрах за Хутаг-Ундэром дорога пересекает северные отроги хребта Намнанг-Нуру.

Здесь мы минуем границу Булганского аймака и вступаем в пределы самого северного в МНР Хубсугульского аймака. Следовательно, мы уже не в Восточном, а в Северном Хангае.

Сразу же за перевалом мы впервые встречаем древнюю ледниковую морену. Она, как насыпью, перегораживает узкую долину. По берегам реки, прорезающей морену, лежат огромные валуны. На короткое время справа по ходу открывается вид на озеро Бурхэр-Нур. В переводе Бурхэр-Нур означает Котел-озеро. Действительно, его воды заполнили как бы огромный котел, образованный мореной, запрудившей русло среди обрывов высоких речных террас.

Затем мы пересекаем древнюю сухую долину Селенги, протягивающуюся севернее современной долины реки в 10—15 километрах от нее. На юге тянутся лесистые кряжи хребта Намнанг-Нуру. Лиственичные леса в золотом осеннем убранстве пламенеют в лучах заходящего солнца и на фоне синего неба выглядят феерически. День быстро угасает, в ущельях ложатся густые лиловые тени, и Северный Хангай предстает перед нами во всей своей суровой красоте. Мы уже стали на бивак, а зарево разгорается все сильнее. На небе настоящий пожар не виданной еще нами зловеще-багровой окраски.

— К снегу,— говорит Лубсан, глядя на закат.

— Ихэ цас байнуу (большой снег будет),— повторяет он, когда мы уже засыпаем в своих спальных мешках.

* Поверхность выравнивания — пологоволнистая поверхность, выработанная на горах выветриванием пород и разрушением горных вершин в условиях континентального климата.

СНЕЖНАЯ ПУРГА В ХАНГАЕ

Ранним утром мы просыпаемся от непонятного шума. Мое первое впечатление, что сверху палатку поливают водой из брандспойта. Но тут я увидел острый снежный язык, протянувшийся через всю палатку.

Пытаемся открыть полог, закрывающий вход в палатку. Не тут-то было! Она придавлена целым сугробом. Тогда Сандан подлезает под полу и, напрягшись, сбрасывает снежный груз. Мы вылезаем из палатки и... ничего не различаем; пурга слепит глаза, ветер валит с ног и колючими иглами впивается в лицо. На Хангай с севера от Саян обрушился настоящий зимний буран. Температура упала до минус семи. Пережидаем, пока немножко стихнет, и завтракаем. Когда совсем рассвело и ветер ослабел, мы стали сниматься с лагеря. Палатка обледенела, и мы с большим трудом затаскиваем ее в кузов машины. Ветер рвет из рук брезент, пытается унести спальные мешки.

В снежном буране мы проезжаем сомонный поселок Ихэ-Ула — центр аратского сельскохозяйственного объединения «Светлый путь». Несмотря на непогоду, в нем ведутся строительные работы. Из тесаного гранита возводят здания машинно-животноводческой станции. Трудовой народ Монголии покоряет суровую природу и уверенно строит свою светлую жизнь...

За Ихэ-Ула расстилается широкая долина Селенги. Покатая равнина тянется километров на восемь до самой реки, чернеющей вдали среди заснеженных берегов.

Пурга на время стихает, и перед нами величественно возвышаются заснеженные вершины Северного Хангая, высочайшая из которых Халцзан-Бургудэй-Ула (2263 м над уровнем моря) теряется в мутно-белесом небе... Но скоро все снова скрывается в новом снежном вихре. На этот раз ветер достигает ураганной силы. Дорогу совсем замело снегом, а в лощинах его покров уже сантиметров пятьдесят. Едем в какой-то снежной каше. Как Дорджи угадывает дорогу, уму непостижимо. Наш ГАЗ-63 поминутно буксует. Его то и дело поворачивает ветром поперек дороги. Какая оплошность, что мы не взяли цепей!

Так проходит несколько часов. Ледяной ветер проникает во все щели кабины. Мои спутники, сидящие в кузове, с головой завернулись в собачьи дохи и закрылись кошмой. Наконец, из снежного хаоса снова, как мираж,

73—1

выплывают какие-то постройки. Это сомонный поселок Тосон-Цэнгэл. Решаем передохнуть и заворачиваем к гуанзе.

Приятно согревает продрогшее тело горячий монгольский чай, извергающие клубы пара пироги с мясом — *хошур*, огненно горячий суп-хоршо.

Однако пора опять в путь!

Снова пурга, мороз, леденящий ветер...

За белесой сеткой бешено несущегося снега едва угадываются очертания высоких гор. Иногда кажется, что все это черновые наброски углем на еще не тронутом красками холсте.

Так проходит часа три, начинает клонить ко сну, но сильные толчки быстро приводят в чувство. Что это такое?

Мы едем по россыпи больших глыб красного гранита. По-видимому, мы въехали в обширную область Мурэнского гранитного поля, которое занимает западную половину Северного Хангая и северную часть Западного Хангая. Оно образует здесь высокое озерное плато, которое нам предстоит еще проехать.

Начинается крутой подъем. Дорога замысловато петляет. Она оледенела, и наш ГАЗ-63 буксует, а порой скользит назад. Мы еле-еле вскарабкиваемся на перевал Босага Даба.

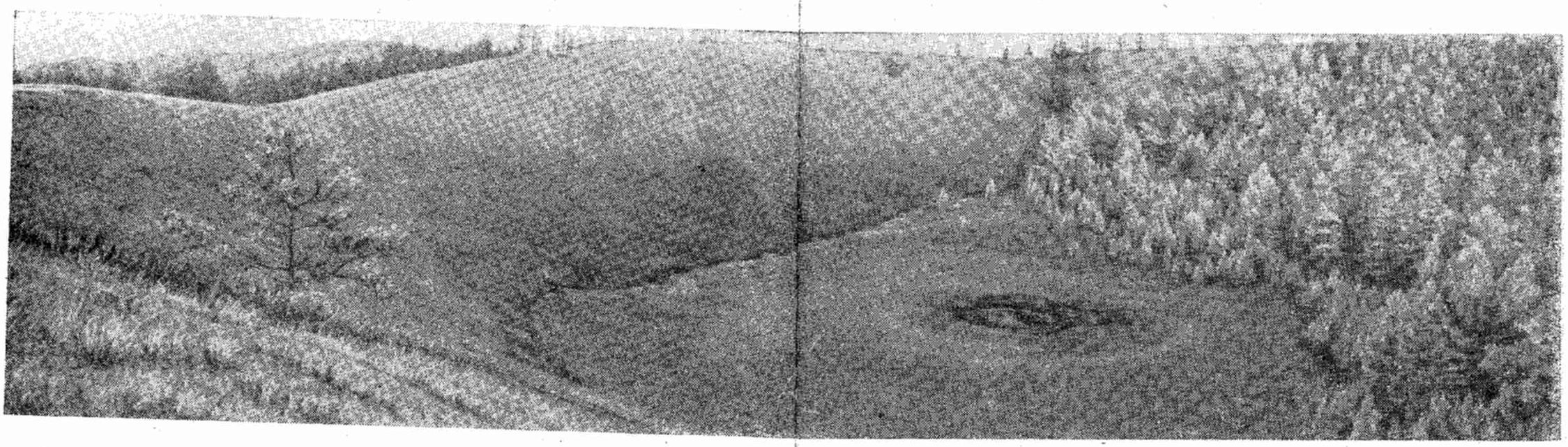
Пурга постепенно стихает, и с перевала в разрывах снежной пелены видна сереющая на севере гряда Босага-Ула (2147 м над уровнем моря), сложенная гранитами.

За перевалом спуск такой же крутой, как и подъем.

Наша машина на тормозах юзом скользит вниз по обледенелой дороге. Впереди в двадцати шагах ничего не видно. Я бросаю взгляд на Дорджи — он сдвинул шапку на затылок, руки его судорожно впились в баранку, лицо окаменело... Да! Этот спуск — опасный акробатический номер без предохранительной сетки.

Наконец я вздыхаю с облегчением — спуск становится положе, и наш ГАЗ-63 перестает скользить. Еще метров пять-десять. Мы останавливаемся. Дорджи вытирает пот, несмотря на мороз обильно покрывший его лицо, и закуривает. Все страшное позади...

Вскоре показывается грозное в такую погоду большое озеро Ачитмак-Нур (Мешок-озеро). Его поверхность — сплошь беснующиеся гребни волн, а скалистые берега со-



Огромный кратер вулкана Уран, заросший по склонам лиственницами.

Посредине, как фантастический глаз, блестит прозрачное озеро

трясает прибой. Жаль, что сегодня с ним нельзя познакомиться поближе. Это озеро своего рода загадка, в какой-то мере оправдывающая его название,— у него ненормально соленая вода. Сухой остаток в ней достигает 40,5 грамма различных солей на литр воды. Это гораздо больше, чем у морской воды (35 г), и озеро действительно какой-то «мешок» с соленой водой среди высоких гор.

Сразу же за озером снова начинается крутой подъем, и снова машина, окутанная синим дымом, с надрывом завоевывает метр за метром только что с таким риском отданную высоту. За подъемом перевал и тот же спуск «на четвереньках»...

Впрочем, это уже последнее наше испытание за трудный день. Мы спустились в Мурэнскую тектоническую котловину, разделяющую Хангай и Прихубсугулье.

Заполненная рыхлыми отложениями котловина находится в той же зоне Селенгинского прогиба, что и долина Селенги. Мурэнскую котловину вдоль ее южного борта прорезает большая река Мурэн — одна из главных составляющих Селенги.

После обледенелых перевалов и занесенных снегом озерных котловин мы попадаем в широкую ровную степь. Да и снега здесь не так уж много. Машина быстро набирает скорость, и через полчаса мы уже видим перед собой разбросанные по равнине у подножий крутых склонов дома города Мурэна.

МУРЭН — СТОЛИЦА МОНГОЛЬСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Мурэн — центр самого северного в МНР Хубсугульского аймака. Этот небольшой и еще молодой город заложен на месте бывших здесь ранее монастырей.

Хубсугульский аймак называют Монгольской Швейцарией. Занятый лесистыми горами с многочисленными высокогорными озерами, этот край не похож на остальные части МНР.

Когда-то отсталая и глухая окраина, эта область живет сейчас новой полнокровной жизнью вместе со всей страной. С центром аймак связан телефоном и мурэнской радиостанцией, автомобильными дорогами и регулярными авиарейсами. По озеру Хубсугул ходят пароходы.

Отсталое прежде сельское хозяйство края ныне приносит высокие доходы. На основе окрепшего сельского хозяйства начинает развиваться обрабатывающая промышленность — в аймаке работает 28 маслозаводов. А в результате резкого увеличения вылова рыбы создаются предприятия для ее переработки. Первое из них — рыбокомбинат на озере Цагал-Нур, построенный в 1958 году.

В аймаке работают 28 начальных, две неполные средние и три десятилетние школы. В Мурэне есть клуб, большая библиотека, издается ежедневная газета, регулярно выходит литературный альманах «Волны Хубсугула».

Хубсугульцы любят свой край и гордятся им. С большой заботой они относятся к аймачному краеведческому музею. Ежегодно этот музей посещает свыше 15 тысяч человек. Как все это не похоже на прежнюю глухую таежную окраину!

На ночлег мы останавливаемся в гостинице. Это хорошо оборудованное помещение, имеющее все необходимые удобства для приезжего.

После ужина мои спутники Сурэн и Сандан приносят шахматы и между ними начинается «матч на звание чемпиона нашей экспедиции». Я присматриваюсь к игре. В монгольских шахматах своеобразные фигуры и несколько отличные от международных правила.

Король, или *ноин*, изображен в виде сидящего человека. Королева по-монгольски *бэрс*, что созвучно с персидским ферзь. Она изображена в виде тигра. Особенность ферзя в монгольских шахматах состоит в том, что по диагонали он может ходить только на одну соседнюю клетку.

Слоны представлены фигурами верблюдов. Они так и называются — *тэмэ*, то есть по-русски верблюд. Ладьи изображены в виде колесниц и называются *тэрик* (телега). Конь, или *морь*, сделан с большим искусством и любовью. Еще бы! Конь ближе всего сердцу монгола. Очень интересны монгольские обозначения пешек. Они называются «мальчиками» или «сыновьями» тех фигур, около которых они стоят в исходной позиции. Поэтому имеются «сын королевского коня», «сын ферзевого верблюда», «сын королевской колесницы» и т. д.

Для монгольских шахмат характерна уточненная терминология шахов. Например, шах пешкой называется *цолох*, шах слоном — *дулах*, конем, ладьей и ферзем — *шалах*. Мат королю обозначается термином *мадлах*. Он может быть дан любой фигурой, кроме коня.

В числе особенностей монгольских правил шахматной игры и то, что, если король остался в одиночестве, партия признается ничейной.

Шахматы были завезены в Монголию еще в глубокой древности. Считают, что монгольское название шахмат— *шатар* произошло от индийского слова «чатуранга». Шахматы широко распространены в стране, их можно встретить не только в городах, но и юртах самых глухих мест страны.

Монголы играют в шахматы темпераментно, даже азартно. Удачные ходы или ошибки вызывают бурное проявление эмоций. Вокруг играющих всегда собирается немало болельщиков, деятельно участвующих в обсуждении возможных вариантов. Так было и сейчас...

Я давно закончил свои записи в дневнике, а шахматный бой между моими спутниками еще продолжался. Не дождавшись окончания партии, пошел спать...

К ХУБСУГУЛУ

Утро следующего дня встречает нас ярким солнцем и легким морозцем. Чудесный зимний день в конце сентября... Впрочем, для этих мест такой ранний приход зимы явление исключительное. Обычно зима наступает здесь в середине ноября, то есть полтора месяца спустя.

Большой Хатгальский тракт, по которому мы едем, назван так по имени селения на берегу озера Хубсугул. Этой дорогой везут в Хатгал на шерстомоечную фабрику шерсть-сырец. Обратно идут машины с мытой шерстью и товарами, прибывшими по озеру из Советского Союза.

Тракт поднимается на северный борт Мурэнской котловины, как по ступеням гигантской лестницы. Крутой подъем — площадка в несколько километров шириной, подъем — площадка. И так четыре раза. Горы сверкают ослепительной белизной — на них больно смотреть. Снега выпало очень много. Если бы эти осадки выпали в виде дождя, то неминуемо было бы наводнение, наподобие того, которое случилось здесь в 1958 году.

Машина все с большим трудом берет подъем. Дорджи злится и даже два раза останавливается и предлагает вернуться в Мурэн. Только решительный приказ вынуждает его снова и снова штурмовать самый трудный заснеженный подъем на перевал.

Наконец это ему удается.

Перед нами открывается панорама Южного Прихубсугулья. Справа на востоке поднимаются вершины гор. Сверяемся по карте. Это стоящие одна за другой с юга на север горы: Ихэ-Тунэл-Ула (2242 м), Цаган-Ула (2524 м) и Хуху-Дэбсэг-Ула (2346 м). До них километров сорок, но

в морозном ясном воздухе их покрытые темным лесом вершины кажутся совсем близкими.

На запад до самого горизонта расстилается волнистое плоскогорье, расположенное на высоте около 1800 метров над уровнем моря.

Наша машина устремляется вниз по широкой сухой долине в тектоническую котловину озера Эрхил-Нур. Спуск длится час, и перед нами открывается вид на простор темных вод озера, окруженных кольцом ослепительно белых холмов. Озеро, расположенное на высоте 1573 метра над уровнем моря, обязано своим происхождением молодым движениям земной коры. Долина реки была перегорожена поперечным валом, и перед ним образовалось бессточное соленое озеро.

Мы подъезжаем к самому берегу. Зеленовато-черная гладь озера, как мелко битым льдом, кишит светлыми пятнами водоплавающей дичи. Здесь собрались огромные стаи уток, турпанов, гусей. Птиц столько, что от их крика мы не слышим ни шума мотора, ни собственных голосов. По-видимому, озеро Эрхил-Нур одна из узловых станций на трассах птичьих перелетов из Сибири в Индию. Минут десять смотрим мы как зачарованные на это неповторимое зрелище и двигаемся дальше к небольшому поселку, откуда расходятся дороги в Прихубсугулье и на Западный Хангай.

Мы едем на север. Там за горами лежит озеро Хубсугул. Его еще не видно, но над тем местом, где оно находится, в безоблачном ясном небе клубятся белые-белые облака. Это парит в морозном воздухе гигантская ванна озера, наполненная теплой водой. Иногда кажется, что это не облака, а огромные снежные вершины. Однако они все время меняют свои очертания, то сходятся, то разбредаются в разные стороны.

Наша машина снова карабкается на перевал. Снег на южных склонах подтаял, и под колесами хлюпает жидкая грязь.

На перевале, как всегда, останавливаемся и внимательно осматриваем местность. На западе в бинокль уже видны высокие горы. Это Ихэ-Эрциг-Ула (2513 м) и Сэрхэ-Ула (2744 м), венчающие большое нагорное плато Западного Прихубсугулья, которое вплотную подходит к берегам озера. Наиболее высокие вершины плато достигают еще больших отметок: например, гора Нарту-Ула возвышается на 3093 метра. Бескрайние леса покрывают Прихубсугулье, и пейзаж здесь не типично монгольский, а скорее сибирский.

Это и понятно: Прихубсугулье и Прибайкалье — одна ландшафтная область.

В МНР в настоящее время около шестнадцати миллионов гектаров леса. Все они расположены в Северной Монголии и в значительной части в Хубсугульском аймаке. В лесах МНР 90 процентов древостоя — хвойные породы. Из них лиственницы — 70, кедра сибирского — 12 и сосны — 8 процентов. Общий запас деловой древесины в стране превышает 1,2 миллиарда кубометров. В 1960 году заготовлено примерно 200 тысяч кубометров.

Мы бросаем последний взгляд на необозримые пространства горной тайги и начинаем спуск в долину реки Эгин-Гол.

Эгин-Гол это монгольская Ангара. Как Ангара дает выход байкальским водам, так Эгин-Гол служит истоком Хубсугула. В среднем течении у него очень узкая долина, ограниченная крутыми высокими бортами и проложенная по крупнейшему разлому земной коры.

Прихубсугулье один из наиболее сейсмических районов МНР. Земная кора здесь вспучилась в виде огромного свода, на котором образовались местные провалы, такие, как долина Эгин-Гола, котловины Хубсугула и Дархатская.

Хатгальский тракт извивается в долине Эгин-Гола по холмам правобережных высоких террас. Мы пересекаем ряд боковых долин, из которых в долину Эгин-Гола выдвинуты большие пологие галечные конусы. Все это сухие русла, выносящие с плоскогорья воду только летом во время сильных дождей. Впрочем, немного воды стекает по ним круглый год, но ручейки прячутся под слоем галечников, покрывающих днища долин. Эти галечники — продукты перемыва морен, отложенных горными ледниками, покрывавшими Прихубсугулье около 100 тысяч лет назад.

ХУБСУГУЛ-ДАЛАЙ (ХУБСУГУЛЬСКОЕ МОРЕ)

Еще один поворот — и перед нами поселок Хатгал с дымящейся трубой шерстомоечной фабрики.

Но где же Хубсугул?! Мы невольно вытягиваем шеи, чтобы заглянуть повыше, как будто это поможет нам увидеть озеро, к которому мы так упорно пробиваемся через снега и горы. Однако его не видно. Озеро забаррикадировано горами, и нам остается только ждать, когда мы очутимся на самом берегу.

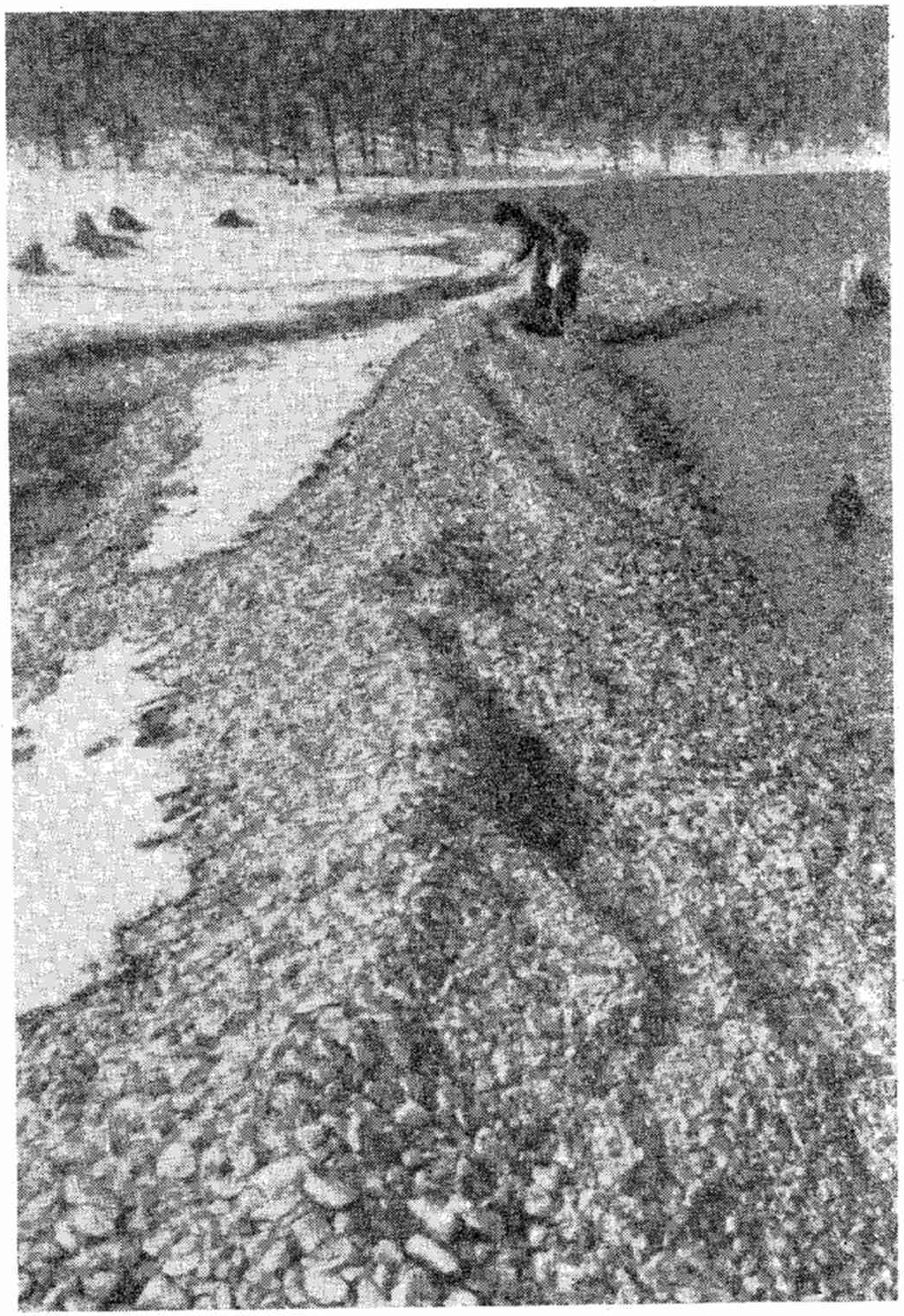
Вскоре мы въезжаем в Хатгал. На южной окраине шерстомоечная фабрика, обслуживающая весь Северный и Западный Хангай. К ней свозят шерсть на автомашинах, верблюдах, яках. Сейчас сезон осенней стрижки овец, и фабрика работает полным ходом.

Хатгал совсем не похож на монгольские сомоны с их аккуратными белыми домами из камня и россыпью белых юрт. Он похож на большое сибирское село. Мы с любопытством рассматриваем добротные рубленые дома русского типа, выстроившиеся длинной улицей вдоль узкого Хатгальского залива, напоминающего большую полноводную реку. Впрочем, это и есть речная долина, затопленная водами озера. Да и все огромное озеро площадью в 2620 квадратных километров расположилось в той же самой долине, древней долине верховьев реки Иркута — притока Ангары.

В конце третичного периода, около полутора миллионов лет назад, мощные движения земной коры в Прибайкалье высоко подняли хребет Большой Саян (Мунку Сардык), расположенный южнее Тункинских Белков. Это преградило путь реке на север. Отшнурованная часть долины постепенно заполнилась водой, и там образовалось огромное, сначала бессточное озеро. Дальнейшие неравномерные поднятия земной коры в Прихубсугулье и в бассейне Селенги привели к тому, что образовавшееся озеро было дренировано небольшой в то время рекой Эгин-Гол. Воды озера потекли вспять уже не на север, по долине Иркута, а на юг. И теперь воды из древней долины Иркута, занятой озером Хубсугул, попадают в Ангару не прямым, а далеким обходным путем: через Эгин-Гол, Селенгу и озеро Байкал...

В Хатгальском заливе, прекрасной естественной гавани, укрытой от ветров, расположен большой порт. На севере со стороны озера он защищен небольшим островом Бага-Хайси (Малый пуп).

Всего на озере пять островов — останцовых гор, уцелевших от эрозии в древней речной долине после ее затопления. Самый большой из них Далайн-Хайси (Морской Пуп) длиной три и шириной два километра. Он сложен красным гранитом и поднимается над озером на 125 метров. Такая же останцовая вершина и полуостров Дулан-Ула на северо-западном берегу озера. Совсем еще недавно он был островом и присоединился к берегу вследствие заполнения пролива наносами.



Мощные штормы намыли длинные береговые валы на берегах Хубсугула

В старину озеро Хубсугул считалось у монголов священным и называлось Байга-Далай. Плавание по нему даже в лодках считалось осквернением святыни.

Между тем условия навигации по Хубсугулу исключительно благоприятны. Высокие горы укрывают его от сильных ветров, а глубины велики, и пароходы могут не только не опасаться мелей и подводных скал, но и подходить почти к самому побережью. Уже в одном-двух метрах от берега глубины достигают нескольких метров, а наибольшая измеренная глубина — 422 метра.

В Хатгале находится управление Хубсугульского пароходства. По озеру от Хатгала до пристани Турту на его северном берегу * совершаются регулярные рейсы. Это расстояние, равное 127 километрам, рейсовый пароход преодолевает за один день. Зимой, когда Хубсугул покрывается прочным льдом, перевозки осуществляются обозами и колоннами автомашин.

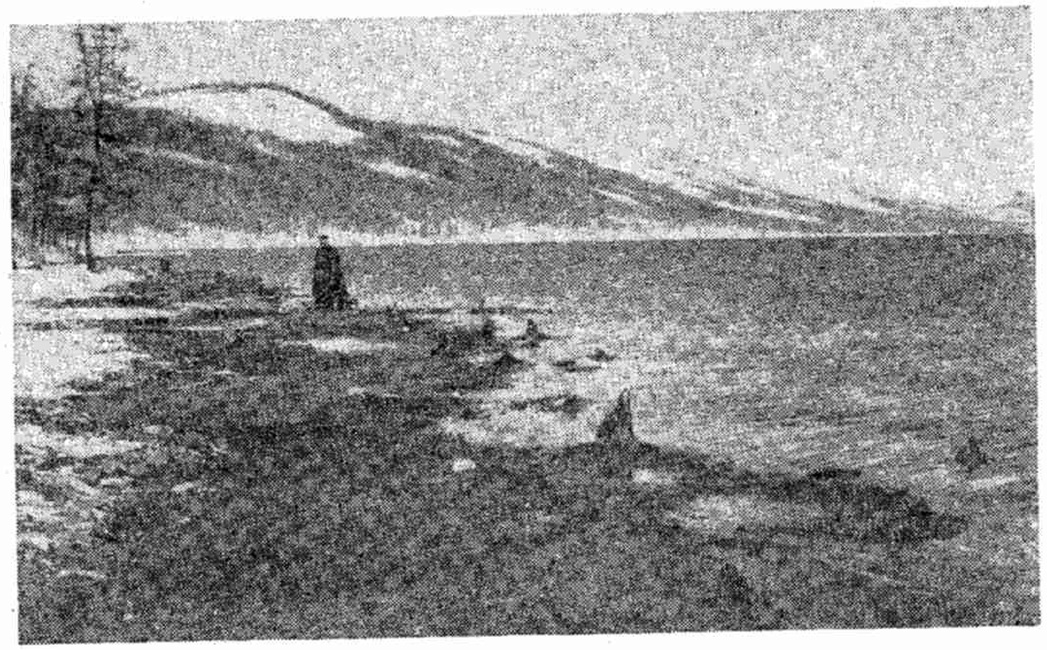
Мы проезжаем мимо пристаней. Несмотря на близость зимы, у причалов оживление — навигация в разгаре. Во всех направлениях снуют юркие катера, под погрузкой и выгрузкой стоят неуклюжие широкие баржи. Возле них флагман хубсугульского флота, большой буксирный пароход «Сухэ-Батор». Скоро тяжелогруженый караван отправится в очередной рейс...

С озера тянет сырой теплый ветер. Вдали над горами видна шапка тумана. Огромная чаша Хубсугула, наполненная прогретой за лето водой, сейчас стала печкой, «отапливающей» побережье. Замерзает озеро поздно — обычно в середине декабря. Зато вскрывается Хубсугул только в конце июня, и воды его нагреваются медленно. В июле температура воды на поверхности озера не превышает одиннадцати, а на глубине не поднимается выше четырех градусов.

...Мы проезжаем через поселок, среди построек которого выделяются школа-десятилетка и клуб, минуем нефтебазу, портовые склады. Здесь дорога кончается, и дальше вдоль залива мы идем тропинкой, проложенной у самой воды по большим береговым валам из плохо окатанного щебня известняков. Эти валы намыты волнами озера во время штормов.

---

* От Турту в пределы СССР к Транссибирской железной дороге ведет автомагистраль.



Медленно опускаются берега Хубсугула, и воды озера затопили росший на них лес. Торчат из воды пни старых лиственниц

Местами тропинка нависает над озером, и тогда мы видим, как чиста и прозрачна вода Хубсугула. На глубине 10—12 метров можно различить каждый камень. По чистоте и химическому составу воды Хубсугула очень близки к байкальским. Поэтому не удивительно, что эти озера населяют родственные группы организмов. Однако фауна Хубсугула по видовому составу беднее. Из рыб здесь обитают лишь семь видов. Это ленок, таймень, балесан, красноперка, налим, окунь и голец. Ученые-ихтиологи сочли возможным переселить на новую родину байкальский омуль, и сейчас рыбоводческие организации МНР провели массовый выпуск в воды Хубсугула оплодотворенной икры этой рыбы.

После двух часов пути по берегу мы проходим гирло залива и поднимаемся вверх по просеке в старом лиственичном лесу. Огромные лиственицы стоят уже 150—200 лет, и стволы их достигают метровой толщины. Так мы выходим на поляну, расположенную у края высокой прибрежной скалы. Изумительное по своей красоте зрелище развертывается перед нашими глазами: до самого горизонта, занятого золотисто-желтыми от осеннего леса горами, раскинулись неповторимо синей окраски воды Хубсугула.

Мы принимаемся за работу. Предстоит составить схему строения террас на берегах озера, чтобы оценить размах

движений земной коры в этом районе. Порядок работ обычный. Замеры, записи, вычерчивание абрисов и схем. Мы удаляемся от озера все дальше и дальше, поднимаемся все выше и выше. Снова раздвигается горизонт. От края до края разливается по горам море золотой, в осеннем наряде лиственичной тайги. Леса здесь в отличие от всей остальной Монголии растут не только на северных склонах, но одинаково густо покрывают и южные. Объясняется это высокой влажностью воздуха вследствие большого испарения огромной водной поверхности озера.

Раздолье в тайге Прихубсугулья для охотника. Здесь водятся изюбры, олени, кабаны, медведи; немало добывается и пушного зверя, в том числе такого ценного, как соболь.

Мы поднимаемся еще выше и снова видим необозримую ярко-синюю гладь озера, уходящую сверкающей полосой за горизонт. «Хубсугул-далай (Хубсугул-море)»,— с уважением говорят монголы. В Хатгале, если вы назовете Хубсугул озером, то вас обязательно поправят. Действительно, для маловодной Монголии Хубсугул — настоящее море.

Возвращаемся по узкому галечному пляжу. В северной части залива мы видели много пней старых лиственниц, стоящих в воде. Как известно, лиственица в воде не растет. Следовательно, здесь либо опустились берега, либо уровень воды в озере поднялся. Последнее мало вероятно. Все говорит за то, что в результате тектонических смещений земной коры здесь произошло поднятие прилегающих к Хубсугулу гор, компенсированное опусканием котловины озера и некоторых наиболее близких к воде прибрежных участков.

Продолжая свой путь по берегу, мы снова прошли вдоль поселка и достигли его южной окраины, где из озера вытекает Эгин-Гол.

В Хубсугул впадает 46 небольших рек, а вытекает только Эгин-Гол, и когда смотришь на исток реки, кажется, что кто-то осторожно выливает воду из переполненной озерной ванны, наподобие того, как сливают воду из фотографической ванночки через ее носок. Только масштабы другие — «носок» здесь 50 метров шириной, а «ванночка» — длиной в 133 километра и шириной — 40.

Движения воды в «ванночке» у «носка» сначала не видно, но вот одна из плавающих на воде веточек сначала медленно и робко, а потом быстрее и решительней двинулась по

потоку. Вот ее уже подхватило течение, и она вместе с водами озера устремилась на юг. Но это лишь начало. Чтобы спуститься с высоты Хубсугула до отметки Байкала, веточка должна проплыть полторы тысячи километров. По прямой здесь всего 600 километров, но титанические силы земли подняли заоблачные горы, и Эгин-Гол, а затем Селенга, в которую он впадает, должны обогнуть всю Северную Монголию и Забайкалье.

Отправляемся на юг и мы. Наш путь лежит теперь через западнохангайское озерное плоскогорье в город Улясутай— столицу Западного Хангая. Мы изрядно померзли в Прихубсугулье и будем рады спуститься в более южные широты, на более низкие отметки над уровнем моря...

Глава третья
ПО ЗАПАДНОМУ ХАНГАЮ

СТРАНА ГРАНИТА И ОЗЕР

От озера Эрхил-Нур дорога повернула на юго-запад. Начался крутой подъем, и постепенно мы выбрались на обширное плоскогорье. Оно сложено из гранитов и поднялось почти на две тысячи метров над уровнем моря.

Кругом однообразная слегка всхолмленная равнина. Ни кустика, ни деревца, бескрайняя снежная пелена, и кажется, что ты где-то на просторах Средне-Русской возвышенности. Но вот впереди постепенно вырастает куполовидная гранитная вершина, за ней другая, третья... В широких лощинах показались небольшие озера. Они бессточные, и вода в них слегка солоновата. Гор все больше, а затем стал вырисовываться гранитный исполин — Ихэ-Ула, поднявшаяся на высоту 2446 метров. Ее северный склон покрыт лесом. Но он не скрашивает сурового облика местности. Не видно ни жилья, ни пасущихся стад, араты давно откочевали в долины.

Вокруг разбросаны гранитные скалы высотой 10—15 метров. Это дайки — гранитные жилы, секущие гранитные же массивы по двум взаимно перпендикулярным направлениям. Они напоминают надгробия каких-то сказочных великанов, а местами их нагромождения похожи на руины большого города.

Когда дайки встают на пути, то дорога взбирается на них по крутым каменистым склонам. Требуется незаурядное мастерство шофера, чтобы преодолеть пятый, десятый, двадцатый, сотый такой барьер. Если не удается взять дайку в лоб, то ищут обходных путей. Иногда приходится, объезжая очередной гранитный барьер, делать крюк в один-два километра по неимоверно трясучей дороге.

Мы уже третий час едем по гранитному плоскогорью. Дорога идет все вверх и вверх. Подъем очень пологий, и мы как-то незаметно очутились на перевале Наморижингин-Даба высотой около двух тысяч метров. Отсюда открывается вид на обширную депрессию долины Мурэна, текущего в десяти километрах южнее. Еще дальше на юг — у самого горизонта — в бинокль просматривается высокое плоскогорье северо-западного Хангая. Оно поднялось на высоту 2400—2500 метров, и его поверхность нам не видна, но клубящиеся над ней белые, как вата, облака выдают спрятавшиеся под ними высокие вершины. Эти облачные столбики могут служить настоящими ориентирами.

ДЭЛЬГЕР-МУРЭН — БОЛЬШАЯ РЕКА

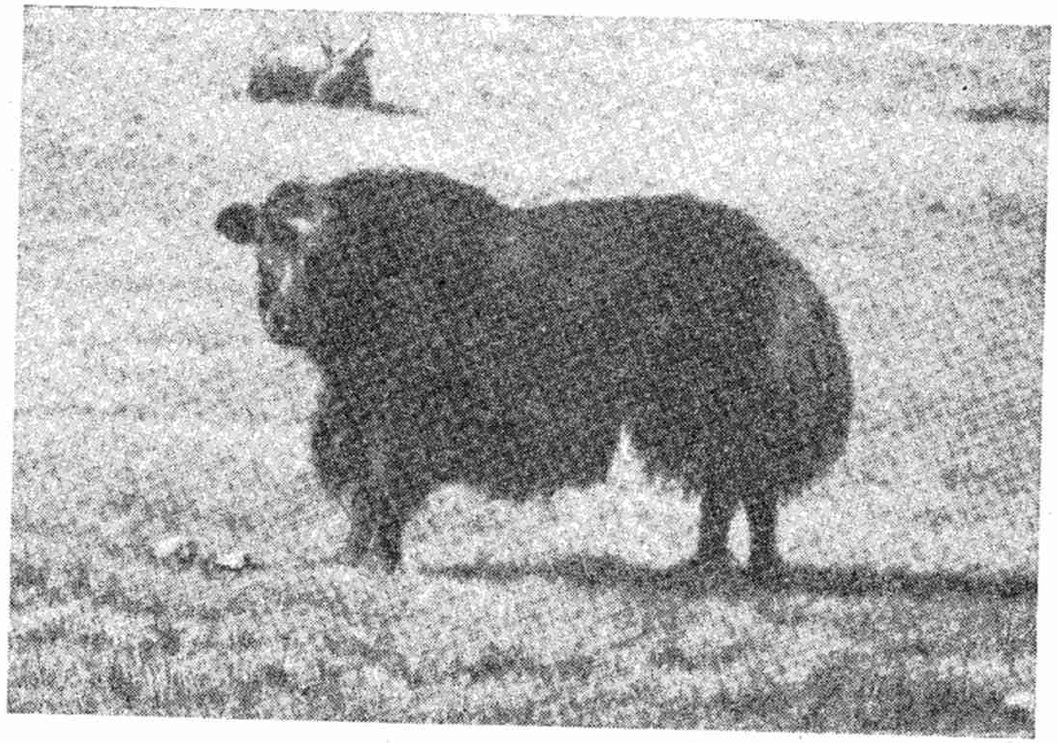
С перевала Наморижингин-Даба дорога идет вниз, в глубоко врезанную извилистую долину и как бы проваливается в гранитное плато. Иногда долина становится настоящей щелью шириной каких-нибудь пять метров. Дорога еще у́же, и при встрече двух машин в такой теснине разъехаться довольно мудрено. Но мы без задержек проскакиваем все горные щели и крутые повороты и вырываемся на простор долины Мурэна.

Река Мурэн — одна из главных составляющих Селенги — течет из Прихубсугулья и прорезает Северо-Западный Хангай. Но здесь Мурэн еще не велик, русло местами стеснено отвесными каменными берегами, а из воды там и тут торчат скалы.

Днище долины завалено крупным валунником, который и слагает первую террасу Мурэна. Около самой реки узкая полоска поймы, поросшая уремным лесом. Деревья — тополь разнолистый — еще одеты листвой. Я невольно удивляюсь контрасту: еще час назад на перевале мы были в зиме, а теперь вернулись в осень. Такова Монголия.

Мы делаем остановку у паромной переправы Хара-Султ («Черная галька») и, забрав свои приборы, идем вверх по долине. Скоро мы попадаем в ее озеровидное расширение. Это тектоническая котловина среди крутосклонных и в то же время плосковершинных гор. Невольно кажется, что горы здесь срезаны каким-то гигантским ножом — так поразительно четко обрисован край этой плоскости.

Поднявшись на верхние крутые склоны долины, мы неожиданно увидели больших красивых животных, пасущихся



Странный вид имеют сарлыки с их густой волосяной «юбкой» и пушистым хвостом

на крутых склонах скал. То были еще не знакомые мне яки (по-монгольски *сарлык*).

Родина этого замечательного животного — горы Тибета — там еще кое-где и сейчас сохранились его дикие собратья. Но здешние яки уже давно служат человеку. Это сильный и выносливый рабочий скот.

Сарлык покрыт густой шерстью и легко переносит суровые зимы. Густая бахрома волос, наподобие лошадиной гривы, ниспадает по бокам у сарлыка в виде широкой юбки, достигающей земли. Когда животное ложится, эта бахрома служит теплой подстилкой, которая позволяет сарлыку спокойно лежать на промерзшей земле или на снегу. Густой длинный хвост надежно обороняет сарлыка от оводов, и он спокойно пасется даже тогда, когда и лошадь, и корова обращаются в бегство, ища спасения на ветреных сухих склонах. Сарлык удивительно легко для своей величины и веса взбирается на самые крутые склоны и поэтому использует пастбища, недоступные другому скоту.

Вот и здесь сарлыки добрались до обильного подножного корма — дикого горного лука, стрелки которого достигали полутораметровой высоты.

Понятно, что и лошади, и коровы тоже не отказались бы от такого лакомства. Но — увы, им не взобраться...

Все эти замечательные качества сарлыка сделали его верным помощником арата высокогорий. Сарлык тут используется и для верховой езды и как тягловый скот.

В упряжке особенно выносли и отличается большой силой хайнык — помесь, получаемая от скрещивания сарлычки с обыкновенным быком. Хайнык легко везет по горной дороге тяжесть, в полтора-два раза превышающую нагрузку сильного вола на ровной дороге.

Мясо сарлыка, хотя и грубое, вполне годится в пищу. Молоко не такое вкусное, как коровье, но зато очень жирное (8—12% жирности) и с успехом используется для приготовления масла. Однако молочность сарлычки не велика — не более 350 килограммов в год. Очень ценятся пух, шерсть, волос и кожа сарлыка.

А теперь о луке. Я уже говорил, что дикий лук обязательно кладется в суп и служит наиболее распространенной приправой к мясным блюдам. Поэтому мои спутники обрадовались неожиданной находке. Не прошло и получаса, как мы набрали полный рюкзак отборных луковиц. Я еще не пробовал монгольский лук сырым и надкусил одну из них. Тут из моих глаз хлынул поток слез, вероятно, чтобы потушить пожар, бушевавший во рту. Словом, он обладал всеми достоинствами, положенными огородному луку, только более концентрированными...

Уже под вечер нам удалось выяснить, что в долине реки Мурэн, разрезающей Мурэнский массив, очень сильно проявились молодые движения земной коры. Они вспучили весь массив, наподобие огромного свода, изогнули и приподняли древние речные террасы. Свидетелями этой деформации служат порожистые участки современного русла реки.

Конечно, эти движения земной коры продолжаются и сейчас — недаром район Мурэнского гранитного плоскогорья относится к сильно сейсмичным районам МНР — разрушительные землетрясения здесь были в 1914 и 1915 годах.

СНОВА ЗИМА

Переправившись через Мурэн на небольшом пароме, наша машина начинает медленно вползать по нескончаемым петлям горной дороги на правый борт долины. Чем выше мы поднимаемся, тем ниже температура, а на гранитном плато нас встречает настоящая зима. Когда же склонив-

шееся к горизонту солнце последний раз золотит горные кряжи, наша машина еле движется по глубокому снегу, но все же вползает на Мурэно-Тэсинский водораздел.

Залитый вечерним светом, далеко на юге встает лесистый фиолетово-черный хребет Болнай. Перед хребтом в ясном морозном небе клубится розово-золотой от лучей заходящего солнца высокий столб кучевых облаков. Это поднимаются теплые испарения над крупнейшим озером плоскогорья Сангин-Далай-Нур. Оно расположено в 50 километрах южнее нас — влево от дороги.

Кругом безлюдие и безмолвие.

Быстро темнеет, и уже в сумерках мы добираемся по глубокому снегу до небольшого поселка Цаган-Ула, где и останавливаемся на ночлег в домике сомонного управления.

На другой день рано утром, наскоро попив чаю, мы выезжаем в дальнейший путь в надежде поскорее спуститься с холодного плато. Снега за ночь заметно поубавилось — частью он растаял, частью испарился под сильным ветром.

Дорога идет среди причудливых каменистых сопок и гребней. Это уже знакомые нам дайки, образованные местами гранитом, местами полевым шпатом. Порой их острозубчатые барьеры образуют сплошную сеть, протянувшуюся с северо-запада на юго-восток и перегораживающую наш путь. Гранитный массив плоскогорья здесь сильно раздроблен тектоническими трещинами, также образующими правильные геометрические системы. Некоторые из этих зияющих трещин хорошо прослеживаются по горам на сотни метров. Из них бьют мощные источники напорных трещинных вод. Группы подобных ключей расположены на заснеженных склонах гранитных сопок. Вода с шумом стекает с них и образует большие ручьи. Все они текут в ту же долину, в которую постепенно спускаемся и мы. Широкая и плоская, она сильно заболочена, а по ее днищу разбросаны мелкие мерзлотные бугры, кое-где похожие на настоящую горную тундру.

НА ПОДСТУПАХ К ХАНГАЙСКОМУ РАЗЛОМУ

На северо-западе уже видны высокие вершины гранитного нагорья Сангилен: Тэмен-Чулутуин-Ула (2463 м), а за ней Дуруин-Тумбун-Ула (2840 м) и Ихэ-Богдо-Ула (2522 м).

Все эти горы группируются на северной границе Верхнетэсской тектонической котловины, открывшейся перед

нами на западе. В этой депрессии разбросано множество мелких бессточных озер, образовавшихся в небольших котловинах, отшнурованных новейшими поднятиями земной коры. Одно из них, соленое озеро Тунэмэл-Нур, соответствует новейшему тектоническому погружению.

...Так, минуя перевальчик за перевальчиком между котловинами озер, мы совершенно незаметно теряем около километра высоты и выезжаем на простор котловины древней долины реки Тэс. Эта котловина имеет форму прямоугольника с размерами 60 на 40 километров. Борта ее образованы высоко приподнятыми по разломам земной коры массивами древних палеозойских гор.

По мере спуска в котловину становится все теплее и теплее — снег совершенно исчезает.

А вот и сама река Тэс. Здесь она не велика, и ширина русла не больше 50 метров. Это и понятно, Тэс начинается всего лишь в 50 километрах отсюда, собираясь из напорных трещинных вод, сбегающих с хребта Болнай. Но чем дальше, тем полноводнее становится река, и в нижнем течении, где она проходит по территории Тувы, ее ширина достигает 600 метров. Тэс питает самое крупное озеро Монголии — Убсу-Нур.

Если бы не Тэс, то Убсу-Нур давно бы испарилось и исчезло. Но чтобы донести свои воды до озера, река должна пройти большой и трудный путь. Верхнетэсская котловина только первое из звеньев в 500-километровой цепи подобных котловин, расположенных в широтном направлении между озерами Убсу-Нур на западе и Сангин-Далай-Нур на востоке. Это так называемый Убсунурско-Сангиндалайский молодой прогиб, сопровождающий с севера огромное сводообразное вспучивание Хангайского нагорья...

У моста через реку с ее желтой-желтой водой мы изучаем современные и древние речные террасы.

Сурэн находит большие куски чистейшего гематита — красного железняка. Они неокатаны и, по-видимому, принесены из какого-то близрасположенного месторождения. Но искать его мы не можем. О своей важной находке мы сообщим в геологическое управление Монголии. Несомненно, что геологи-разведчики обнаружат на Хангае десятки месторождений важнейших полезных ископаемых...

По мере изучения долины нам становится все более ясно, что за последние 100—200 тысяч лет этот район испы-

тал очень сильные и резко контрастные движения земной коры. Везде мы находим следы сильного блуждания русел. На разных высотах над рекой то там, то тут мы встречаем приподнятые и покинутые рекой отрезки долины.

Одиннадцатибалльное землетрясение 14 июля 1905 года так сильно проявилось именно в Верхнетэсской котловине. Вся она по бортам была опоясана сейсмическими разрывами. Главный из них прошел у хребта Болнай, который образует южный борт котловины. К нему мы и отправляемся.

ЗЕМЛЯ ДРОГНУЛА

К северному подножию хребта Болнай, куда мы вскоре приехали, намело очень много снегу. Глубина его местами достигала 70 сантиметров. Сначала мы досадуем этой неожиданной помехе. Еще бы, ведь снег может скрыть от нас все следы одного из величайших на земле сейсмических разломов. Но наши опасения оказываются преждевременными. Даже под снегом разлом пятидесятилетней давности выглядит весьма внушительно. Весь блок земной коры с хребтом Болнай приподнят над долиной Дзахрын-Грун-Хунды на полтора-два метра. Этот гигантский разрыв протянулся от озера Сангин-Далай-Нур на целых 400 километров к западу.

Ритмично повторяются изгибы грандиозного разрыва, и на выпуклостях его, обращенных в долину, как всплески океанских застывших волн, вздыбливаются земляные бугры выпирания. Они были высокими, и сейчас еще, спустя 50 лет, имеют высоту пять-шесть метров. Их не смогли сгладить ни дожди, ни ветры. Рядом видны глубокие воронки просасывания, насаженные на сейсмические трещины. Я подхожу к одной из таких воронок. На вытаявшей из-под снега стенке трещины лежат срезанные сейсмическим ударом крупные гранитные валуны.

Лубсан говорит, что старики араты якобы видели здесь, на реке Тэс, как сейсмическими ударами во время землетрясения перерезало пополам коров и лошадей.

— Может ли это быть? — спрашивает он меня.

Кто его знает!.. Глядя на срезанные валуны, пожалуй, поверишь и этим рассказам! Удивительно то, что уже в десяти метрах от разрыва нигде в породах нельзя найти и следов разрушения. А ведь главный разрыв рассек горы на

протяжении четырехсот километров! Вот какой концентрации был этот сейсмический удар.

Я вспоминаю некоторые описания этого землетрясения, приведенные А. В. Вознесенским по рассказам очевидцев:

«Под землей послышался гром, потом гул. Лес на горе валило большими массами, большие лиственицы пригибало к земле и выворачивало с корнями».

«В долине реки Тэс, верстах в четырех выше Тэсинской Кури, образовалась трещина поперек всей долины. Ширина трещины доходила в первое время до трех саженей. Местами в ней стояла вода вровень с краями, местами же трещина была сухая, из нее дул «студеный воздух». Глубина трещины превышала тридцать саженей. Трещина эта позднее сомкнулась, но один ее край, восточный, остался выше другого приблизительно на один аршин».

«На левом берегу Тэсин-Гола из этой трещины вода во многих местах выбрасывалась фонтанами вверх. Далее, из трех озер, находящихся на вершине горы Алтын-Куль-Даба, осталось только одно, остальные исчезли. Озера эти, по определению А. П. Шубина, десятин по семь площадью. Наконец, в долине реки Агыр, правого притока реки Тэльгин-Мурэна, падали камни с боков ущелья. В указанную трещину на Тэсин-Голе провалился на всем скаку конь с всадником; последний, однако, свалившись на бок, спасся, конь же был сдавлен краями сходившейся трещины» *.

ГОД СИНЕЙ ЗМЕИ

Пробираясь по глубокому снегу вдоль разрыва, мы натыкаемся на юрту. Стоящий около нее дряхлый старик в большой лисьей шапке с подозрением смотрит на нас, а когда мы подходим к нему, спрашивает, кто мы такие, что делаем здесь — на следе змеи, проползшей по горам полвека назад?

Я немного недоумеваю — при чем здесь змея? Образное сравнение? Да, действительно, разрыв как след исполинской змеи... Но, оказывается, старец говорит это совершенно серьезно.

Выясняется, что он бывший лама, а согласно монгольским религиозным поверьям, существуют чудовищные змеи,

---

* А. В. Вознесенский. Землетрясение 26(9) июня (июля), 1905 г. на Танну-Ола. «Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО», вып. 2, т. 35, 1908.

выползающие из гор. Трещины, подобные той, что перед нами, следы этих змей. Я припоминаю, что названия некоторых падей и долин отражают такой миф, например Могой Хунды, то есть Змеиная Лощина.

Мы пытаемся объяснить, что змеи здесь ни при чем. Но в доказательство своей правоты старик указывает на то, что землетрясение 1905 года произошло в год синей змеи. Это меня окончательно заинтересовало. Какая-такая «синяя змея»? При чем здесь 1905 год?

— Это довольно длинная история, — говорит Сурэн, — поверье связано со старым монголо-тибетским календарем...

В 1027 году в Монголии был введен тибетский способ летосчисления. По нему время делилось на 60-летние круги, каждый из которых подразделялся на 12-летние циклы. Годы в циклах носили имена животных: мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи.

Каждый из пяти 12-летних циклов посвящался определенному элементу мира, как раз из тех, с которыми я познакомился в улан-баторском храме-музее, а именно; дереву, огню, земле, железу, воде. Каждый элемент обозначается своим цветом: дерево — синим, огонь — красным, земля — желтым, железо — белым, вода — черным *. Поэтому и циклы получают наименование по соответствующим цветам в следующем порядке: синий, красный, желтый, белый, черный.

Благодаря вот такой своеобразной матрице каждый год в 60-летнем кругу получает свое точное обозначение. Смена животных происходит строго по порядку, но в смене цветов календарная матрица руководствуется особыми законами. Например, 1905 год был годом синей змеи, следующий, 1906 — красной лошади. А вот 1961 назывался бы годом белого быка, а 1962 — годом черного тигра...

Этот календарь употреблялся в повседневном быту. Наряду с ним для датировки исторических событий существовал монголо-тибетский исторический календарь, в котором счет годов 12 циклов начинался не с года мыши, а зайца. Кроме того, отсчет лет в пределах каждого 60-летнего круга начинался обязательно с красного зайца. Поэтому порядок расположения отсчета был несколько другим.

* Эти цвета представлены на буддийских знаменах, только черный цвет в них заменен зеленым.

— Вот какая сложная система — без ламы и не разобрать! — пошутил я.

— Не говорите! — подхватил Сандан. — Ведь дело-то этим не ограничивалось. Годы делились еще на «твердые» или «сильные» и на «мягкие» или «слабые»!

Годы: тигра, дракона, лошади, собаки и свиньи — это твердые, или «сильные», годы. Годы: мыши, быка, зайца, змеи, овцы, обезьяны, курицы — «мягкие», или «слабые», годы.

— Знаете, что из этого вытекало раньше? — продолжал он. — Если мужчина рождался в «мягкий, слабый», год, то он не мог брать себе в жены девушку, рожденную в «твердый, сильный», год. Это запрещалось религией, чтобы сохранить в семье главенствующее мужское начало. Например, арат, родившийся в 1933 году — в «мягкий» год черной курицы, не имел права взять в жены девушку, родившуюся в 1934, 1935 годах, так как это были «твердые» годы синей собаки и синей свиньи...

Вот так ламаистская религия одурачивала монгольский народ. Сколько драм разыгрывалось на этой почве! И как хорошо, что все это прошло!

...Однако нам пора ехать дальше.

НА ВИДУ У МЛАДШЕГО СЫНА НЕБА

Наш дальнейший путь идет на собственно Хангайское нагорье.

Мы достигаем устья реки Согот-Гол, правого притока Тэс, и по ее долине, прорезающей северный склон Болная, начинаем очередной подъем.

Северный склон Болная рассечен на ряд ступеней глубокими продольными падями. Это днища рек, бывших здесь до поднятия хребта и исчезнувших в настоящее время. Из западных отрезков падей сейчас с шумом вырываются мощные родниковые потоки.

Конусы выноса, выходящие из падей, буквально пропитаны водой. Езда по ним на тяжелогруженой машине невероятно трудна. То и дело приходится возвращаться и искать объезд, но наконец машина выбирается на поверхность, срезающую хребет на высоте около 2300 метров над уровнем моря. На этой волнистой поверхности кое-где поднимаются до 2500—2600 метров крутосклонные плосковершинные гранитные массивы. Они срезаны другой, еще более древней поверхностью выравнивания.

На перевале Халодзан-Соготуин-Даба мы останавливаемся. Отсюда с высоты 2267 метров открывается широкий обзор на весь Западный Хангай. Он предстает во всей своей величественной и суровой красоте. Далеко на юге тянется хребет Тарбагатай, увенчанный вершиной Дзурхин-Хунх-Ула (3225 м). За ним встают еще и еще хребты до самого горизонта. Но это лишь свита, сопровождающая далекую белоснежную пирамиду Младшего Сына Неба — горы Отгон-Тэнгри. Это самая высокая вершина всего Хангайского нагорья, взметнувшаяся на 3905 метров. Она видна совершенно четко, и не верится, что до нее 285 километров!

На перевале нарядная арка. Проехав ее, мы вступили в Дзабханский аймак.

Наша машина устремляется вниз по широкой сухой пади, прорезающей южный склон Болная и ведущей в Индэрско-Тэлминскую котловину с озером Тэлмин. До озера еще далеко, и его за возвышенностями не видно, но высокий столб белых облаков в ясном небе указывает его местоположение.

Снова по мере спуска становится все теплее и даже наконец по-настоящему, по-летнему жарко. В пади то и дело встречаются группы юрт, табуны лошадей, стада крупного рогатого скота, овечьи отары. Мы сразу попадаем в густонаселенную местность, и это особенно заметно после пустынных пространств Северо-Хангайского гранитного плато.

Машина быстро бежит по склонам пологих холмов, легко минует несколько местных перевалов и выезжает в огромную долину реки Идэр. На горизонте видны белые дома и юрты Тэлмина, к которому мы направляемся на ночлег.

Это один из важнейших скотоводческих районов МНР. Защищенная со всех сторон горами от суровых хангайских ветров, котловина служит зимним убежищем многочисленным стадам скота, и в районе озера Тэдмин-Нур созданы государственные сенокосные станции.

В ЦАРСТВЕ ТАРБАГАНОВ

Поднявшееся солнце начинает припекать совсем по-летнему. Утренний иней быстро тает под его лучами. Мы спешим в степь, и здесь мое внимание привлекают каменистые пригорки — на них множество каких-то больших нор... Да это же жилище тарбагана — монгольского сурка.

Это нам очень кстати — ведь тарбаган роет длинные подземные ходы в каменистом грунте, а свою зимнюю нору, выстланную сухим сеном, устраивает на глубине трех-четырех метров. Строя свой дом, трудолюбивый тарбаган порой выносит на поверхность камни 20—30 сантиметров в диаметре. Так эти замечательные землекопы (а их здесь тысячи), сами того не ведая, могут оказать большую помощь геологу.

На зиму тарбаган погружается в спячку. Перед этим он наглухо замазывает вход в нору смесью глины с пометом. Такие пробки имеют толщину до полутора метров, и когда они засохнут, то их трудно пробить даже железным ломом.

Здесь норы еще не закрыты, и около некоторых мы различаем неуклюжие и смешные фигурки их обитателей.

Это сурки — часовые.

Мы осторожно приближаемся, и один из таких наблюдателей встал на задние лапки и напряженно смотрит в нашу сторону. Тарбаганы плохо видят, а мы явно возбудили его любопытство, и он старается рассмотреть нас получше... Сейчас осень — разгар охоты на тарбаганов, и если бы мы догадались прихватить ружье, то этому незадачливому стражу пришлось бы поплатиться своей шубкой, которую он справил себе на зиму... Но на сей раз для него все обходится благополучно — мы кричим, и сурок, издав мелодичный свист, предупреждающий обитателей колонии об опасности, мгновенно исчезает в норе. Можно только удивиться проворству такого, казалось бы, неповоротливого зверька.

Лубсан — старый охотник, и он делится с нами своими поистине всеобъемлющими знаниями повадок этого интересного зверька. Рассказывает, что охотники, чтобы возбудить большее любопытство тарбаганов, надевают белые рубахи и подползают так на верный выстрел. Умелые охотники за сезон добывают по тысяче с лишним шкурок. Самый лучший мех у тарбаганов осенью; весной после спячки мех хотя и сохраняет свою густоту, но становится сухим, теряет свой блеск. А еще через месяц тарбаган линяет, охотники оставляют его в покое и для зверька наступает «дачный сезон».

Зверьки переселяются поближе к пастбищам, располагаются семьями в неглубоких летних норах, имеющих в отличие от зимних несколько выходов. Иногда норы превращают землю в какое-то решето, и по таким местам трудно проехать верхом. Любопытно, что, хотя сурки живут боль-

шими колониями, каждая семья имеет на пастбище свой «надел» и строго охраняет его от соседей.

С тарбаганами у монголов связаны различные народные предания и поверья. В старину, например, считалось плохой приметой, если подраненный тарбаган скроется в свою нору. В монгольских народных сказках тарбаган отождествляется с важным богачом-купцом Курунбаем (имя, ставшее нарицательным), который был за свою скупость и жадность превращен в животное.

...Что ж, возразить против «толстосумного» облика зверька трудно, но если говорить о хозяйственном значении тарбагана, то оно достаточно велико. Ежегодно в МНР добывается несколько миллионов шкурок. Тарбаганий мех пользуется большим спросом на мировом пушном рынке и идет на имитацию дорогих мехов. Чаще всего его выделывают «под выдру», «под енота» и т. п.

На востоке МНР распространен преимущественно тарбаган забайкальский. Он более мелкий и светлоокрашенный. На Западном Хангае и в Монгольском Алтае обитает западномонгольский, или алтайский, тарбаган, имеющий более крупные размеры, пушистый мех с шелковистым темным волосом и голубым подшерстком. Он считается лучшим материалом для имитации меха выдры.

Ценится и жир тарбагана — он не застывает при самых сильных морозах и превосходит в этом отношении даже тюлений жир.

САПФИР В ГОРАХ ХАНГАЯ

Измерения речных террас в большой, до 15 километров шириной, долине Идэрау Тэлмина отнимают у нас много времени. У Идэра здесь еще неукротимый горный нрав, но ниже течение становится более спокойным, и, пройдя свыше 400 километров и собрав воды с площади в 24 500 квадратных километров, река отдает их Селенге. Впрочем, многие считают, что Селенга лишь новое название Идэра.

К полудню мы заканчиваем работу у Тэлмина и отправляемся на север к озеру Тэлмин-Нур. Переваливаем через ряд небольших пологих увалов тектонического поднятия, несколько десятков тысяч лет назад отделившего Тэлминскую впадину от Идэрской и подпрудившего древнюю реку, что и вызвало образование большого озера Тэлмин-Нур. Этой рекой могла быть Улагчин-Гол, которая сейчас скрывается в песках, не дойдя до озера, а затем снова появляется на поверхности и под названием Халайн-Гол впадает в Тэлмин-Нур с запада.

На невысоких гранитных кряжах перемычки из мощных трещин бьют многочисленные выходы пресных подземных вод. Эти воды питают колодцы, в том числе и колодец Цаган-Чулутуин-Худук («Белокаменный колодец»), расположенный вблизи местного перевала, с которого открывается удивительно красивая панорама озера Тэлмин и окружающих его гор.

Синее, как сверкающий сапфир, озеро раскинулось среди золотисто-желтых степей, а они обрамлены белыми от свежевыпавшего снега горами. На севере и северо-западе над невидимыми за горами другими озерами в голубом ясном небе стоят высокие столбы клубящихся белых облаков...

Спускаемся к озеру. У него очень извилистая береговая линия. Бесконечные мысы, заливы, длинные песчаные косы. Присмотревшись, я замечаю, что эти косы расположены в озере не как попало, а ориентированы в основном в северо-восточном направлении. Может быть, это молодые поднятия, продолжающиеся в затопленной водами озера долине?..

Мы не хотим пить, но пробуем воду: интересно, какого же вкуса такая изумительно синяя вода? Она оказывается солоноватой и пригодной для скота — об этом говорят многочисленные следы на илистом восточном берегу озера.

О солености воды озера в литературе приводятся самые разнообразные сведения. Это зависит, по-видимому, от того, что количество воды в озере, то есть его объем, сильно изменяется в зависимости от дождей.

На востоке озерная котловина сильно суживается. Километрах в двух от озера начинаются песчаные барханы, а еще дальше котловина переходит в долину реки Чжиргаланту, впадающую в Идэр. Превышение днища этой долины над озером Тэлмин равно всего лишь 25 метрам. Это молодое тектоническое поднятие прекратило сток из озера Тэлмин в реку Идэр.

Мы начинаем путешествие вдоль южного берега озера по старой заброшенной дороге. Наш путь пересекают боковые сухие долины, впадающие в озерную котловину и ориентированные так же, как и косы, вдающиеся в озеро.

В западной части озера видны небольшие острова. Два из них расположены у южного берега озера, третий — у северного. Несомненно, что это затопленные останцы высо-

ких — третьей и четвертой — речных террас. С высокого бугра открывается вид на дельту впадающей в озеро реки Холаин-Гол, в широкой — около десяти километров — долине. Отсюда видны огромные стаи водоплавающей птицы: лебедей, гусей, уток, турпанов.

В юго-западном углу озера песчаные барханы, достигающие сотен метров в длину и 15—20 в высоту, подходят почти к берегу и в сочетании с синей водой озера создают незабываемую картину. Все это подчеркнуто зеленью степей, на которых пасутся табуны лошадей.

Появление машины в этих местах, расположенных далеко от больших дорог, вызывает переполох среди привольно пасущихся лошадей. Завидев нас, они обращаются в паническое бегство. При этом каждый косяк стремится «спастись» в какое-то отведенное специально для него место. Поэтому случается, что табун голов в триста пересекает дорогу метрах в двадцати перед машиной.

Дорджи то и дело тормозит машину, сигналит и чертыхается. И есть от чего — того и гляди врежешься в испуганных лошадей.

Лошади всегда следуют за вожаком — статным жеребцом с пышно развевающимися по ветру гривой и хвостом. Если он остановился, то они образуют круг, головами внутрь, к вожаку. После этого они готовы отбить любое нападение.

...Мы не хотим тревожить их и, полюбовавшись на стройных животных, спешим дальше. Нам надо засветло миновать перевал, отделяющий нас от бассейна реки Дзабхан.

ПЕРНАТЫЕ ГАНГСТЕРЫ

Преодолев перевал, мы оказались в долине реки Хырсын-Гол. Здесь еще не закончилось лето. Множество грызунов копошится около своих нор на южных склонах холмов и бугров. Но это не тарбаганы, а суслики Эверсмана. Они немного поменьше, но их великое множество — иной раз кажется, вся земля шевелится. Даже на самой дороге в бортах ее выемок чернеют пятна входных отверстий.

Шум машины вызывает смятение в сусличьем царстве. Задрав вверх длинный хвост, украшенный пышным султаном волос, суслик мчится к своей норе. Иногда для этого он бежит метров пятьдесят вдоль дороги, а то и прямо на машину, которой он так испугался,— нора расположена

на самой дороге. Перед тем как юркнуть в нору, суслик обязательно обернется и через мгновение снова выглянет. По-видимому, особенность сусличьего характера—любопытство.

Такое обилие глупых зверьков привлекает в долину Хырсын-Гол массу пернатых хищников. Это преимущественно степные орлы средних размеров. Изредка встречаются большие горные орлы-ягнятники, а иногда и гигантские черные грифы. Последние очень похожи на черные самолеты, особенно когда они планируют в воздухе над нашей машиной, отбрасывая на нее свою тень. Размах крыльев у грифов метра три, если не больше.

Эта пернатая шайка пополнена черными воронами, соколами, коршунами и ястребами. Кажется, сюда собрались пернатые хищники со всего света. Взаимоотношения между ними своеобразны. На одной из площадок среди скал нам удалось наблюдать редкую сцену из быта этих разбойников.

Метрах в тридцати от дороги на камнях лежит окровавленный и растерзанный труп козленка. На нем восседает большой черный гриф. В одном-двух шагах от него кругом молча сидят степные орлы, еще дальше на земле и в воздухе кишит воронье, оглашая местность криками...

При нашем приближении все общество нехотя поднялось в воздух и перелетело на неподалеку лежащие камни. Гриф, по-видимому самый сытый, сидел спокойно. Зато орлы возмущенно вышагивали взад и вперед, переваливаясь, как медведи, с ноги на ногу и взмахивая крыльями. Нас они подпустили шагов на двадцать. Но воронье! Оно-то уж не растерялось и слету бросилось к остаткам козленка. Когда еще представится такой случай, чтобы гриф и орлы оставили им свою добычу!

КАМЕННЫМ БАБАМ 1300 ЛЕТ!

Мы спускаемся все ниже и ниже, глубже и глубже по долине Хырсын-Гол в нагорное плато. Из этой долины затем попадаем в более крупную долину реки Яругин-Гол, одной из главных составляющих реки Джигистэ-Гол, на которой стоит город Улясутай.

В устье долины Хырсын-Гол среди большой котловины расположено живописное горное озеро Хаг. Из бирюзового зеркала вод торчат темные гранитные массивы островов с террасированными склонами. Вокруг озера тянутся обширные террасы древней реки.

В старину район озера Хаг был одним из важнейших на Хангае. Здесь концентрировались стойбища гуннов, войска тюркского каганата и киргизского государства.

На широких голых площадках видны ряды вертикально вкопанных в землю больших каменных плит. Это древние киргизские могилы. Мы проходим вдоль них и вдруг обнаруживаем три беломраморные статуи — могильные памятники времен тюркского великого каганата (VI—VIII вв.).

Интересно, что белый мрамор нигде ближе чем в 300 километрах от озера Хаг не встречается. Но известно, что если киргизские могильники, как и монгольские, построены исключительно из местного материала, то тюркские каменные бабы всегда делались из камня дальнепривозного...

Вчетвером, поднатужась, мы поднимаем с земли и поворачиваем одну за другой мраморные скульптуры. По-видимому, они изображают одно и то же лицо — какого-то тюркского военачальника. Непропорционально большое, почти идеально круглое лицо с такими же очень большими глазами и носом украшено китайской клиновидной бородкой и длинными усами. В ушах — круглые серьги. Общий облик лица немонгольский, скорее напоминающий среднеазиатские народы или — более всего — узбеков. Правая рука согнута в локте и прижата к груди. Она держит жертвенную погребальную чашу. Левая положена на эфес большого кинжала, висящего на богато украшенном поясе. Отделка всех деталей филигранная.

Несмотря на некоторое искажение в пропорциях частей тела, скульптура в целом реалистична. Многие детали стерлись, кое-где видно зернисто-кристаллическое строение мрамора. И неудивительно — со времени изготовления статуй прошло уже около 1300 лет.

Немые свидетели истории—три мраморные статуи—охраняют здесь древнее захоронение. Их следовало бы забрать в музей, но вес каждой из них около двухсот килограммов, и мы с сожалением оставляем статуи лежать на прежнем месте.

В ПРЕДДВЕРИИ СТОЛИЦЫ ЗАПАДНОГО ХАНГАЯ

Из котловины озера Хаг дорога поднимается на крутой перевал, и снова перед нами все обширное плоскогорье Западного Хангая. Но тут же наша машина, прыгая по камням, устремляется вниз — в долину реки Джигесте-Гол.

Уже тысяча триста лет насчитывается этим мраморным изваяниям тюркских полководцев, захороненных у берегов озера Хаг на Хангае

Мерным шагом идут по Хангаю хайныки, везя на скрипучих арбах бревна столетних лиственниц

На одном из поворотов дороги открывается своеобразная картина, символизирующая встречу старой и новой Монголии.

В широкой долине тянется длиннейшая вереница двухколесных монгольских повозок, запряженных черными хайныками. Навстречу этому каравану вверх по долине движется колонна машин.

Старое и новое!

Это можно видеть в Монголии повсеместно и ежечасно. Страна пересаживается с коня, верблюда и хайныка на автомобиль, мотоцикл, тепловоз.

Мы обгоняем караван. Некоторое время все звуки вокруг тонут в неимоверном скрипе колес этих своеобразных монгольских арб. Их наглухо насаженные на ось колеса вращаются вместе с нею в больших деревянных втулках. Такая конструкция повозок сохранилась на Западном Хангае со средних веков, она оказалась наиболее подходящей для преодоления крутых дорог и для езды по каменистому бездорожью с большим грузом.

Дорога здесь хорошо спрофилирована, и вскоре за одним из поворотов вдали открывается большое расширение

долины, в которое откуда-то сбоку, слева, вливается река Богдаин-Гол.

Но географы считают, что река Джигистэ впадает в Богдаин. Вскоре мы выезжаем на настоящую дельту реки Джигистэ. Сотни протоков прорезают наносную галечную равнину в широкой долине. По ним с шумом мчится желтая прозрачная вода, перекатывающая довольно крупный гравий.

На стрелке между двумя реками виднеются черные развалины стен Улясутайской маньчжурской крепости. Еще ниже по долине раскинулся город Улясутай.

УЛЯСУТАЙ — ЦЕНТР ДЗАБХАНСКОГО АЙМАКА

Улясутай — один из старейших городов Монголии. Первое упоминание о нем, как о военном укреплении, относится к 1733 году. Но возникновение улясутайского опорного пункта в горах Западного Хангая произошло, по-видимому, значительно раньше. Очевидно, это был своеобразный город кочевников...

В 1848 году Улясутайская крепость была перестроена и стала цитаделью маньчжурских войск, поработителей этого края.

К середине XIX века город превратился в довольно оживленный торговый центр. Но в целом он состоял из нескольких неблагоустроенных пыльных поселков, разбросанных вокруг старинной крепости.

После революции старые строения большей частью снесли. На их месте построены современные одноэтажные дома. Среди них выделяются здания городского Дома культуры, школ, больницы, радиостанции.

Над городом господствует высокий гранитный холм, на котором возвышается белая пирамида памятника воинам, погибшим в боях за освобождение Монголии от белогвардейских банд Унгерна.

Все места в Улясутайской гостинице оказались занятыми. В городе начался аймачный съезд аратов-скотоводов, на который было приглашено много гостей из Улан-Батора и из соседних аймаков. Со всех сторон продолжали прибывать всадники верхом на лошадях и верблюдах, мотоциклисты, автопассажиры. На аэродроме за рекой приземлялись самолеты.

Мы долго искали место для ночлега и наконец остановились в здании редакции местной газеты. Приведя себя в порядок, мы отправились в Дом культуры.

В большом фойе Дома культуры тесно. Целыми группами прибывали нарядно одетые молодые араты. Из отдаленных комнат доносились звуки музыкальных инструментов— там репетировали свои выступления участники клубной самодеятельности. Ухо улавливало знакомый мотив «Подмосковных вечеров».

Стены фойе увешаны афишами советских, китайских, чехословацких и венгерских фильмов. Сегодня — цветной грузинский фильм «Они вышли из гор».

Мы прошли в кинозал. Во время сеанса зрители глубоко переживают происходящие на экране события. В особо острые моменты многие начинают часто-часто причмокивать губами, выражая свое сочувствие, удивление, возмущение; по залу прокатывается волна звуков, напоминающая весеннюю звонкую капель. Сеанс идет с перерывами: каждую часть показывают отдельно. В антрактах зрители обсуждают между собой все подробности действия, делятся предположениями относительно дальнейшей судьбы героев.

ДО МЛАДШЕГО СЫНА НЕБА МЫ НЕ ДОЕДЕМ

На другой день наш ГАЗ-63 стал на текущий ремонт, а мы раздобыли легковую автомашину ГАЗ-69 и с Сурэном отправились в Отхон-Тэнгри.

Знаменитая здравница Монголии расположена у западного подножия одноименной вершины Хангая на высоте более двух тысяч метров. По молодому разлому земной коры выходит более 20 горячих источников гидрокарбонатных вод с температурой около 55 градусов.

Начинается подъем, и вскоре мы въезжаем в глубокий снег. Вездеход ГАЗ-69, наша знаменитая «колхозница», упрямо ползет вверх. Однако снежные завалы преграждают путь — они встали выше радиатора.

Ничего нельзя сделать... Мы вылезаем из машины и по пояс в мокром снегу карабкаемся на соседнюю гору, чтобы хоть с нее посмотреть поближе на недоступный для нас Отхон-Тэнгри.

Часа через два достигаем плоской вершины гранитной сопки и разыскиваем цель нашей сегодняшней поездки.

На востоке горизонт замыкает цепь грандиозных горных вершин, покрытых сверкающими снегами. Над ними, как крепостной бастион, высится усеченная пирамида Отхон-Тэнгри. Отсюда на расстоянии 30 километров, в бинокль хорошо видны грандиозные обрывы западного склона.

На север, насколько хватает глаз, разворачивается огромное плато средней поверхности выравнивания. В нее глубоко врезаны современные долины рек Богдаин-Гол и Джигистэ. Их отвесные склоны поднимаются на 400—500 метров над днищами долин.

Для меня, как геолога, интересна исполосованность плато прямолинейными каменными гребнями гранитных даек, которые образуют геометрически правильную прямоугольную сеть. Ячеи этой сети заняты большими падями, верховьями речек, а кое-где и впадинами, в которых начинались когда-то ледники. Зияющие тектонические трещины протянулись на целые километры.

Воочию видишь, как вспучило земную кору и какой огромный свод она образовала; недаром Западный Хангай такой неспокойный в сейсмическом отношении район.

Последние сильные землетрясения происходили здесь в 1928 и 1939 годах. Западнее Улясутая значительные землетрясения зарегистрированы в 1923, 1928 и 1932 годах. Младший Сын Неба продолжает расти и подниматься, а кругом него будут снова перемещаться большие участки земной коры...

ПЕСКИ ПРОГЛАТЫВАЮТ РЕКИ

Рано утром 4 октября наша отремонтированная машина берет курс к Котловине Больших Озер Монголии.

Постепенно взбираемся на пустынное плоскогорье, высота более двух тысяч метров над уровнем моря дает себя знать — мороз и ветер усиливаются с каждым километром пути. Мы невольно с сожалением вспоминаем солнечную и теплую долину реки Богдаин-Гол у Улясутая!

В 17 километрах от перевала неожиданно встречаем сплошной фронт высоких песков, всхолмленных в большие барханы.

Пески на плоскогорье! Откуда? Склоны гряд поднимаются круто под углом в 40 градусов и преграждают нам дорогу. Дорджи много раз пытается въехать на это песчаное море, но безуспешно.

Наконец, подстелив брезент и мешки под колеса автомашины, нам удается втащить ее вверх по сыпучему песку. Каждый метр пути берется с бою.

Я зачерпываю пригоршню проклятого песка и смотрю на него в лупу. Мелкий — песчинка к песчинке — песок сложен здесь прозрачными кварцевыми частичками. Они округлены — окатаны ветром в течение многих тысяч лет.

Мириады этих частичек перевеяны неугомонными западными ветрами. Пески собрались здесь в лощине в огромные массы и двинулись в наступление на горы. Видно, как по падям протянулись вверх языки песка. Они как передовые отряды наступающего воинства штурмуют по лощинам склоны гор и словно клещами охватывают вершины.

Пустыня наступает на Хангайские горы с запада. Там в Котловине Больших Озер — песчаное море — Монгол Элис. Тысячелетиями западные ветры несут оттуда песчинки на Хангай, и вот результат!

Дорога, если можно еще говорить здесь о какой-то дороге, сворачивает в долину Байпа-Гол, и нашему взору предстает молчаливая драма гибели довольно большой реки.

Весь западный борт ее долины покрыт сыпучими песками. Они неумолимо переваливают через бровку склона и устремляются вниз — в долину. Каждый овраг, каждая лощина используется песками для наступления. Их передовые цепи уже подступили вплотную к реке и теснят ее к восточному гранитному борту долины; 20—30-метровой высоты песчаные валы уже перегородили долину. В таких местах русло реки, а вслед за ним и дорога теснятся в пятиметровой щели между фронтом наступающих песков и гранитными скалами.

Каждый год весной в половодье река делает отчаянную попытку вырваться из тисков. Но тщетно — с одной стороны — монолитный гранит, с другой — все надвигающиеся пески. Не удивительно, что некоторые участки Байца-Гол уже погребены — русло покрывают пять-семь метров сыпучих песков. Как удав кролика, пески постепенно проглатывают реку и ее долину...

Места здесь глухие и безлюдные — машины ходят редко. Перспектива стать, подобно злополучной реке, добычей намокших песков нам не улыбается. Приходится ехать с величайшей осторожностью, чтобы не застрять на каком-нибудь повороте...

Но наконец дорога уходит в сторону. Река снова появляется из-под песков. Обессиленная борьбой, она течет жалкими ручейками. И хотя отдельные гряды сыпучих песков еще показываются из-за холмов то там, то тут, мы уже в безопасности...

Вскоре дорога сворачивает в долину реки Улагчин-Гол, текущей на северо-восток в Тэлминскую тектоническую котловину. И здесь через каждую горную щель, открывающуюся с запада, проникают пески. Чем шире котловина, тем больше пробивается через нее песков. Против некоторых боковых ущелий через долину протянулись их огромные веера. Это похоже на какие-то гигантские пескодувки. Струи песка из них поднимаются даже на противоположный — восточный— борт долины и уходят далеко на водоразделы... Пустыня запускает свои песчаные щупальца в самое сердце гор.

БИОГРАФИЯ ЗАПАДНОГО ХАНГАЯ

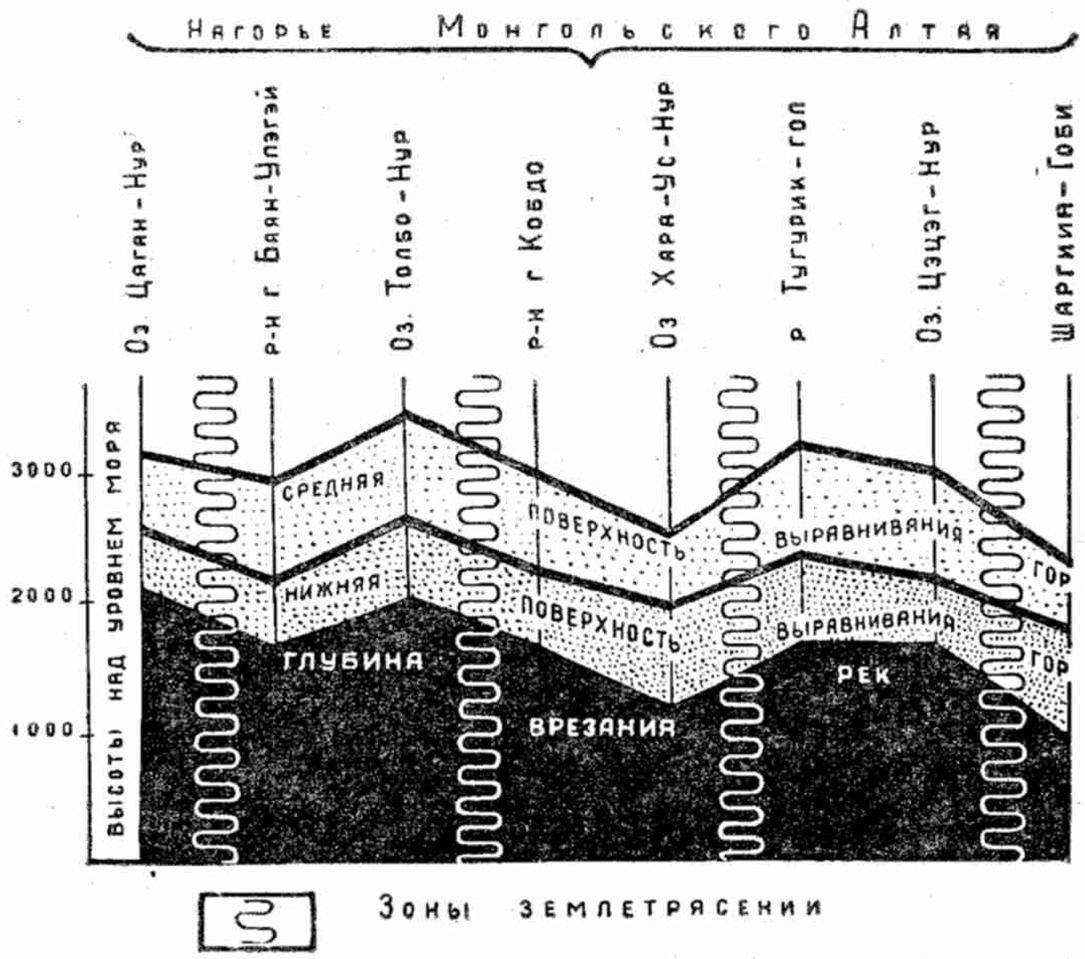
Долина реки Улагчин окружена горами с вершинами до 2700—2900 метров. Западный Хангай даже своей самой западной окраиной высоко приподнят над соседними котловинами.

Здесь есть замечательная особенность в строении речных долин — они располагаются в три яруса.

Самый верхний находится на отметках около двух тысяч метров и выше. Долины здесь широкие и в большинстве своем сухие. Они выработаны давно — еще до оледенения Хангайской горной страны — в слабо пересеченной местности, на небольших высотах над уровнем моря, при медленных и незначительных подъемах земной коры. Одна из таких долин — долина реки Улан-Байца, спускающаяся с перевала Байца-Даба, покрытого песками на высоте 2500 метров.

Долины среднего яруса, наоборот, глубоко врезаны в горы и нередко переходят в узкие ущелья, глубоко пропиленные реками в гранитных массивах. Такова долина реки Улагчин-Гол, как бы пропиленная при мощном и быстром поднятии Западного Хангая во время резких и сильных движений земной коры.

Нижний ярус занимает высоты 1000—1200 метров. Долины здесь такие же широкие, как в верхнем ярусе, и да-



Современные поднятия земной коры на Хангае

Гигантским сводом вздулось Хангайское нагорье, и сильные землетрясения сотрясают его края

же шире. Одна из них, уже знакомая нам долина реки Холайн-Гол, впадающей в озеро Тэлмин-Нур, сформирована при замедленных поднятиях Западного Хангая. Однако и она и подобные ей разорваны новыми молодыми движениями земной коры и запружены ими. Результатом таких движений были озера Тэлмин-Нур, Тахилту-Нур, Хунт-Нур и другие...

Новый этап движений земной коры чувствуется на Западном Хангае везде. Древние дряхлые долины внизу омолаживаются, в их сухих руслах снова кое-где появляется вода, вскрытая глубоким врезом боковых долин среднего яруса...

Растут и поднимаются Хангайские горы, и то там, то тут в них происходят землетрясения. А в прошлом через

разверзавшиеся трещины здесь изливалась базальтовая лава...

Примерно 100 тысяч лет назад — в эпоху великих оледенений Евразии — Западный Хангай дважды покрывался мощным ледниковым щитом. Следы этого оледенения мы встречаем повсеместно — они огромными оспинами круглых выемок покрывают склоны гор...

Как у много пожившего человека волнения и заботы оставляют морщины на его лице, так и на лице гор события их прошлой жизни оставили свои неизгладимые черты.

И мы, геологи, читаем по ним биографию гор Западного Хангая.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Из среднеярусной долины реки Улагчин-Гол сворачиваем на запад по Хунт-Хынды — широкой сухой долине верхнего яруса, полого спускающейся с водораздела.

На горизонте открывается пустынный, покрытый снегом кряж Ихэ-Дзели-Нуру. Это последняя высокая гряда Западного Хангая. За ней лежит Котловина Больших Озер Монголии. На плосковершинной поверхности гранитного кряжа возвышается массивная гора Тудувту-Ула (2915 м).

Наш путь ведет к ней. Снова из боковых падей в долину вылезают принесенные с запада пески. Местами они опять образуют обширные поля.

За поворотом дороги вдруг открывается вид на синее озеро, оправленное в золотую раму песков. Это знаменитое Хунт-Нур, или Лебединое, озеро...

Оно буквально покрыто белыми лебедиными крыльями.

Картина поистине изумительна, и мы останавливаем машину, чтобы полюбоваться величавыми птицами. Они нас не боятся. Когда подходим к лебединым стаям шагов на пятнадцать-двадцать, они только немного отплывают от берега и, посматривая в нашу сторону, продолжают нырять и резвиться на темно-синей воде...

Озеро Хунт-Нур это, так сказать, «промежуточный аэродром» для многотысячных лебединых эскадрилий в их трансмонгольских перелетах из Сибири в Индию...

Я вспоминаю другое озеро, расположенное в 400 километрах к северо-востоку — озеро Эрхил-Нур в Прихубсу-

гулье. Там тоже расположен один из узловых аэропортов на воздушной трассе птичьих перелетов. Но почему-то там садятся преимущественно гуси и утки, а вот лебеди здесь — на «своем», Лебедином озере. Почему — это пусть решают орнитологи...

Долины Хунт-Хынды и Улагчин-Гола когда-то были одним целым с долиной реки Холайн-Гол, впадающей в озеро Тэлмин. Все три эти долины открывались в долину реки Идэр. По-видимому, это была великая река — не меньше, чем Селенга. Движения земной коры разорвали долину, и в ней возникли озера.

Сурэн говорит, что на песчаных барханах песков Хунт-Элис около озера находили остатки древних культур, начиная с каменного века и кончая киданьскими.

Это заинтересовало нас, и мы разбредаемся по барханам. И действительно, на наветренных склонах дюн находим выдутые ветром из песка каменные скребки, сделанные из дымчатого горного хрусталя и кремней. Эти изделия — современники бронзовой культуры.

Почти рядом находим тонкие черепки из серой плотной глины, украшенные простым штриховым орнаментом.

Все это бережно упаковываем и забираем с собой. Ясно, что на Лебедином озере издревле селились люди, по-видимому, место это было одним из первых поселений в горах Хангая...

ПОСЛЕДНИЕ КИЛОМЕТРЫ ПО ХАНГАЮ

Из долины Хунт-Хынды дорога круто уходит вверх. Мы переваливаем через северные отроги горы Тудувт-Ула.

На склонах гор, в зияющих по сторонам трещинах, везде сочится вода. Она до предела насыщает осыпи у подножия склонов и делает дорогу почти непроезжей.

Наш Дорджи измучился — продвигаемся со скоростью в среднем не более трех километров в час. Потом вполне приличная дорога, а затем крутой подъем...

Мы едем на перевал Шара-Даба.

— Это последний наш перевал на Хангае,— успокаивает Сурэн.

Поднимаемся на высоту в 2500 метров и едем по пустынному, промерзшему плато Западного Хангая.

Вопреки ожиданиям, дорога вполне сносная, и мы довольно быстро добираемся до самого западного в Дзабханском аймаке Сангино-сомона. Он расположен в сухой пади, в которой бьют ключи трещинных подземных вод. Места здесь совсем глухие. Приезд автомашины, да еще с русским,— это целое событие в поселке! Только через час нам удается тронуться в дальнейший путь. И снова дорога идет на ужасно крутой склон к перевалу. Еще один перевал!

Тут я осведомляюсь у Сурэна:

— А как же Шара-Даба — последний перевал на Хангае?

— Этот не в счет,— смеется он.— Вот теперь уже самый последний...

Действительно, еще малозаметный подъем, и перед нами западный край Хангая! Здесь, глубоко внизу, расстилается Котловина Больших Озер Монголии... Это тоже горная страна, но лежащая как бы этажом ниже.

В лучах заходящего солнца глаз с трудом улавливает очертания плосковершинных горных хребтов... Между ними блестят многочисленные озера, а где-то совсем далеко-далеко, на горизонте, как мираж, виднеются горы Монгольского Алтая. Соленый теплый ветер вдруг налетает на нас с запада. Это ветер монгольских степей. Мы уже отвыкли от него в суровом краю Хангайского плоскогорья. Это ветер с Великих озер Монголии, лежащих впереди.

Еще один тяжелый этап нашего путешествия пройден... Но впереди новые пути и новые трудности.

— До свидания, Хангай!

Глава четвертая

ПО ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ МОНГОЛИИ

ОЗЕРНАЯ ЛЕСТНИЦА ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Итак, мы у порога еще неведомой для нас страны, простершейся до гор Алтая.

Солнце, склонившееся к горизонту, золотит темные грани и вершины кряжей и одиночных гор. Среди них с высоты, как осколки разбитого зеркала, сверкают небольшие озера, окруженные солончаками. Закрытое пыльной белесой дымкой, смутно вырисовывается огромное озеро Хиргис-Нур — самая низкая ступень озерной лестницы Западной Монголии. А над всем этим гигантской тенью в предвечернем небе голубеют горы Монгольского Алтая.

Вот она — великая лестница монгольских озер!

Ее начало в высоких горах Монгольского Алтая, где первыми ступенями служат два Кобдоских озера, расположившиеся на высотах 2064 и 2057 метров над уровнем моря, и озеро Толбо-Нур с отметкой 2086 метров.

Эти озера дают начало реке Кобдо, которая стремительно несет свои воды на юго-восток — в озеро Хара-Ус-Нур. «Озером черных вод» зовут монголы эту вторую ступень великой лестницы, расположенную в 1153 метрах над уровнем моря.

Широко разливаются воды в озере Хара-Ус-Нур и как бы останавливаются, чтобы набрать сил для нового прыжка. Через короткий проток Чон-Хайрих они стремительно скатываются на следующую ступень — в озеро Хара-Нур (1104 м), а затем по реке Тэлин-Голу — в Дзабхан. По этой реке все растущий поток достигает озера Айрыг-Нур (1036 м) и попадает в озеро Хиргис-Нур—на последнюю ступень, расположенную в 1034 метрах над уровнем моря.

Целый километр высоты теряют алтайские воды в своем бурном стоке. С востока на соединение с ними спешат воды другой великой реки Западной Монголии — Дзабхана, который в 120 километрах от озера Хиргис-Нур перехватывает весь сток реки Кобдо.

Образовав огромный разлив озера Хиргис-Нур перед поднимающимся хребтом Хан-Хухэй, алтайская и хангайская вода становится соленой.

Когда-то ранее эти воды пробивались еще дальше на север и доходили до самого большого озера Монголии — горько-соленого Убса-Нур (759 м над уровнем моря). Но сейчас это озеро отделено от Хиргиз-Нура молодыми поднятиями земной коры.

Итак, скорее вниз — к Великим озерам!

Мы быстро скатываемся по пяти огромным ступеням, которые образуют западный обрыв Хангайского нагорья.

Как на бреющем полете, вылетает наша машина на покатую равнину степи Тариэт, покрытую плосковершинными холмами и солончаковыми озерами. Вокруг озер степь ровная, как стол, и это даже удивительно, здесь, в Западной Монголии — стране великих землетрясений и нарождающихся гор...

Вдали постепенно поднимается хребет Хан-Хухэй — каменный барьер-мост, соединяющий Хангай с Монгольским Алтаем. Он разделяет две озерные котловины — Убса-Нур и Хиргиз-Нур и упорно продолжает расти с каждым столетием...

Темнеет. По степи протягиваются длинные черные тени от таких же черных гор... Сурэн стучит по кабине — пора на ночлег, и мы сворачиваем к группе юрт, приютившихся в небольшой котловине у крутого склона холма.

ХАН-ХУХЭЙ — МЛАДШИЙ БРАТ ХАНГАЯ

Сурэн остановил нас в замечательном месте — здесь проходит гигантская трещина, ответвившаяся на юг от Северохангайской в июле 1905 года во время одиннадцатибалльного землетрясения.

Она как бы разделяет нагорье Хангая и хребет Хан-Хухэй. Эта трещина протянулась на 120 километров. Начавшись у подножия хребта в районе сомонного поселка Ундер-Хангай (Высокий Хангай), она пересекла озера Далан-Туру-Нур, рассекла кряж Эрэн-Нуру и достигла на юго-

востоке котловины соленых озер Давс-Нур. Ее протяжение превышает 120 километров.

Горный хребет Хан-Хухэй молод и усиленно растет. Эта трещина — одно из последствий самостоятельного движения вверх большой глыбы земной коры, образующей Хан-Хухэй.

Межевая сейсмическая трещина извивается по холмам и лощинам, как гигантская змея. Прошло уже 55 лет после ее возникновения, а шрам на теле земли еще совсем свеж. Как всплески земляных волн, один за другим поднимаются вдоль трещины бугры вспучивания трехметровой высоты.

В состязании двух братьев — Хангая и Хан-Хухэя — на этот раз победил старший — Хангай. Вся огромная глыба этого нагорья поднялась в 1905 году на три-четыре метра относительно Хан-Хухэя. Но соперничество между ними продолжается и по сей день...

К нам подъезжают верховые и завязывается разговор...

Араты Цэден Дорджин Санджав и Хурлин Дорлиг рассказывают, что 27 июля 1958 года в три часа дня они были свидетелями сильных подземных толчков. В горах Хан-Хухэя раздался сильный подземный гул.

Девушка Цырин-Медаг в тот же день находилась на северном склоне Хан-Хухэя и слышала подземный грохот и гул, ощутила сильное сотрясение почвы, от которого качались юрты, звенела посуда, выплескивалась вода из ведер...

Я внимательно осматриваю скалы, которые рассекает сейсмическая трещина, и снова удивляюсь — в трех-пяти метрах от нее не видно никаких следов разрушения.

Хан-Хухэй продолжает расти, и за последний миллион лет он окончательно оформился в виде высокого узкого хребта, встав каменным барьером между двумя великими озерными котловинами.

А что такое миллион лет для гор?! Это месяц человеческой жизни...

ОЗЕРО КИРГИЗОВ КОЧУЕТ

Миновав Ундер-Хангай, мы выезжаем на покатую равнину, простирающуюся до самых подножий хребта Хан-Хухэй.

Вдали по направлению к хребту на днище долины блестят на солнце солями многочисленные высохшие озера.

Ветер свободно гуляет по голым просторам равнины, и то там, то тут встают высокие пыльные смерчи. Они сталкиваются между собой и исчезают. Одному из смерчей понравилась наша машина, и тщетно Дорджи старается вырвать ее из его пыльных объятий. «Поласкав» нас минут пять и осыпав, как мукой, соленой пылью, смерч уходит в сторону от дороги. Пожалуй, лучше смотреть на эти смерчи издали.

Все ближе высокие крутые склоны передовых кряжей Хан-Хухэя, сложенные ослепительно белыми известняками.

Этим породам 520 миллионов лет от роду, но тем не менее эти кембрийские отложения вырваны из земных недр и подняты молодыми движениями земной коры на высоту в полтора километра над уровнем моря.

Белые скалы — безмолвные свидетели истории Земли — стоят среди щебнистой пустыни. Кругом ни кустика, ни жилья, ни одного живого существа!

Но вот машину плавно выносит на высокий бугор, и перед нами открывается грандиозное озеро.

Соленый морской ветер ударяет в лицо! От края и до края, скрываясь за горизонтом, раскинулась темно-синяя гладь Хиргис-Нура — великого озера киргизов.

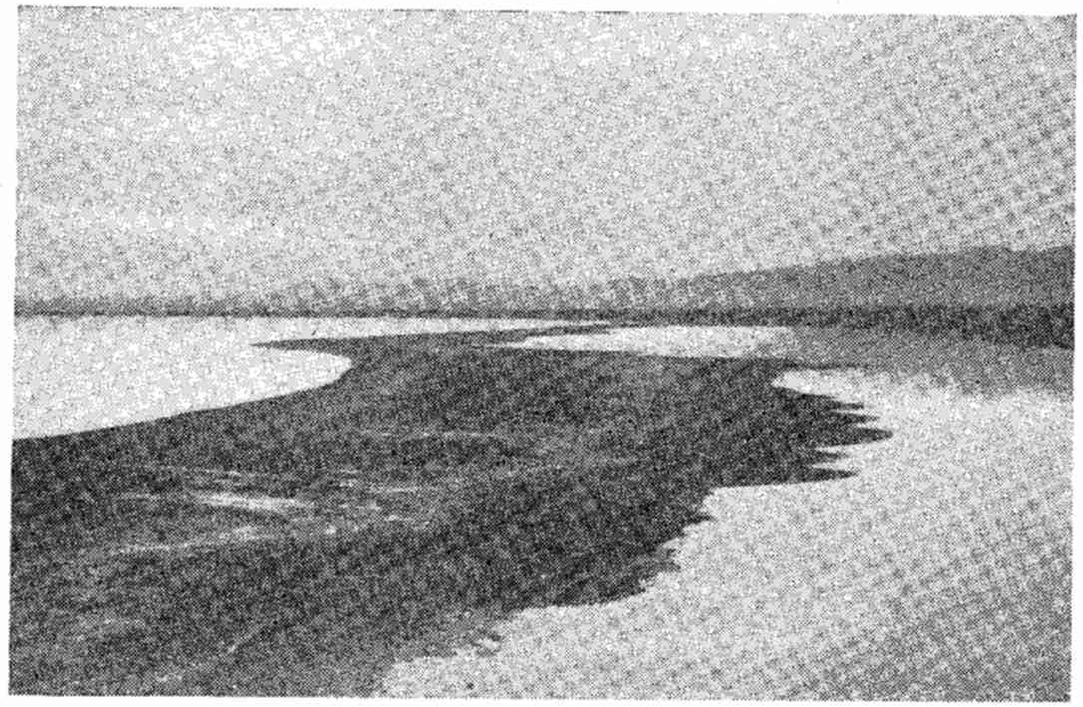
Первое стремление — скорее попасть к озеру. Но, поразмыслив, решаем проехать сначала к подножию Хан-Хухэя и оттуда начать исследование всей приозерной равнины.

Начинается трудный и тряский путь — чем выше, тем больше щебня и крупных камней, принесенных с гор. Гладкая на первый взгляд поверхность перерезана глубокими узкими оврагами длиной в пять-семь километров.

Проходит часа три, прежде чем удается преодолеть десять километров, отделяющие нас от склонов Хан-Хухэя. Наконец мы поднялись над озером метров на пятьсот, и отсюда оно видно как на ладони, несмотря на огромную величину. В длину вдоль Хан-Хухэя оно протянулось на 75 километров, а площадь его 1400 квадратных километров.

Далеко на юге виден большой залив Хиргис-Нура, получивший название как самостоятельное озеро — Айрыг-Нур. Это в какой-то мере справедливо.

Вода в Айрыг-Нуре в отличие от Хиргис-Нура пресная, потому что залив заполнен водами, приносимыми



Тихо и спокойно озеро Хиргис-Нур в час вечернего заката

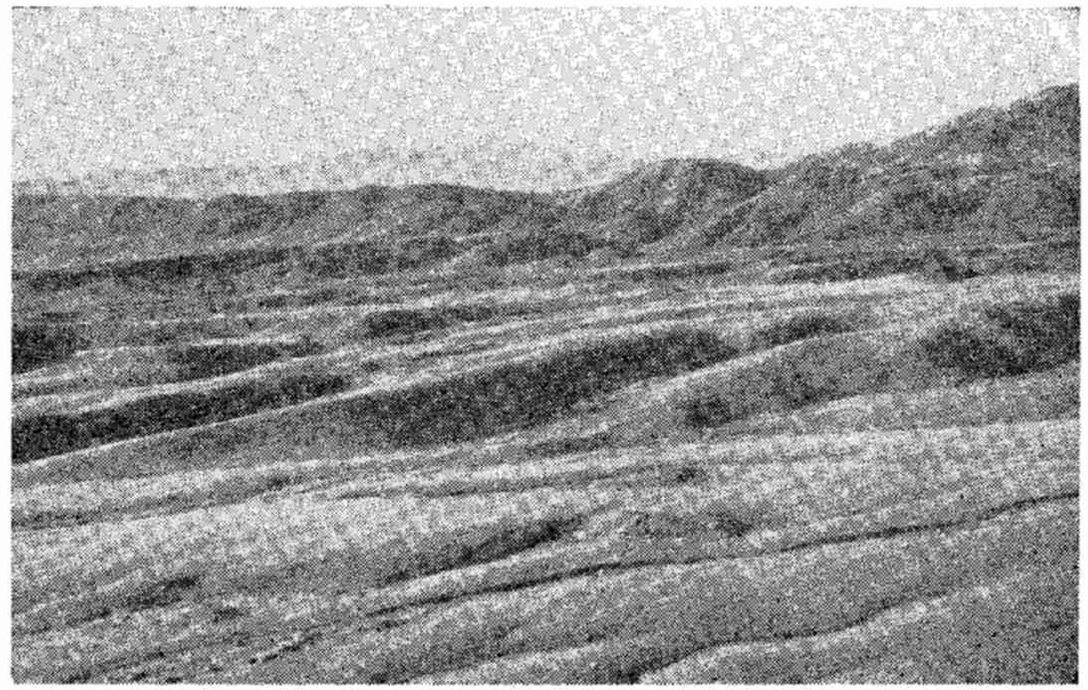
рекой Дзабхан. Кроме того, вода в заливе другого цвета; она — свинцово-серая и весьма резко отличается от сверкающей и переливающейся всеми оттенками синего цвета глади Хиргис-Нура.

Можно часами любоваться переливами ни с чем не сравнимой синевы Хиргис-Нура. Порой кажется, что это гигантское водное зеркало не только отражает солнечный свет, но излучает свой собственный...

Такой эффект объясняется своеобразием солевого состава вод озера. В каждом их литре растворено 7,4 грамма солей. Это в два с лишним раза больше, чем в Черном море, и в два раза, чем в открытом океане. Отличается озеро и по соотношению растворенных солей. Если в морской воде поваренная соль составляет 77 процентов от общего количества растворенных солей, то в Хиргис-Нуре ее доля лишь 30 процентов.

Но самое замечательное то, что в озерной воде более 50 процентов глауберовой соли и около 10 процентов соды, тогда как в океане этих ценнейших продуктов практически нет.

Я невольно вспоминаю огромное значение нашего Кара-Богаз-Гола для химической промышленности — такой же



Пустыня безраздельно господствует на склонах хребта Хан-Хухэй у берегов озера Хиргис-Нур

важной сырьевой базой станет в будущем для Монголии Хиргис-Нур.

В бинокль отчетливо видны протянувшиеся одна над другой древние береговые линии — следы былых более высоких уровней воды в озере. Я пробую считать их, но на двадцать седьмой сбиваюсь со счета.

Освобожденные от вод Хиргис-Нура земли тянутся на 15 километров в глубь от берега. Большие прибрежные озерные валы местами приподняты на высоту в 40 метров, кое-где еще выше, а в этом месте они расположены на 140 метров выше современного уровня вод.

Неужели так сильно высохло озеро? Нет, конечно! Причина этого опять же — тектонические силы. Хан-Хухэй, поднимаясь, как бы отжимает от себя воды озера, и Хиргис-Нур постепенно «кочует» — восточный берег его уже переместился вдоль хребта на 15 километров к западу.

Спустившись к самому берегу озера, мы разбили свою палатку на прибрежном песчаном валу у неподвижных, стихших к вечеру синих вод. В вечернем небе догорала заря, и над нами уже бесшумно сновали летучие мыши. Я перевел взгляд на воду, еще отражавшую в себе пламя вечерней зари, и увидел силуэты спящих лебедей. На всю жизнь оста-

нется у меня в памяти эта волшебная картина... Но вот все скрыла ночная темь, потянул свежий бриз и где-то вдали зашумели волны. А через полчаса умиротворенное, было, озеро уже кипело у наших ног...

Здесь так: через полчаса все по другому!

К УБСА-НУРУ

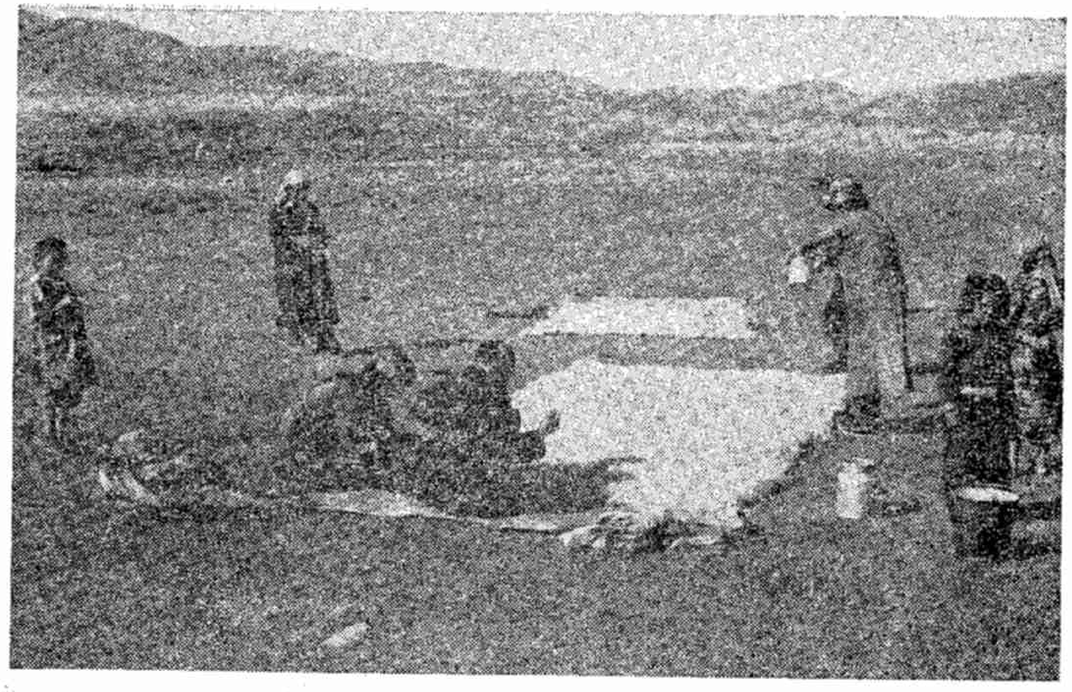
Целый день с трудом пробирается наша машина по крутым холмам, загромоздившим весь северный берег Хиргис-Нура. Только к вечеру мы пробиваемся к западному окончанию озера — в широкую низину, по которой когда-то воды Хиргис-Нура сообщались с Убса-Нуром.

Пустынная бурая равнина затянута желтой дымкой. Это результат бушевавшей здесь какой-нибудь час назад пыльной бури. Ее клубящийся водоворот ушел на юг, и мы еще видели этот грязно-рыжий вал, скрывавший от нас горизонт.

Среди пологих ложбин то там, то тут пробиваются родники, сливающиеся в небольшую речку, которая вскоре образует небольшое озеро перед плоским увалом, перегораживающим долину. Здесь впервые за два дня мы видим белые юрты монгольских аратов и направляемся к ним. На этот раз мы попадаем к *дюрбетам* — западным монголам. Рядом с ними в этих местах кочуют также *мянгаты* и *торгоуты*.

Дюрбеты отличаются от монголов-халхасцев более выпуклым профилем лица и густыми черными бровями. Несколько отличен и их язык. Очень живописен национальный наряд дюрбетов. Темно-красная шерстяная шляпа-кивер украшает голову каждого мужчины, каждой женщины. Белые дубленые шубы расшиты яркими узорами. Ноги дюрбетов обуты в черные, также богато расшитые монгольские сапоги-гутулы с острыми загнутыми вверх носками. Этот наряд дополняется у женщин массой цветных лент, вплетенных в их толстые смоляно-черные косы. Дюрбеты лихие наездники, и женщины в этом не уступают мужчинам. Поднять рукой с земли веревку, пролетая мимо нее галопом, считается здесь обыкновенным делом.

Сейчас, осенью, дюрбеты переселились на более закрытые места и заняты выделкой кошмы на зиму. По сторонам мы видим белые квадраты овечьей шерсти, разостланные в степи, и между этими своеобразными коврами катим по хорошей дороге к центру Убсунурского аймака — городу Улангому.



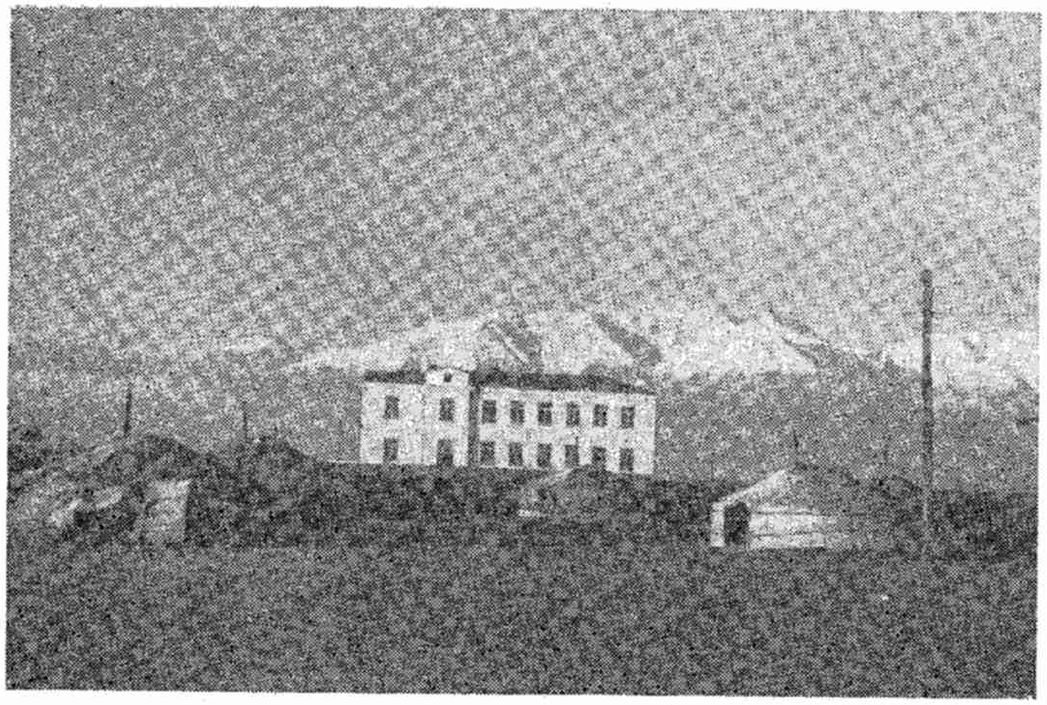
Дружно работает аратская семья, готовя кошму из овечьей шерсти под открытым небом в степи

Этот своеобразный город показался через два часа пути. Он раскинулся на месте древнего ламаистского монастыря у подножия красного холма, одиноко стоящего среди подгорной равнины. Отсюда город и получил свое название: Улангом — Красный холм.

Улангом — настоящий ключ к Монгольскому Алтаю — через него идут все дороги, связывающие между собой озерные котловины Хиргис-Нура, Убсу-Нура и нагорные плато Монгольского Алтая.

Мы минуем большую бензобазу и оказываемся в городе. В его облике заметно уже что-то среднеазиатское: везде глинобитные заборы — дувалы, встречаются плосковерхие глинобитные дома, то там, то здесь проложены арыки. Дополняют картину и зеленые насаждения. Особенно красива центральная улица, радующая глаз рядами стройных тополей. Жители города заботятся о его озеленении. За один лишь год на улицах Улангома было высажено около двух тысяч деревьев. Среди зданий в центре города выделяются Дворец культуры, школа-десятилетка, краеведческий музей.

В Улангоме наиболее развиты производства, связанные с переработкой сельскохозяйственных продуктов. Убсунур-



У самого подножия Монгольского Алтая стоит город Улангом. Видно новое здание школы-десятилетки

ский аймак — район, где земледелием занимаются около 2000 лет.

Уже к концу прошлого века Улангом стал центром мукомольной промышленности и торговли мукой. В городе и его окрестностях работало до 30 водяных мельниц, построенных на текущей через Улангом реке Хархира. Но сейчас осталось всего несколько действующих мельниц, остальные заменил и во много раз превзошел по выработке мельничный комбинат, недавно сооруженный с помощью советских специалистов.

...Я уже несколько недель в Монголии, но еще не могу сносно объясняться по-монгольски. До сих пор особых затруднений от этого не испытывал — переводчиками были мои спутники. Но вот здесь, в Улангоме, и им порой приходилось искать посредников для разговора с местными жителями. Дело в том, что население Убсунурского аймака многонационально. Преобладают здесь дюрбеты, и мои товарищи по путешествию, монголы-халхасцы, с трудом понимают местный диалект. Еще хуже они объяснялись со встретившимися нам в городе представителями народности мянгаты.

Дюрбеты в Улангоме

Примерно в равном со мной положении оказались Сурэн, Дорджи, Лубсан и Сандан, когда мы побывали в сомоне Тариалан, населенном *хотонами* — выходцами из Средней Азии.

Тариалан (что значит «Пахотные поля») расположен в десяти километрах к юго-западу от Улангома на реке Хархире. Здешнее хотонское сельскохозяйственное объединение «Заря» засевает зерновыми тысячу с лишним гектаров и имеет свыше 500 гектаров сенокоса. Поголовье скота «Зари» составляет 15 тысяч голов.

В сомоне — клуб, медпункт, школа, в которой дети хотонов обучаются на своем родном языке.

Здесь же в Тариалане находится крупный госхоз, возделывающий четыре тысячи гектаров посевной площади.

Земледелие здесь поливное, и для орошения используют воды стекающей с гор Монгольского Алтая Хархиры. Минуя Улангом, она широко разливается по предгорной долине, образуя множество рукавов, которые далее дробятся арыками, несущими влагу на поля... Вода реки разбирается полностью, и уже через 15 километров после ее выхода на равнину русла ее сухи.

Обработка полей здесь начинается в начале мая, когда производится первый полив. Затем следует пахота и посев, которые заканчиваются к середине мая. Вторая поливка полей проводится дней через двадцать после первой. Сеют здесь преимущественно пшеницу и ячмень двух сортов — пленчатый и голый. Для ячменя обычно довольствуются пятью, для пшеницы семью поливами посевов. Урожай убирают в сентябре.

ОЗЕРО УБСУ-НУР

Многовековое занятие местного населения земледелием нашло отражение и в его эпосе. Убсу-Нур в переводе означает «Дурное озеро». По преданию, богатырь Сартактай хотел соединить озера Убсу-Нур и Хара-Усу; начал копать: бросит лопатой землю, вынутую из канала,— гора, еще бросит — снова гора; тридцать три раза копнул и отбросил, и вышло тридцать три горы, составляющие группу Хан-Хухэй. Однако вода не пошла из Убсы; после каждого удара лопатой она бросится из озера, но тотчас назад уйдет. Тогда Сартактай осердился, бросил работу и сказал: «Будь же тебе имя Убсу-Нур! (Субса-Нур)*.

Мы отправляемся на это Дурное озеро. В двух километрах к северу от Улангома дорога поднимается на крутой перевал, и нашему взору предстает великая водная равнина, покрытая белыми гребешками волн. Дует пронзительный северный ветер. Кругом по горизонту из туманной дымки выступают высокие горы: Алтай, Танну-Ола, Сангилен. Над горами клубятся свинцовые тучи, и озеро кажется таким же свинцовым, а иногда почти черным — совсем, как Черное море во время шторма.

Начинается 30-километровый спуск к озеру по покатой приозерной равнине. Километрах в десяти от берегов Убсу-Нура наша машина сворачивает с дороги и попадает в заболоченную низменную местность, заросшую камышом, усеянную солеными озерцами и болотцами. Везде соль да желтый камыш, отчаянно трепещущий под северным ветром. Из болот поднимаются несметные тучи диких уток, совершающих свой осенний перелет на юг.

Добраться до озера довольно мудрено. Наша машина вязнет в сыром соленом иле. Ни дорог, ни троп! Кругом

* Субса — последний — самый плохой погон при производстве молочной водки.

Всадница мянгатка в Улангоме

камыш и камыш. Но вот после очередного барахтанья в соленой грязи наша машина вскарабкивается на заросший сухим чием древний береговой вал, сложенный мелким гравием. Этот вал идет наискосок к берегу, постепенно приближаясь к нему. Природная дорожная насыпь! И наша машина резво бежит по ней к недоступному, казалось, озеру. Вот, наконец, и Убсу-Нур!

Пенные водяные валы двухметровой высоты с ревом накатываются на песчано-галечный берег. В воздухе стоит неумолчный гул прибоя и свист ветра. Да ведь это же настоящее море!

Мои спутники монголы почтительно умолкают при виде разъяренной стихии. Они не привыкли к виду волнующегося моря. Что же! Это действительно, хотя и небольшое, но море. Его площадь 3423 квадратных километра. Вода его необыкновенно соленая. Она содержит 18,5 грамма солей в литре. Из них около 10 граммов приходится на поваренную соль, около 7 граммов — на глауберову соль, около одного грамма — на соду.

До сих пор еще ученые ломают голову в поисках ответа на эту загадку природы. Откуда столько соли накопилось в водах Убсу-Нура? Одни предполагают, что озеро размыли соленосные древние отложения, другие считают, что в Убсу-Нуре отложились все соли, ранее сброшенные в него из озер великой озерной лестницы Западной Монголии. Это было еще тогда, когда озеро Убсу-Нур соединялось с Хиргис-Нуром. И, наконец, третьи думают, что Убсу-Нур — это остаток огромного озера-моря, бывшего здесь миллионы лет назад, в третичном периоде, и передавшего свои соли в наследство озеру.

Убсу-Нур еще ждет своих исследователей, как ждут использования сотни миллионов тонн солей, растворенных в его водах. Это еще один будущий монгольский Кара-Богаз-Гол. Ведь один кубометр воды его может дать 18 килограммов ценного химического сырья, а горячее летнее солнце может испарить многие миллионы кубометров воды за лето.

Мне теперь ясно, почему озеро называется «Дурным». Конечно, его соленые воды не годны для полива посевов. Но что было бесполезным крепостному земледельцу, принесет огромную пользу свободному народу.

...Пора уезжать. Надо торопиться. Снег на горах напоминает нам, что зима на носу, а ведь дальнейший путь наш лежит через горы Монгольского Алтая.

СРЕДНИЙ ИЗ ТРЕХ АЛТАЕВ

Посмотрите на карту Азии. В самом ее центре с северо-запада на юго-восток более чем на полторы тысячи километров протянулась гигантская горная система трех богатырей — трех Алтаев. Она начинается на северо-западе в СССР. Горный Алтай высоко поднял свои снежные вершины Катунского и Чуйских хребтов, увенчанные горой Белухой (4506 м над уровнем моря). Плечом к плечу с ним в единой шеренге стоит Монгольский Алтай — страна неповторимых снежных гор и озер — поднявший на 4356 метров свою главную вершину — Куйтун в горах Табын-Богдо. Замыкающим в этой великой шеренге стоит Гобийский Алтай с его мрачными пустынными островными хребтами, с одиноко стоящими большими массивами, поднявшимися до высоты 3790 метров в горах Ихэ-Богдо (Большой святой).

Так вот, нам надо теперь взобраться на гигантскую горную стену Монгольского Алтая и проехать по ее зубцам около тысячи километров. Это предприятие требует серьезной подготовки нашей машины, и мы заезжаем на ремонт в автобазу Улангома.

Пока местные механики тщательно ремонтируют тормоза, прощупывают мотор, крепят фургон, мы беседуем со знатными шоферами — водителями грузовых автомашин. Шофер Очирин Гунсен на машине ЗИЛ-150 проехал около 150 000 километров без капитального ремонта, а Бадархын Авирмид на такой же машине — более 200 000 километров.

Наконец ремонт машины окончен. До предела доведены запасы бензина и автола. В 12 часов дня мы под дружеские напутствия новых знакомых выезжаем из ворот улангомской автобазы и берем курс на снежные горы Монгольского Алтая. Широкой укатанной дорогой наша машина идет по наклонной приозерной равнине, поднимаясь все выше и выше к отвесной стене передового хребта Монгольского Алтая — Хухудесте-Нуру.

Горы закрыты свинцово-серыми тучами — на Алтае идет снег, и оттуда дует пронзительный холодный ветер. Но здесь, на приозерной равнине, еще светит яркое солнце, и справа по ходу снова открывается изумительный вид на озеро Убсу-Нур. На этот раз оно не серое, а лазурно-голубое и, кажется, что до него совсем близко — километров пять, может быть семь. А ведь на самом деле до озера добрых шестьдесят! Вот как обманчивы здесь виды!

Алтай сурово встречает нас— начинает идти снег. Что, если нас опять застанет пурга в горах, как в Хангае? Ведь Алтай много выше Хангая! Как мы тогда будем форсировать его перевалы? Но пока наши опасения напрасны — снегопад заканчивается так же внезапно, как и начался, и снова над нами голубеет небо, светит яркое осеннее солнце. Дорджи запел свою любимую песню — значит, у него отличное настроение.

Мы переезжаем вброд реку Тургин-Гол, в которой набираем запас воды — полный сорокалитровый бидон, еще один бидон, еще чайник. Я немного недоумеваю, зачем нам столько воды? Сурэн объясняет, что на плоскогорьях Монгольского Алтая на протяжении десятков километров не встретишь пресных источников, а вода в озерах солоноватая и горько-соленая. Неизвестно, где еще придется нам ночевать, и вода, как и запас топлива, в этих безлесных и безводных горах никогда не помешает.

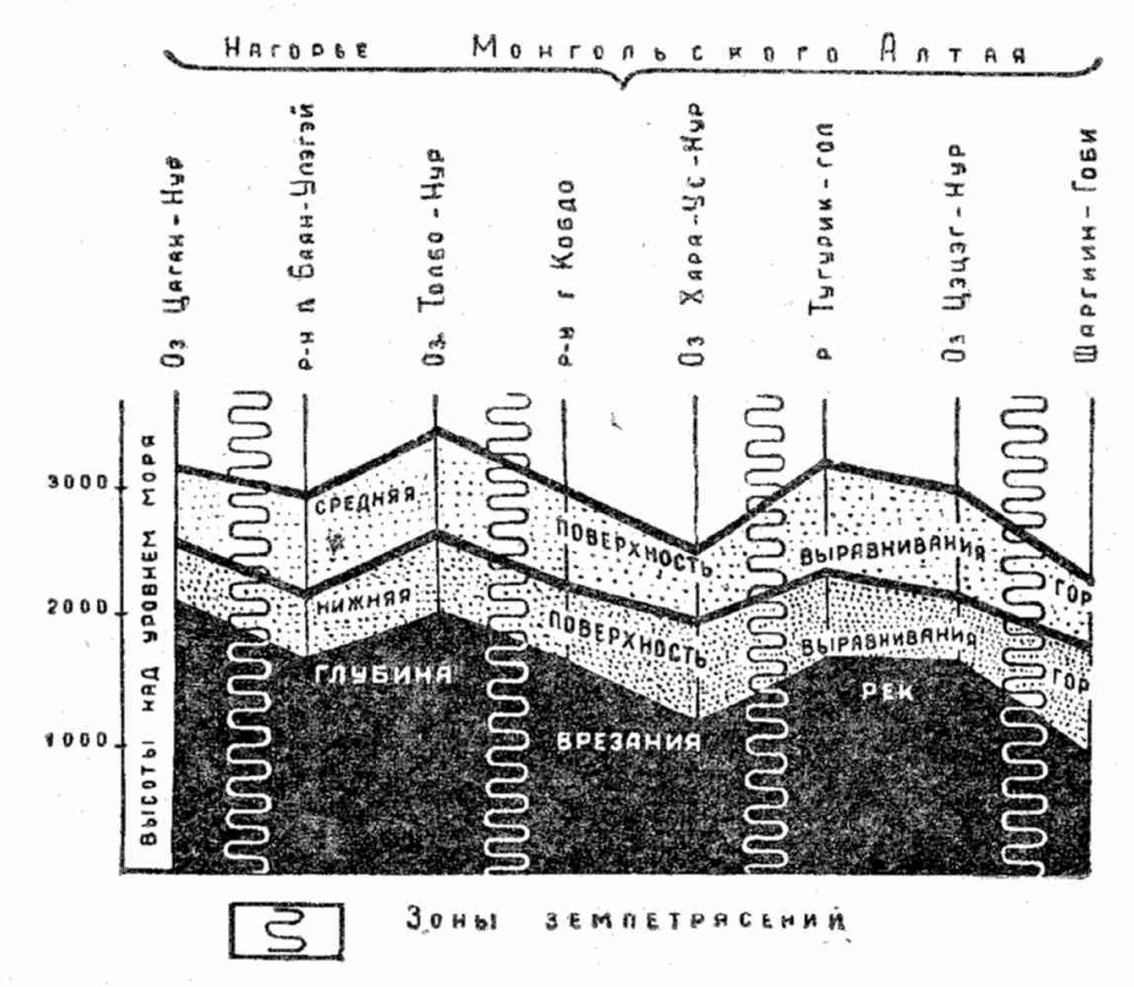
В 60 километрах от Улангома дорога поднимается к основанию крутой стены передовой цепи Монгольского Алтая и ныряет в узкое ущелье. Мы бросаем прощальный взгляд на озеро Убсу-Нур, которого уже больше не увидим, и углубляемся в горы.

Ущелье идет круто вверх. Временами наша перегруженная машина по два-три раза штурмует крутые бугры, на которые взбегает дорога.

Это ущелье — главные северные ворота Монгольского Алтая — ведет в высокогорную котловину соленого озера Урюк-Нур, расположенного близ границы Советского Союза. Подъем на Монгольский Алтай напоминает подъем на Хангайское нагорье, только дорога здесь круче, а ущелье теснее и глубже.

Наконец, содрогаясь всем своим корпусом, наша машина выползает на знаменитый Красный перевал — Улан-Даба—на высоте в две тысячи метров над уровнем моря. Справа по ходу подняла свои красные зубцы скал гора Хагиин-Ула (2469 м). На севере же встают хребты за хребтами, как исполинские волны окаменевшего моря. Все белым-бело от свежевыпавшего снега. Алтай встречает нас в белых одеждах — лучше бы он был одет попроще!

Грозно клубятся облака над горами. Над их гребнями бушуют метели, и в бинокль хорошо виден их неистовый дикий разгул. Однако здесь на перевале погода стоит сносная, если не считать ветра, который буквально валит с ног.



Современные поднятия земной коры на Монгольском Алтае

Словно исполинские волны вздымаются один за другим валы, секущие Монгольский Алтай, и землетрясения отмечают границы между ними

Начинается спуск с перевала в широкую чашеобразную котловину, из которой снова через узкое ущелье мы опять поднимаемся на нагорное плато, раскинувшееся на одном уровне с предыдущим перевалом. Ориентируемся на местности. На юге во всю свою четырехкилометровую высоту встает горный массив Хархира-Нуру (4116 м). Под неожиданно выглянувшим солнцем ослепительно сияют ледники. На севере поднялись черные громады пограничного с СССР хребта Шибету-Нуру.

Впереди в золотистой солнечной дали открывается депрессия межгорной котловины озера Урюк-Нур. Вокруг нас удивительный простор — везде высокие горы, между ними широкие плато. Дорога здесь отличная, и машина идет по приподнятым волнистым равнинам Монгольского

Алтая со скоростью 60 километров в час. Просто даже удивительно, что на Алтае это возможно!

Первое впечатление такое, что здесь была когда-то равнинная низкая страна с отдельными горными кряжами. А потом ее всю целиком осторожно подняли на полтора-два километра вверх, и вот равнины превратились в нагорные плато.

НАПЕРЕГОНКИ С ЗИМОЙ ПО МОНГОЛЬСКОМУ АЛТАЮ

Уже к самому вечеру мы прибываем на берега высокогорного горько-соленого озера Урюк-Нур, расположенного на высоте 1425 метров над уровнем моря. С заходом солнца начинает сильно примораживать. Резкий ветер с гор срывает брезент с кузова нашей машины.

Озеро Урюк-Нур — это большой перекресток горных дорог. Отсюда во все стороны расходятся пути в высокогорные районы Советского Алтая: вверх по реке Каргы, к массиву Тургени-Нуру, в котловину озера Ачит-Нур.

Вот почему на западном берегу озера имеется дорожная станция: несколько юрт, в которых за плату в один тугрик с человека можно переночевать, сварить обед и чай. Топливо предоставляется комендантом, что в здешних безлесных горах очень существенно, так как и аргала в степях тут тоже нет.

К ночи на станцию со всех сторон начинают одна за другой прибывать машины. Вскоре их скопляется более двадцати. Все юрты переполнены народом — нельзя ступить и шагу, чтобы не наткнуться на спящих. А машины все продолжают прибывать.

Утро преподносит нам неприятный сюрприз. С севера, с хребта Цаган-Шибету-Нуру, на Урюкнурскую котловину обрушивается снежная пурга. По своей силе она ничуть не слабее той, которая застигла нас на Хангае. Все дороги завалены метровой толщей снега. Что делать?

Дорджи предлагает скорее вернуться в Улангом и ехать оттуда на юг в город Кобдо не по горам Алтая, а по озерным котловинам. Лубсан горячо поддерживает это предложение — он говорит, что мы не проедем высокий перевал Оготор-Хамар-Даба, расположенный между котловинами озер Урюк-Нур и Ачиту-Нур.

Сурэн и Сандан, наоборот, считают, что на перевале снегу будет меньше, а может быть, и совсем не будет. Спор затягивается, страсти разгораются, и обсуждение грозит перейти в ссору. Я решительно становлюсь на сторону приверженцев «алтайского варианта», и Дорджи со вздохом подчиняется. С сожалением смотрит он вслед пяти встречным машинам, ушедшим в Улангом.

Остальные 15 машин, ревя прогреваемыми моторами, выстраиваются в шеренгу и стоят на месте. Никто не хочет ехать первым по снежной целине. Так проходит с полчаса. Шоферы смотрят на дорогу и подзадоривают друг друга шутками. Наконец какой-то задетый за живое насмешками молодой шофер вдруг неожиданно бросает свою машину вперед, следом за ним с места срываются еще две. Вся автоколонна мгновенно приходит в движение — теперь каждый норовит проскочить вне очереди. Дух соревнования охватил шоферов — позор, если он уедет с места последним! Мы попадаем на колею пятыми.

Начинается труднейший подъем по глубокому рыхлому снегу к перевалу Оготор-Хамар-Даба. Постепенно наша легче нагруженная машина догоняет и обгоняет одну за другой ушедшие вперед, а перед самым перевалом Дорджи выводит ее на снежную целину. Впрочем, здесь это уже не такой большой подвиг — чем выше, тем меньше на дороге снега. Да и пурга стихает. Показывается голубое небо. Сурэн оказался прав — на перевале снега почти нет — он весь выпал в озерной котловине. Мы же поднялись выше снеговых туч.

Штурмуя крутые подъемы, сползая по таким же крутым спускам, наша машина оказывается в 25 километрах юго-западнее озера Урюк-Нур, на том самом перевале Оготор-Хамар-Даба, о котором говорил Лубсан. Это — 2661 метр над уровнем моря. Так высоко мы с нашей машиной еще не поднимались!

Мы стоим на самом фронте наступающей зимы. Впереди, к югу от перевала, на полторы сотни километров просматривается залитая ярким солнцем обширная межгорная котловина с озером Ачит-Нур на востоке. Снега в ней нет и еще не было. В направлении на запад, уже в СССР, встают ослепительно белоснежные хребты Горного Алтая с горой Мунку-Хайрхан-Ула (3976 м) на первом плане. Слева во весь свой рост поднимаются грозные вершины Тургени-Нуру (3351 м) и Хархира-Нуру (4116 м).

И вот мы с изумлением видим, как и справа, и слева от нас по высотам Горного Алтая и хребта Тургени-Нуру

быстро двигаются на юг несметные эшелоны снеговых туч. Перед их фронтом бушуют метели, как будто от взрывов клубятся ослепительно белые кучевые облака. Горные вершины одна за другой на наших глазах исчезают в этой облачной громаде, неумолимо ползущей на юг и берущей в клещи котловину Ачиту-Нура.

Момент редкий — идет метеорологический фронт, неся с севера на юг суровую зиму. Мы оглядываемся назад. Котловина озера Урюк-Нур уже снова исчезла под лавиной снеговых туч. Через час эта лавина снова догонит нас.

Скорее, скорее вниз!

В это время одна за другой на перевал выбираются автомашины, которые мы обогнали в пути. Все они вместе с нами устремляются вниз по покатой плоскодонной долине. Машины несутся прямо по степи без дороги со скоростью в 50—60 километров в час. Передовые машины подняли такую пыль, что ничего не видно даже в 50 метрах.

Каждый шофер, обгоняя другого, громко смеется над ним. Дорджи тоже вошел в раж и повышает скорость до 70 километров, но тут все мы, к его большому сожалению, заставляем нашего водителя прекратить эту опасную гонку. Попутные машины вихрем проносятся мимо и исчезают в облаке поднятой ими желтой лёссовой пыли.

Мы же двигаемся не спеша, чтобы иметь возможность вести наблюдения. Кажется, на этот раз мы ушли от объятий зимы. Облачный фронт остановился перед межгорной депрессией Ачит-Нурской котловины, так и не нагнав нас.

МИРАЖ В ПУСТЫНЕ

Спустившись с гор, мы попадаем на безжизненную равнину, покрытую крупным щебнем. Кругом до самого горизонта простирается серая щебнистая пустыня. Нигде нет ни травинки, ни кустика, ни жилья, ни скота. Вся почва между щебнем выдута и унесена сильными ветрами, дующими здесь круглый год. Однако сейчас один из тех немногих дней, когда в Ачитнурской котловине полное безветрие. Поэтому нам становится даже жарко. А ведь каких-нибудь семь часов назад мы отчаянно мерзли под ледяным ветром и снежной пургой.

По каменистой пустыне мы доезжаем до реки Хуб-Усу-Гол, текущей с горы Мунку-Хайрхан-Ула в озеро Ачиту-Нур. Впрочем, рекой ее назвать сейчас нельзя. Это скорее

система сухих русел, в которых кое-где сочатся жалкие ручейки. Вдоль них тянутся заросли темно-зеленых кустов *караганы* отдаленно напоминающей тую. И эта темная колючая зелень, неожиданно оказавшаяся в пустыне, очень радует глаз.

Через 14 километров такой же каменистой пустыни достигаем другой системы сухих русел реки Бухэй-Мурэн-Гол, тоже впадающей во время половодья в озеро Ачиту-Нур.

Сейчас мы находимся на самом днище Ачитнурской депрессии. Здесь совсем жарко. Безветреная погода и яркое солнце дополняют своеобразую картину пустыни. Слева от нас показываются черные, покрытые пустынным загаром гранитные скалы Бухэй-Мурен-Нуру.

Но что это такое?! Скалы выдаются из огромного озера, по которому — мы все ясно видим это — гуляют большие волны. Почему же волны? Ведь ветра нет никакого? И что это за озеро? Ачит-Нур? Но до него отсюда 30 километров!

Не знаю, кто первый из нас произносит слово мираж, но что это так, всем теперь уже совершенно ясно. Дорджи останавливает машину, и мы в бинокли принимаемся разглядывать это диковинное явление. Даже в бинокль нельзя обнаружить, что яркое голубое озеро перед нами только оптический обман. Дорджи и Лубсан прямо-таки в восторге от этого. Впрочем, я тоже не отстаю от них!

Мы сворачиваем с дороги и степью едем по направлению к видению. Странное дело! По мере приближения мираж отодвигается от нас, а скалы, к которым мы подъезжаем, оказывается, стоят среди такой же щебнистой пустыни, как и та, по которой мы к ним приехали.

Но вот слабый ветерок, потянувший с гор, исказил вид голубого озера — оно заволновалось, расплылось и постепенно стало исчезать. С сожалением мы бросаем последний взгляд на потускневшую картину и возвращаемся к дороге.

В СТРАНЕ КАЗАХОВ

На крайнем западе МНР в горах Монгольского Алтая расположен Баян-Улэгэйский национальный аймак, созданный в 1940 году. Он населен казахами. В прошлом это был глухой, малодоступный край с малограмотным и неграмотным кочевым населением, которое вело полунатуральное хозяйство.

Сейчас во всех 14 сомонах аймака завершена коллективизация сельского хозяйства. С 1957 года начался переход казахов к земледелию и оседлому образу жизни. Создается разветвленная оросительная сеть для использования талых ледниковых и речных вод при поливе полей.

Председатели аратских объединений регулярно ездят в соседний Алтайский край СССР для освоения опыта колхозного строительства.

Все это рассказал нам подсевший в машину по пути в аймачный центр молодой арат из местного сельскохозяйственного объединения. В словах молодого казаха звучала гордость за свой народ, за преображенный край.

По узкому, очень глубокому ущелью вдоль бешено мчащейся реки Цаган-Нурын-Гол мы начали крутой подъем на главный горный массив Монгольского Алтая. Через 10 километров пути поднялись уже на 700 метров вверх над Ачитнурской котловиной и попали на обширное плоскогорье в районе сомонного поселка Цаган-Нур, расположенного на небольших озерах близ границы с Советским Союзом.

Цаган-Нур—первый крупный населенный пунктмонгольских казахов, который мы встретили на своем пути. Бросается в глаза типичный казахский облик многих домов, сложенных из самана с плоскими глинобитными крышами. Везде на улицах видны всадники в огромных лисьих шапках-малахаях с разноцветным верхом. Многие мужчины носят густые черные усы и бороды, что в Монголии можно встретить очень редко.

То и дело встречаются едущие верхом женщины в национальных черных халатах. На голове — длинная белая повязка, ниспадающая на спину, либо развевающаяся по ветру.

Вот по улице едут трое казахов-охотников с орлами-беркутами на плечах. Охота с беркутом на лису широко распространена среди монгольских казахов. Ценность охотничьего орла-беркута определяют его силой и умением нападать на зверя. Беркут свободно берет лису и зайца. Старые беркуты иногда отваживаются атаковать молодого волка.

Некоторые умелые охотники приучают беркутов охотиться парами. Два беркута легко осиливают даже матерого старого волка.

Обычно спущенный охотником беркут быстро набирает высоту, а затем, выследив бегущего зверя, камнем падает

на него сверху. Одной лапой с огромными когтями он вонзается зверю в морду, другой в спину. От охотника требуется лишь вовремя подоспеть к схваченному беркутом зверю, чтобы предотвратить порчу шкуры. Хорошие беркуты пользуются широкой славой, а об их подвигах охотники могут рассказывать часами.

Вот и сейчас, пока орлы спокойно сидят на плечах у своих хозяев, те, по-видимому, обсуждают достоинства какого-то из беркутов.

В Цаган-Нуре заканчивается знаменитый Чуйский тракт, идущий в МНР из Советского Союза через Алтай. Поэтому в сомонном поселке расположены таможенное управление и отделение госбанка МНР. В сомоне есть клуб и школа-семилетка. Как это все не похоже на старый казахский аул!

Из поселка дорога ведет по сухой долине через хребет Кара-Ланху на перевал Хойлигиин-Даба (2700 м над уровнем моря).

Отсюда становятся видны депрессия верхнего течения реки Кобдо и далеко за ней на горизонте снежные вершины Главного хребта Монгольского Алтая с массивом Табын-Богдо («Пятьдесят святых»). Он находится в том месте, где сходятся границы МНР, КНР и СССР.

Через два часа пути мы прибываем в город Баян-Улэгэй, привольно раскинувшийся на обширных песчаных террасах правого берега Кобдо — самой большой реки Монгольского Алтая.

Баян-Улэгэй представляет своеобразное смешение старых глинобитных построек с новыми каменными домами. Город быстро растет. Уже выстроены большие здания двух школ-десятилеток с интернатом и клубом, в котором работает Казахский музыкально-драматический театр. Бригады этого театра регулярно выезжают с концертами в селения на территории аймака. Закончен строительством аймачный радиоцентр.

На казахском языке издается газета «Жана амир» («Новая жизнь»). Создано областное издательство, выпускающее разнообразную литературу на казахском языке.

В стороне от города методом народной стройки построен прекрасный стадион на девять тысяч мест. В феврале 1958 года в городе был торжественно открыт памятник советским воинам и монгольским партизанам, погибшим в 1921 году в боях с белобандитами на озере Толбо-Нур. Это большой

обелиск с пятиконечной звездой. На нем по-монгольски и по-русски написано: «В память монгольским и советским партизанам, павшим в 1921 году в героическом сражении с белогвардейцами в районе озера Толбо-Нур».

НА КРЫШЕ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Дальнейший наш путь из Баян-Улэгэя лежит к этому высокогорному озеру Толбо-Нур, расположенному на высоте 2079 метров над уровнем моря среди крупнейших вершин Монгольского Алтая.

Главная алтайская дорога — большой благоустроенный Кобдосский тракт — выводит нас на высокое плоскогорье, поднятое на высоту около 2100 метров. Плоскогорье завалено гранитными валунами из перемытых ледниковых морен. То там, то тут мы видим мощные моренные гряды, сложенные валунами двух-трехметровой величины. Некоторые исследователи считают, что и само озеро Толбо-Нур произошло от подпруживания реки моренным валом.

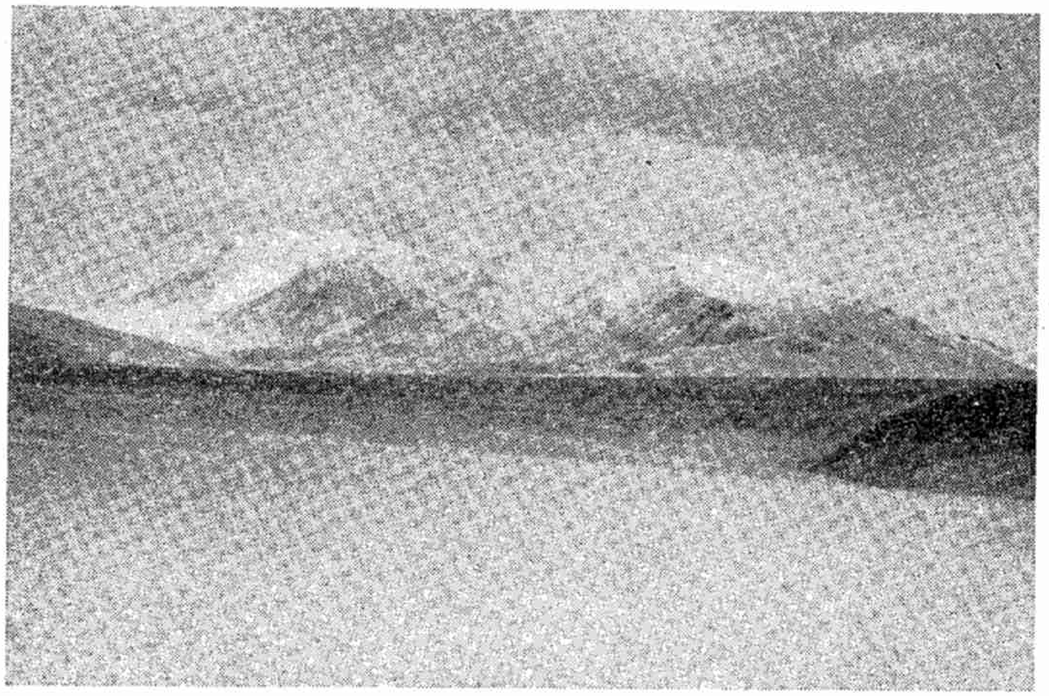
Кругом, куда ни глянь, видны огромные снежные вершины: на юго-западе это Ценгель-Хайрхан (3943 м), на юге Конасай-Ула (3578 м), на востоке Сайр-Ула (3981 м), на севере Хату-Ула (3920 м).

На юге разворачивается величественная панорама Главного хребта Монгольского Алтая, видного отсюда на протяжении более двухсот километров по его гребню.

А вот и озеро Толбо-Нур. Когда-то оно считалось священным.

Озеро встречает нас удивительно тихой погодой — его зеркальная гладь не шелохнется. Кажется, что это какое-то огромное зеркало, оправленное в раму из снежных гор, которые в нем отражаются. Берега озера покрыты солончаками и чахлой травой. Нигде не видно ни леса, ни кустарника. Темные скалы на берегах завершают пейзаж. Невольно проникаешься безграничным уважением к скромным труженикам — местным аратам, которые в этих суровых высокогорных условиях ведут смелые опыты по внедрению земледелия, добиваются отличных результатов по сбору урожая ячменя и овса.

Местное сельхозобъединение «Красная скала» славится в МНР своими достижениями в животноводстве. Численность обобществленного скота достигла в нем нескольких десятков тысяч голов.



Царством снежных гор предстает перед нами район гор Буратиин-Нуру в Монгольском Алтае

Озеро тянется в долине на 35 километров, а затем как-то сразу заканчивается у подножия увала, на который и взбирается дорога. Преодолев перевал Буратиин-Даба, мы оказываемся в самом сердце гор.

В непосредственной близости от дороги высится укутанная вечными снегами гора Сайр-Ула, поднявшаяся на 3981 метр. На севере всего лишь в 15 километрах от нее — снежные вершины Цаст-Ула (4208 м) и Хуху-Нуру (4020 м).

Этот горный узел — один из самых величественных на всем Алтае. Природа здесь отличается какой-то девственностью, и если бы не прекрасная дорога да телефонные столбы, то, право, мы не очень бы удивились встрече даже со снежным человеком.

Вот почему мы принимаем как должное и без всякого удивления разглядываем свежие круглые следы снежного барса — ирбиса, которые нам показывает Лубсан. Сурова и дика горная страна Монгольского Алтая в районе перевала Хашаани-Даба между горами Хуху-Нуру и Сайр-Ула. Действительно, а почему бы и не жить снежному барсу в этом царстве вечных снегов!

Уже совсем темнеет, когда мы, наконец, минуем границу Баян-Улэгэйского национального казахского аймака и попадаем в Кобдоский аймак. Еще через три часа впереди по ходу машины в темноте показываются яркие огни города Кобдо.

В ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЕ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Город Кобдо — один из старейших городов Монголии. Он упоминается уже в исторической хронике «Эрденийн Эрихэ», написанной монгольским летописцем Галданом в 1841 году. По данным этой летописи, город Кобдо был основан в 1718 году как маньчжурская крепость, запиравшая выходы из гор Алтая.

Первоначально город находился на реке Кобдо, откуда он и получил свое название, но потом из-за разрушительных летних наводнений его перенесли в 1762 году на 30 километров к югу, в долину притока Кобдо — реки Буянту-Гол.

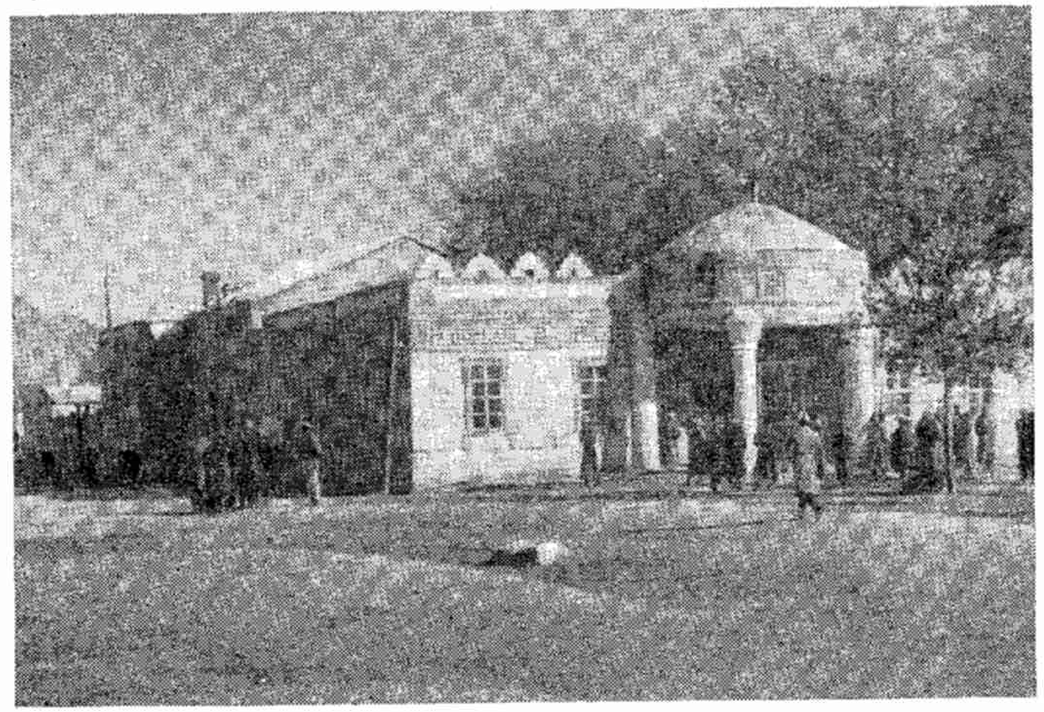
В 1766 году в городе Кобдо было учреждено высшее управление по делам западномонгольских племен: дюрбетов, мянгатов, *олетов*. Город был военно-колонизационным опорным пунктом маньчжуров.

Его история была бурной и изобиловала военными потрясениями. В 1869—1870 годах восставшие против маньчжуров жители Алтая дунгане дотла сожгли и разрушили город. Вторично он был разрушен повстанцами монголами в 1871 году. Наконец, уже во времена Автономной Монголии — в 1912 году город снова был разрушен из-за сопротивления войск маньчжурского гарнизона восставшим монголам.

Сейчас город Кобдо живет новой жизнью. Это большой населенный пункт, широко раскинувшийся на правобережных террасах Буянту-Гол у подножия больших гранитных скал. На его восточной окраине как символ темного прошлого стоят черные руины маньчжурской крепости.

Современный город застроен небольшими белыми зданиями легкого типа. Высоких многоэтажных зданий здесь строить нельзя, так как в районе Кобдо часто происходят сильные землетрясения, неоднократно разрушавшие постройки.

Благодатный климат северных предгорий Монгольского Алтая и обилие пресной воды, текущей с гор, давно сделали Кобдоский аймак центром земледелия. Само название реки



Красиво здание Кобдоского музыкально-драматического театра, построенное в старомонгольском стиле

Буянту означает по-монгольски щедрая. В окрестностях Кобдо население выращивает зерновые культуры и даже арбузы, которые славятся своим отличным вкусом.

В связи с широким развитием земледелия в Кобдоском аймаке, в Кобдо создан агрономический техникум.

Необычен для городов Монголии вид главной улицы в Кобдо. Она буквально тонет в густой зелени двухсотлетних тополей. Могучие деревья со стволами метровой толщины скрывают своими ветвями маленькие нарядные домики.

Очень красиво стоящее среди густого парка здание Кобдоского музыкально-драматического театра, построенное с соблюдением лучших традиций старомонгольской архитектуры. Коллектив театра проводит большую культурно-массовую работу на территории аймака, его выездные бригады дают концерты в самых отдаленных поселках.

Широко освещает жизнь города и всего аймака газета «Худулмур («Труд»).

В двух километрах к югу от города на берегу реки Буянту методом народной стройки, как и в Уланголе, построен прекрасный стадион на десять тысяч мест. Во время нашего посещения стадиона местные спортсмены готовились

к предстоящим соревнованиям по легкой атлетике. Это были араты, рабочие местного промкомбината, студенты техникума и школьники старших классов. Приятно было видеть, как уверенно и красиво выполняли монгольские спортсмены самые сложные и трудные гимнастические упражнения.

Директор стадиона с гордостью показывал нам достраивающийся плавательный бассейн. Он будет наполняться проточной водой из реки Буянту. Глубина ванны три метра, длина 30 метров.

Я вспоминаю, что плавание как вид спорта до сих пор мало распространено в Монголии. Из моих знакомых монголов только очень немногие умеют плавать. Поэтому нельзя не оценить всю новизну и важность проводимых в Кобдо спортивных мероприятий, которые охватывают все молодое население города.

Работают предприятия местного промышленного комбината. Бойко идет торговля в больших магазинах и многочисленных маленьких лавках. Совершенно преображен старый Кобдо, до революции бывший опорным пунктом военно-колонизаторской клики маньчжурских чиновников.

У ОЗЕРА ЧЕРНЫХ ВОД

Главная река монгольского Алтая — река Кобдо — широко разливается у подножия растущего хребта Джаргаланту-Нуру и образует Озеро Черных Вод, или Хара-Ус-Нур.

Много есть озер в Монголии, но ни одно из них не похоже на другое — в каждом неповторимы цвет воды и пейзаж берегов. Неповторим и облик Хара-Ус-Нура. Оно по красоте своей смело может соперничать с самыми прославленными озерами мира!

Темный цвет Хара-Ус-Нура оттеняется панорамой снежных вершин хребта Джаргаланту-Нуру. Джаргаланту — по-монгольски счастливый. Как могучий великан, стоящий над драгоценной чашей воды у самого края пустыни, возвышается этот хребет над озером двухкилометровой стеною. Ярко желтеют на солнце грандиозные обрывы, рассеченные сотнями глубоких ущелий. А на западе в фиолетовой дымке далеко-далеко виднеется другой такой же великан — Алтан-Хухэй («Золотой хребет»), выдвинувший к самому озеру свой передовой отрог — гору Халцзан Хайрхан-Ула («Прекрасная гора»).

С давних времен район озера Хара-Ус-Нур был центром оседлого земледельческого населения. В районе Эрдени-Буриин в 150 километрах от озера из реки Кобдо на отметке 1129 метров над уровнем моря ответвляется древний оросительный канал. Он был построен около 1300 лет назад во времена тюркского каганата.

Диву даешься искусству древних ирригаторов, сумевших провести канал по горам так, что он пересекал несколько русел реки Буянту-Гол и выводил воды Кобдо на высоту в 100 метров над озером Хара-Ус-Нур.

Буянту-Гол впадает в реку Кобдо, и можно сказать, что древние оросители заставили воды Кобдо впадать в ее собственный приток!

Из канала вода распределялась по всей приозерной наклонной равнине. Сейчас идет восстановление древней ирригационной сети. На первых пятидесяти километрах канал уже снова действует и орошает сотни гектаров полей. Кстати говоря, на старых топографических картах этот канал почему-то неправильно назван Валом Чингис-хана.

Известный русский путешественник Г. Н. Потанин пишет про этот канал: «Близ города Кобдо, на равнине озера Хара-Усу, на правом берегу реки Кобдо тянется естественная рытвина в направлении, удаляющемся от реки; эта рытвина приписывается местными жителями Сартактай-батыру, который будто некогда вырыл канал от озера Хара-Усу до Пекина и в один день по нему ездил в этот город» *.

Озеро Хара-Ус-Нур — последнее большое озеро на пути осеннего перелета птиц из Сибири в Индию. Поэтому Хара-Ус-Нур — это как бы сборный пункт, на котором формируются несметные стаи водоплавающей птицы перед беспосадочным перелетом над безводными пространствами Кашгарии и Тибетского нагорья.

Огромные стаи белоснежных лебедей, серых азиатских гусей, пестрых уток-крохалей, уток-крякв кружатся в воздухе над спокойными водами озера, плещутся в прибрежных камышах.

Здесь прямо-таки рай для охотника! Но местное население почти не охотится на птицу — сказываются вековые традиции. Поэтому дикая водоплавающая птица на озере Хара-Ус-Нур совсем не боится людей и домашнего скота.

* Г. Н. Потанин. Путешествие по Монголии. М., 1948.

Вот и сейчас шагах в пятидесяти от юрт, стоящих на берегу озера, спокойно разгуливает стадо диких гусей. А рядом ездят верховые, гонят отары овец и табуны лошадей. Прямо картинка из жизни рая.

А вон там, поодаль, обособленно от других птиц гуляют красавицы белые цапли. Сколько важности в этой птице, когда она медленно вышагивает по мелководью, то и дело погружая свой длинный клюв и голову в воду в поисках пищи.

Впрочем, это не мешает цапле зорко наблюдать за окружающим. И не думайте приблизиться к ней! Осторожная птица сейчас же начинает уходить, а потом и улетает.

Нам даже посчастливилось видеть двух черных лебедей, которые в противоположность их белым собратьям никак не подпускали нас к себе.

Итак, озеро Хара-Ус-Нур во многих отношениях замечательное озеро. Оно самое пресное из великих озер Монголии. Сухой остаток солей в литре воды не превышает здесь 0,25 грамма. Вспомните, что в озере Убсу-Нур содержание солей достигает 18,5 грамма.

В жарких областях Западной Монголии огромное водохранилище Хара-Ус-Нура площадью 1700 квадратных километров,— основа народнохозяйственного развития этого безводного края.

ПРЕДДВЕРЬЕ ГОБИ

Весь юг Монгольской Народной Республики — это одиночные высокие хребты среди необозримых слабоволнистых равнин — полупустынь, называемых *гоби*.

Пустыня и горы расположены здесь бок о бок. Это соседство с пустыней изменяет и самые горы, а близость гор накладывает особый неповторимый отпечаток на пустыню. Особенно своеобразны участки гоби в больших котловинах среди гор Гобийского Алтая.

Перевалив через несколько высоких заснеженных хребтов, пробившись через дикие ущелья, по которым извивается старая улясутайская дорога, наша машина очутилась, наконец, в огромной круглой котловине Шаргин-Гоби, окруженной со всех сторон высокими хребтами.

Когда вы стоите на предгорьях хребта Судай и смотрите на восток, то вашим глазам предстает как бы огромный стадион—настолько правильные эллиптические очертания имеет котловина Шаргин-Гоби. Только вместо трибун здесь покатые подгорные равнины, наклоненные к центру котловины. Они опоясывают внешнее кольцо гор сплошной лентой в десять километров шириной. А полем этого стадиона служит горизонтальное днище котловины, занятое солончаками. В самом центре их находится соленое озеро Шаргин-Цаган-Нур,

Картина перед нами величественная и, я бы сказал, живописная. Представьте себе ярко-красное кольцо гор, в котором заключены золотисто-желтые покатые равнины, сменяющиеся в центре ослепительно-белыми и какими-то розоватыми солончаками.

Пустынная степь покрыта редкими чахлыми кустиками сухолюбивой травки. Кустики ее распределены настолько редко и настолько равномерно, что создается впечатление какой-то культуры, только что взошедшей на полях и сразу засохшей. Однако это не поля, а целина, совсем еще не тронутая человеком. Золотистый наряд пустынных степей гоби создает эта блеклая и невзрачная на первый взгляд травка.

А вот кое-где в кустиках видно такое же невзрачное растение — монгольский сульхир, или верблюжье вымя (кумарчик песчаный Agriphyllum gobicum). Это своеобразный хлеб пустыни. С незапамятных времен жители пустынных степей гоби собирали мелкие блестящие семена сульхира. По своей питательности они мало чем уступают пшенице — особенно неулучшенным ее сортам. 100 граммов семян сульхира соответствуют по питательности 343 большим калориям, то есть той же цифре, что и 100 граммов пшеничной муки.

В сухих семенах содержится 17 процентов белков, 10 процентов жиров и 60 процентов углеводов — преимущественно крахмала. Масло, полученное из семян сульхира, по своему вкусу напоминает подсолнечное, а по качеству приближается к кунжутному, которое используется в кондитерском производстве и служит лучшим заменителем прованского масла. Семена сульхира собирают в сентябре, когда они еще не совсем дозрели. Затем их вялят и сушат, потом проваривают в соленой воде, снова сушат и, наконец, поджаривают. Приготовленная таким образом крупа идет в пищу для варки питательной маслянистой каши, либо для толокна.

На золотистом фоне степи вправо от дороги вдруг возникают какие-то черные силуэты.

Мои спутники приходят в большое оживление. Оказывается, пасутся антилопы-дзерены (Gazella dutturosa).

Я беру фотоаппарат на изготовку... Как вдруг, словно из-под земли, из какой-то лощинки на полном аллюре выносится стадо сайгаков (Saiga tatarica). Эти горбоносые песочного цвета животные кажутся на первый взгляд неуклюжими. Но это только кажется — еще никто не обгонял сайгаков в степях Монголии. Лучшие монгольские скакуны-чемпионы остаются далеко позади обыкновенного, так сказать, рядового, сайгака. Стадо их несется сейчас по степи наперерез нашей машине со скоростью курьерского поезда. Антилопа сайгак — удивительный пример приспособления животного к «жизни на бегу». Ноги буквально «кормят» и, тем более, спасают его от врагов. Он развивает скорость до 72 км в час, преодолевая огромные пространства пустынных степей в поисках воды и корма.

И не думайте догнать сайгака, даже на автомашине! Его мощная иноходь, в которой то правые, то левые ноги точно рассчитанными движениями, как пружины выбрасывают тело вперед. Голова его низко опущена, кажется будто сайгак несется в атаку на врага.

А посмотрите на его горбатый нос. Он хотя и не украшает обладателя, даже делает его похожим на карикатуру, но, тем не менее, представляет собой удивительно целесообразное приспособление для жизни «на бегу». Это воздушная камера, в которой предварительно согревается воздух во время морозных монгольских зим. Не будь этого горба на носу, сайгак за полчаса бега отморозил бы себе легкие.

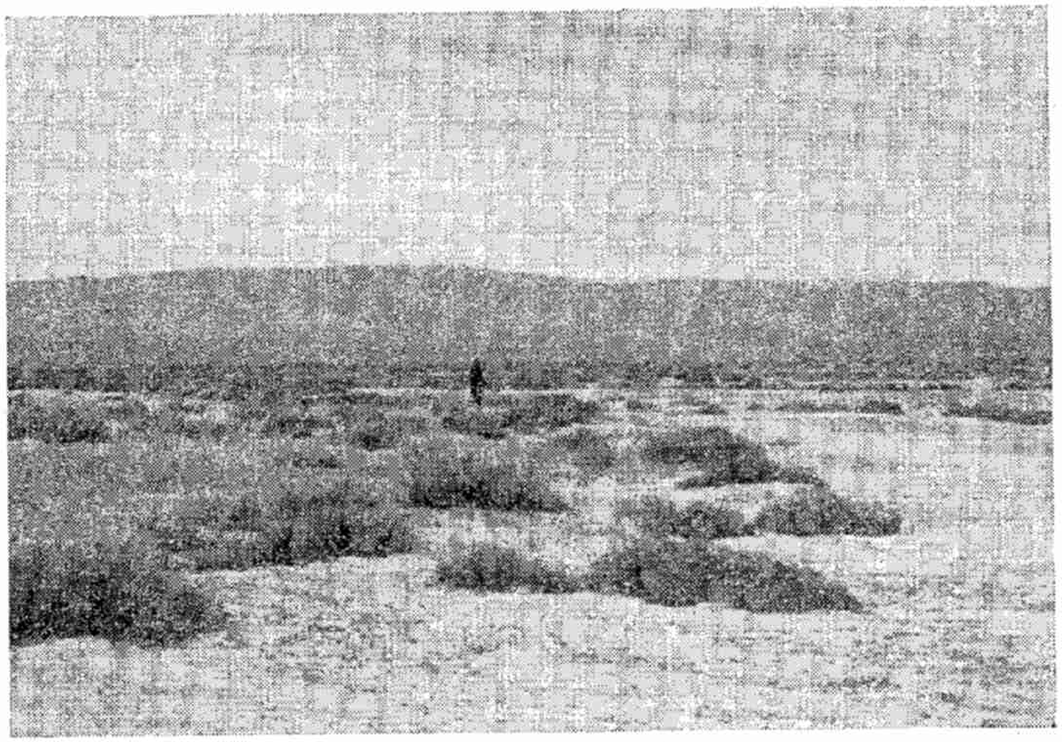
Сайгак ценен вкусным жирным мясом, а рога самцов издревле славились в китайской и монгольской народной медицине, как целебное средство.

Дорджи резко тормозит машину.

Я поспешно делаю снимок за снимком без особой надежды на хороший результат — глаз не успевает засечь в видоискателе бегущих животных.

Густое облако желтой лёссовой пыли, гонимое попутным ветром, догоняет нас и скрывает все вокруг. Когда оно рассеивается, ни дзеренов, ни тем более сайгаков нет и в помине.

На далеком горизонте, у самых гор, мы видим то там, то тут все новые и новые группы пасущихся животных. Заслышав шум нашей машины, они уходят.



Белы как снег отложения соли на дне высохшего озера Шаргын-Цаган-Нур в Шаргын-Гоби

Солнце поднимается на безоблачном небе все выше. Становится жарко, как летом.

К полудню наша машина выезжает на плоское, покрытое песками и солончаками, заросшее редким саксаулом днище котловины.

Дзагом называют саксаул монголы. Это железное дерево пустыни. Древесина его так плотна, что ее удельный вес достигает 3,2 в сыром и 1,01 в сухом состоянии. Небольшой чурбак саксаула весит столько же, сколько охапка сосновых дров. Саксаул тонет в воде. Его теплотворная способность равна 3660 калориям — не менее, чем у бурого угля.

Дитя пустыни — саксаул, как и верблюд, не может жить без соли. Ее содержание в нем настолько велико, что ветви его приобретают соленый привкус. Ни одно животное не станет есть саксаул. Лишь после того как его ветки как следует промерзнут, голодные верблюды изредка едят их.

Кривой и изломанный, такой твердый, что он с трудом рубится топором, саксаул как бы символизирует собой пустыню.

Словно сказочный великан сложил эту стену из базальтовых лав на берегах реки Дзабхан у Цаган-Олом-сомона

Но нам некогда любоваться этой корявой символикой, напоминающей изображения деревьев на картинах абстракционистов. Саксаул хрупок, и он легко ломается, образуя острые обломки. Проколоть на них шины — это самое обычное дело. Поэтому каждый куст саксаула приходится объезжать насколько позволяют сыпучие пески.

В 200 метрах от озера Шаргин-Цаган-Нур, которое блестит на солнце, как бы покрытое молодым, только что замерзшим льдом, Дорджи останавливает машину.

Мы подходим к берегу. Но что это! Соль?! Пласт чистой соли вместо воды начинается от берегов и теряется вдали. Я пробую спуститься на ее поверхность. С хрустом проваливаюсь сквозь соляную корку. Нога ступает как будто в вату, под коркой лежит пухлая, белесая глина. После каждого шага поднимается столб белой соляной пыли и обдает нас с ног до головы. И так на втором, на третьем, на сотом шагу. Через пять минут мы, как мукой, осыпаны тончайшей соляной пылью. Идти трудно, как по свежевспаханному полю. Проходим так около километра и обнаруживаем, что

озеро Шаргин-Цаган-Нур высохло все до дна. Это бывает здесь периодически.

Мы возвращаемся к машине и выбираемся по древнему береговому валу обратно на дорогу, а через полчаса приезжаем в сомонный поселок, расположенный в устье реки Шаргин-Цаган-Гол, текущей в озеро с горы Лебедева.

Река, как и озеро, пересохла, но поселок обеспечивают водой мощные артезианские колодцы. Под засоленной котловиной Шаргин-Гоби, стекая с окрестных гор, скопляются пресные воды, так необходимые для жизни в этих бескрайних пустынных пространствах.

Поход за завоевание целинных земель Шаргин-Гоби уже начался. Котловину обследуют отряды монгольских почвоведов. Им помогают специалисты из СССР. Борьба с пустыней разгорается. За один только год у нее было отвоевано 600 гектаров плодороднейших земель, на которых посеяли ячмень и пшеницу. Урожаи в среднем составили более 10 центнеров зерна с гектара. В степях работают сенокосилки местной машинно-животноводческой станции.

Пустыня отступает шаг за шагом под натиском науки и социалистического хозяйства.

Наш путь лежит далее на север, через главную реку Западного Хангая — реку Дзабхан, текущую в тектоническом провале, занятом базальтовыми лавами.

ПО ГОБИ В ДОЛИНЕ ОЗЕР

Между Хангайским нагорьем на севере и Монгольским и Гобийским Алтаем на юге на 600 километров протянулась с запада на восток Долина Озер. Собственно говоря, долиной назвать ее можно только условно, так как ширина этой полосы с относительно пониженным рельефом достигает 50—100 километров.

Эта гигантская впадина между Хангаем и Гобийским Алтаем образовалась, по-видимому, недавно вследствие быстрого роста гор, ограничивающих ее с севера и с юга.

Четыре брата — четыре реки Южного Хангая, как в ловушку, попали в эту долину. Это с запада на восток: своенравный красавец — буйный Байдариг-Гол, вполне под стать ему шумливый Туин-Гол, более тихие Тацаин-Гол и Онгин-Гол. Каждая из четырех рек образует у подножия

Гобийского Алтая свое бессточное озеро: Бон-Цаган-Нур, Орог-Нур, соленое озеро-болото Тацаин-Цаган-Нур и озеро Улан-Нур.

А с Гобийского Алтая не течет ни одной реки: пустыня сушит там горы своим жарким дыханием.

Долина Озер это уже настоящая Гоби с большой буквы, хотя и окраина ее. Здесь все уже как в самой Гоби. И кто знает — может быть, именно к этим землям относятся вдохновенные слова монгольской былины... «Ровно высятся семьдесят двойных осыпавшихся красных песков, по которым прославленный конь не может проскакать из конца в конец. Расстилаются тридцать три великих пространных гоби, которые здесь рожденный витязь не может обойти кругом. Расстилаются обвеваемые ветром прекрасные черные увалы, которые не пройдешь — иди хоть целые месяцы; восемь желтых степей затягиваются мглою, восемь радостных желтых степей, которые не пройдешь — иди хоть целые годы.

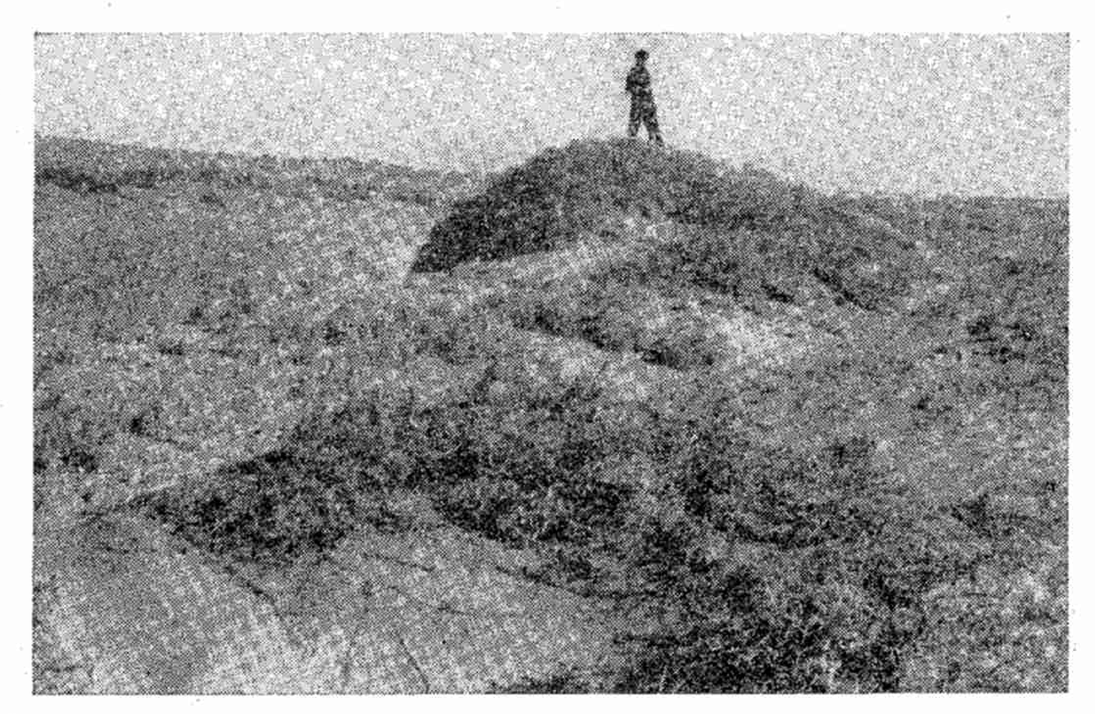
Такая прекрасная, блаженная была страна...

...Степная полынь и ковыль повырастали вместе, и в тучной, высокой траве совсем не было, говорят, пустого промежутка — пространства. Ревут в поисках пищи силой страшной обладающие дикие звери, шумят и поют звонкоголосые птицы, шестидесяти родов жаворонки чирикают и забавляются, семидесяти мастей антилопы идут, пасясь, одна за другой.

Вот всерадостная, прекрасная отчизна, вот как говорят о ней!»

Эти слова нараспев произносит Сурен и выразительно смотрит перед собой в голубеющие дали великой Гоби. И мы, очарованные былиной, невольно ищем глазами «семидесяти мастей антилоп», вслушиваемся, не раздастся ли пение «шестидесяти родов жаворонков».

А вот и они — эти монгольские жаворонки (Melanocorypha mongolica). Несмотря на позднюю осень, птички заливаются звонкими трелями, трепеща в воздухе на одном месте. Недаром Пржевальский посвятил этой певунье следующие меткие слова: «...Монгольский жаворонок есть лучший певун Средне-Азиатской пустыни. В этом искусстве он почти не уступает своему европейскому собрату. Кроме того, он обладает замечательною способностью передразнивать голоса других птиц и часто вклеивает их в строфы своей собственной песни. Поет, поднимаясь вверх, подобно



Сыпучие бугристые пески с кустами хармыка на них создают особый ландшафт на берегах озера Орог-Нур

нашему жаворонку, а также часто сидя на каком-нибудь выдающемся предмете, например камне или кочке»*.

Жаворонок здесь не одинок. Чем дальше едем мы в глубь Гоби, тем чаще и чаще перед нами срываются с места и уносятся в стремительном полете огромные стаи серых птиц величиной с ворону. Это знаменитая гобийская *саджа*, или пустынник, или, как еще называют его, копытка (Syrrhaptes paradoxus).

Сотни этих птиц ловко маневрируют в воздухе, одновременно описывая в нем самые замысловатые петли и делая вдруг резкие развороты. Их молниеносно несущаяся стая напоминает эскадрилью реактивных самолетов. Но по земле пустынник бегает очень плохо, вероятно, вследствие особого строения ног, пальцы которых срослись между собою, а подошва подбита бородавчатою кожей, отчасти напоминающей пятку верблюда. Саджа — настоящее дитя пустыни. Она гнездится прямо на земле, среди безводных сыпучих песков, вдали от воды и ежедневно летает на водопой за 10—12 километров. Жаркое солнце пустыни и горя-

* Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. СПб., 1875—1876.

чий песок с успехом помогают самке высиживать яйца, не давая остыть им во время длительных отлучек птицы из гнезда.

Молодые пустынники осенью собираются в многотысячные стаи и отправляются в дальние края в разные страны. Несметные полчища их налетают, как саранча, на посевы и сады Китая, Средней Азии, Ирана. Передовые отряды их добираются даже до Балкан и Италии.

Чем ближе подъезжаем мы к Гобийскому Алтаю, тем больше чистых песков, принесенных когда-то реками с Хангая. Их волнистые гряды полузакреплены здесь *хармыком*, или селитрянкой Шобера (Hitraria Schoberi).

Своеобразна в пустыне борьба растений за существование. Как спрут, обвивает хармык песчаный бугор своими корнями и, прильнув к нему, всеми своими ветвями распластывается на песке.

Ночью при резком падении температуры, даже в исключительно сухом воздухе пустыни в песчаном бугре конденсируется влага. Пусть ее будет совсем немного — хармык довольствуется малым и процветает. Густая и колючая его зелень плотно укрывает спасительный бугор песка, ежедневно приносящий столь необходимую влагу.

Вот как описывает его А. Н. Формозов:

«...Хармык живуч, ветвист, колюч, коренаст. Пустынные ветры, разгулявшись над просторами, уносят далям желтые песчаные тучи, день за днем выметают мелкие частицы, отшлифовывают ими оставшиеся на земле щебень и гальку, сантиметр за сантиметром углубляют голые неприкрытые пространства. Хармык плотно оплетает корнями, стережет ветвями тот участок, на котором сидит. Новый песок может здесь задержаться, но тот, который захвачен кустом, остается лежать на месте. И вот в итоге длительной борьбы между кустарником и ветром, последний завладевает песком промежутков и открытых участков, оставляя тысячи песчаных муравейников под зелеными шапками хармыка. Между ними он роет каналы, разрисовывает пески нежным струйчатым рисунком, сглаживает их и снова разрисовывает. Под корнями кустов роют норы мохноногие тушканчики, из тех, которым щетка волос на ступне помогает скакать по мягкому, сыпучему грунту, совсем не проваливаясь, мелкие хомячки Роборовского, черноглазые пустынные ежи»*.

* А. Н. Формозов. В Монголии, М.— Л., 1928.

Так приспособляются растения к условиям пустыни. А как же живут здесь животные?

Вот среди песков ходит стадо полуодичавших верблюдов. Что пьют они здесь?! Оказывается, ответ на этот вопрос очень сложен.

Верблюд дает нам уникальный пример приспособления крупного животного к условиям безводного существования. И дело заключается прежде всего в жире. Ученые-биологи установили, что жир при своем окислении в организме дает необходимую для поддержания жизни воду. Верблюд крайне экономно расходует воду. Его тело покрыто густой шерстью, надежно защищающей его от перегрева солнечными лучами. Кроме того, верблюд может, оказывается, изменять нормальную температуру своего тела. Летним утром температура у него равна только 34 градусам, а в полдень она доходит уже до 40,7. Человек при такой температуре уже метался бы в горячечном бреду, а верблюд чувствует себя нормально. Вместо того чтобы испарять воду и охлаждать тем самым свое тело в жаркую погоду, он повышает его температуру, сохраняя воду в организме.

В условиях пустыни, путем постепенного приспособления в бесчисленной смене поколений, верблюд выработал в себе и другие замечательные способности. Он очень долго обходится без питья. Если гобийские овцы могут обойтись без питья максимум три дня, то верблюды не пьют 10—12 дней и даже не теряют при этом своего аппетита. А зимой во время морозов верблюд может не пить еще дольше.

Верблюд легко может переносить сильное обезвоживание своего организма. Если человек потеряет 20 процентов воды, содержащейся в теле, то он неминуемо погибнет. Верблюд же может потерять до 40 процентов воды и выживет. Эта способность безболезненно терять много воды присуща всем животным пустыни. Кроме того, верблюд приспособлен к быстрому поглощению колоссальных количеств воды за один раз. За четверть часа верблюд может выпить более ста литров воды. В два дня эта вода из желудка полностью распределяется по телу верблюда.

Кровь и другие жидкости в организме верблюда так разбавляются водой, что другие животные при этом неминуемо бы погибли. А верблюду ничего не делается.

Помимо всего этого, верблюд приспособлен к использованию азотных веществ, содержащихся в весьма низкока-

чественных кормах. Он выделяет очень мало мочевины с мочей и вновь использует ее с своем желудке.

Все эти особенности верблюда позволяют ему уходить очень далеко от источников воды и находить корма там, где другие животные пропитаться не могут.

Вот что такое верблюд с точки зрения приспособляемости к пустыне! Немного можно найти других животных, которые так же хорошо переносили бы безводные условия существования.

Правда, некоторые живущие в Гоби мыши и пустынные тушканчики могут вовсе обходиться без воды, поедая совершенно сухой корм. Но их никак нельзя сравнить с верблюдом размерами, и для человека они бесполезны.

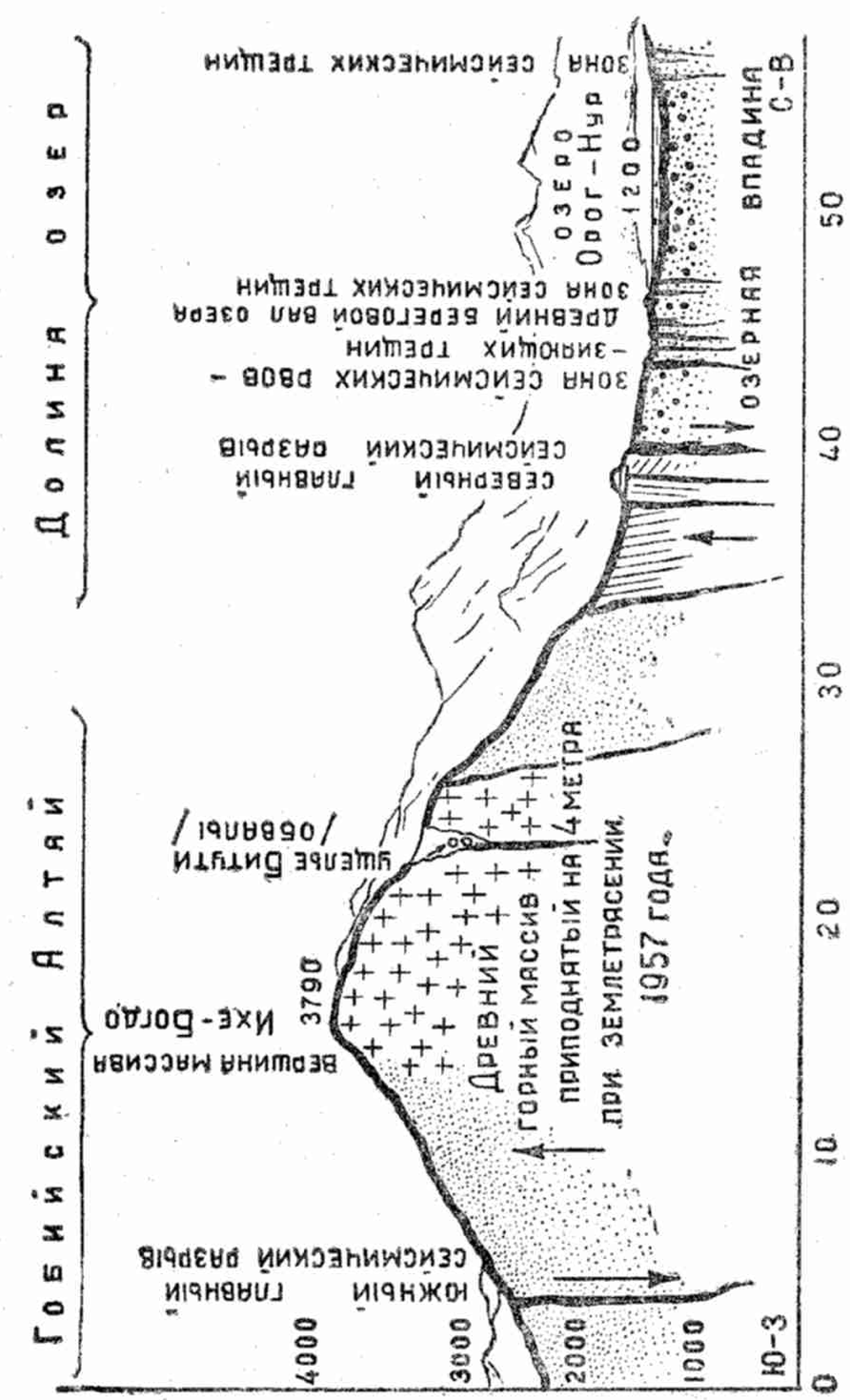
ПО СЛЕДАМ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ В ГОБИЙСКОМ АЛТАЕ

Странное впечатление производит Гобийский Алтай на впервые увидевшего его человека. Обычно горы бывают окружены предгорными возвышенностями, которые переходят во всхолмленную равнину. Совсем не то в Гобийском Алтае. Горы начинаются здесь как-то сразу. Они вздымаются исполинскими глыбами, которые, как бы играя, какой-то великан разбросал среди гобийских равнин.

Да это и на самом деле так. Только не сказочный батыр разбросал их здесь, а неотвратимые геологические силы, вечно изменяющие земную кору, подняли вверх по разрывам эти ее обломки.

Гобийский Алтай растет и поднимается, как и другие величайшие хребты Монголии: Хангай, Монгольский Алтай, Хан-Хухэй, Хэнтэй. Но Гобийский Алтай растет по-своему: не сплошным горным массивом, как, например, его собрат Алтай Монгольский, а отдельными гигантскими глыбами. Вот и поднялись некоторые из них почти на четыре километра над уровнем моря и более чем на 2600 метров над соседней Долиной озер.

В Гобийском Алтае есть несколько шеренг таких расчлененных гор, которые как бы торопятся обогнать одна другую в росте. Первенство пока держит группа гор Гурван-Богдо, что означает по-монгольски Трое Святых. Это горы Ихэ-Богдо (Большой святой — 957), Бага-Богдо (Малый святой — 3590 м) и Арца-Богдо (Можжевеловый святой — 2453 м).



Геологический разрез через хребет Ихэ-Богдо и озеро Орог-Нур

Словно молотом раздроблен горный хребет и поднят вверх во время землетрясения 4 декабря 1957 года

По-видимому, не случайно несколько сотен лет назад местные жители обожествили эти горы. Не раз и не два происходили около них грандиозные землетрясения. И разве мог кочевник тех далеких времен объяснить эти грозные явления иначе, чем выражением гнева могущественных божеств?

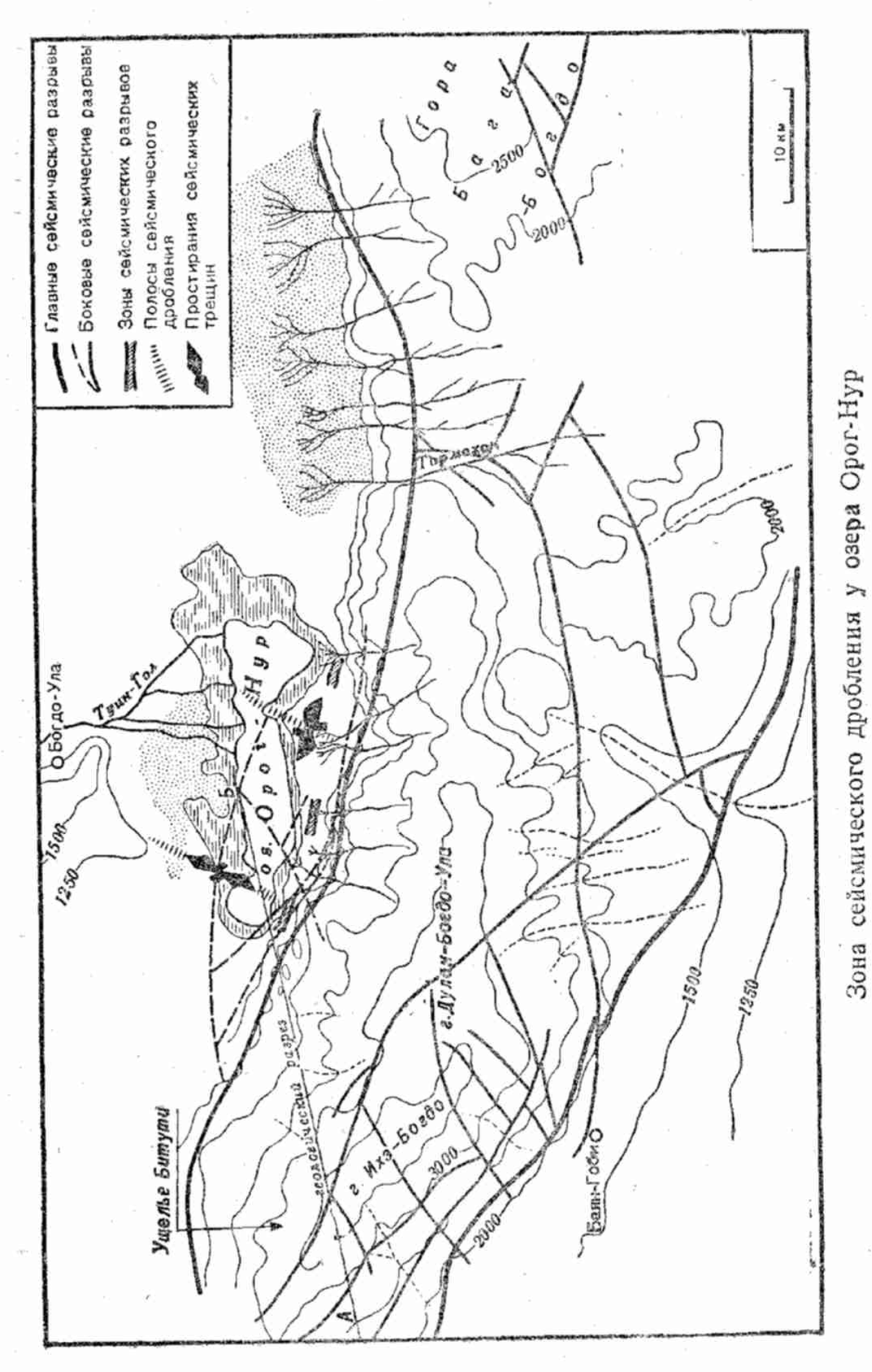
Рост гор сопровождается землетрясениями. Сильнейшее десятибалльное землетрясение произошло в Гобийском Алтае в 1902 году. А 4 декабря 1957 года опять произошло грандиозное землетрясение, которое продолжалось с перерывами до 20 декабря. Отдельные подземные толчки ощущались здесь даже в январе и феврале 1958 года. Вот как рисуется это катастрофическое землетрясение по рассказам и описаниям очевидцев.

Утром 4 декабря 1957 года в 11 часов 39 минут со стороны Бага-Богдо внезапно раздался подземный гул, перешедший в оглушительный грохот. Подземные удары были подобны артиллерийским залпам из нескольких тысяч орудий. Они следовали один за другим через промежутки времени в 8—10 секунд. После пяти таких ударов Бага-Богдо совершенно скрылся в огромном облаке красно-желтой пыли, поднятой горными обвалами.

Бага-Богдо как бы начал эту адскую перекличку. Через полминуты ему ответил Ихэ-Богдо — там тоже послышался глухой подземный гул и раздался оглушительный грохот. Гора также вскоре скрылась в облаке пыли. Немного спустя «заговорила» и гора Баян-Цаган-Ула, расположенная в 100 километрах западнее Ихэ-Богдо. Землетрясение распространилось с молниеносной быстротой в направлении с востока на запад.

Облака пыли, окутавшие Бага-Богдо и Ихэ-Богдо, соединились и затмили солнце. В ста шагах нельзя было различить белых юрт. Лишь через четыре дня пыль немного осела, и из красно-желтой мглы показались силуэты успокоившихся гор.

Землетрясение повлекло многочисленные разрушения. В поселке Богдо-Ула, расположенном севернее озера Орог-Нур, при первом же ударе рухнуло здание начальной школы, и под ее обломками оказались и учителя, и ученики. К счастью, убитых не было, только некоторые получили ранения и ушибы. Председатель первого бага Баянульского сомона арат Санчи, которого землетрясение застало на равнине южнее Ихэ-Богдо, видел, как во время подземных ударов песок на дюнах как бы кипел.



Зона сейсмического дробления у озера Орог-Нур

По реке Туин-Гол при первых же ударах прокатился высокий водяной вал. Он взломал лед на реке и с ревом устремился в озеро. Земля вокруг дала по берегам озера трещины и разверзлась.

Ужас охватил животных, в том числе и диких. С горных пастбищ Ихэ-Богдо и Бага-Богдо в панике бежали все дикие козы и архары. Несколько дней они скитались по окружающим горы равнинам, прибивались к стадам домашнего скота. Однако потом природа взяла свое, и беглецы все, один за другим, постепенно преодолев страх, вернулись в родные горы.

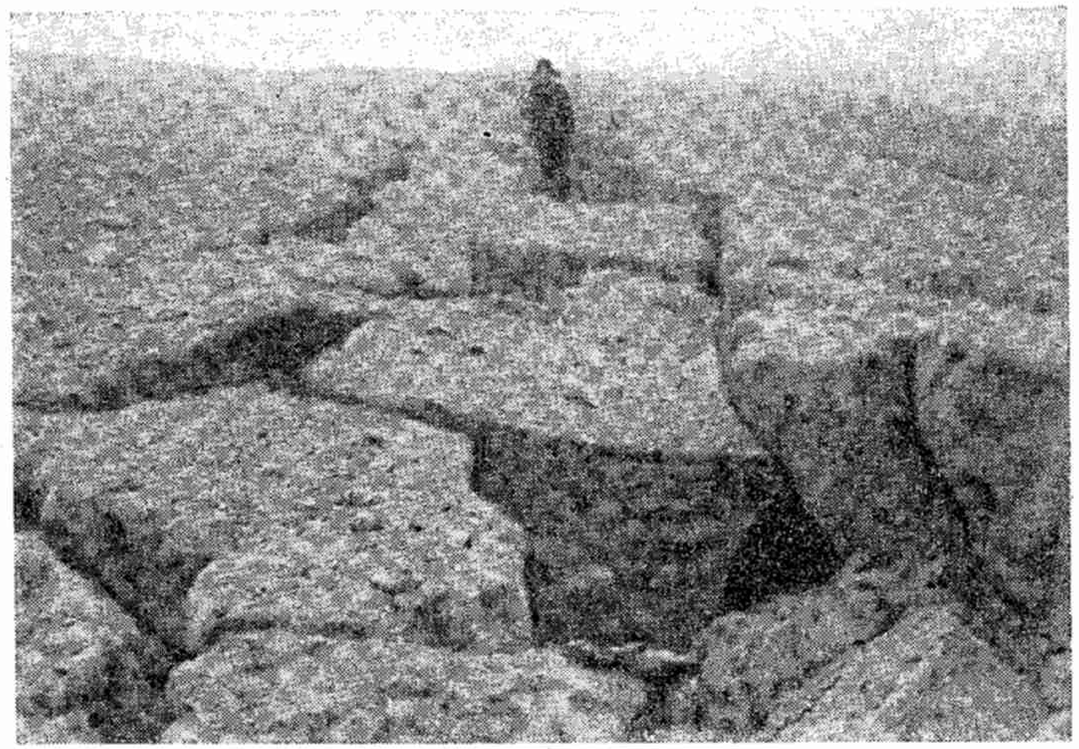
Землетрясение охватило территорию не менее чем в миллион квадратных километров. В 500 километрах от Ихэ-Богдо в Улан-Баторе сила землетрясения достигла шести баллов. Там качались дома, трескалась и осыпалась штукатурка. В более же близких к району землетрясения аймачных городах сила толчков была еще большей. В зоне эпицентра она достигла 11 баллов (по двенадцатибалльной системе). Это была катастрофа мирового значения. Только отсутствие больших селений в пустынной зоне эпицентра предотвратило гибель тысяч людей.

В результате землетрясения весь хребет Гурван-Богдо с горами Ихэ-Богдо и Бага-Богдо вновь поднялся на полтора метра над Долиной Озер. Большие участки местности в несколько километров длиной оказались подвинутыми на пять-семь метров к востоку. Весь район был испещрен зияющими трещинами. Главные трещины обрубили хребты Гурван-Богдо и Баян-Цаган с севера и с юга. Северный разрыв земной коры протянулся на 350 километров, южный — на 220. Оба главных разрыва сопровождаются меньшими, тянущимися еще дальше.

Такую зону дробления встречаем мы на северном берегу озера Орог-Нур. Дорогу преграждает большая, слегка извилистая канава, более полуметра шириной, до краев заполненная водой. Стенки этой канавы описывают резкие зигзаги, но остаются параллельными одна другой. Эта сейсмическая трещина рассекает весь низменный берег озера.

Мы пробуем определить глубину трещины длинным шестом, но дна не достаем.

Через 20 метров канава-трещина пересекается другой, такой же, потом еще и еще одной. На берегах озера трещины образуют сплошную сеть. Весь северный берег раздроблен. По некоторым трещинам участки берега до 50—100 метров



Как будто гигантским молотом раздроблена земля сейсмическими ударами в урочище Торомхон

длиной сдвинуты на 50—60 сантиметров то в одну, то в другую сторону.

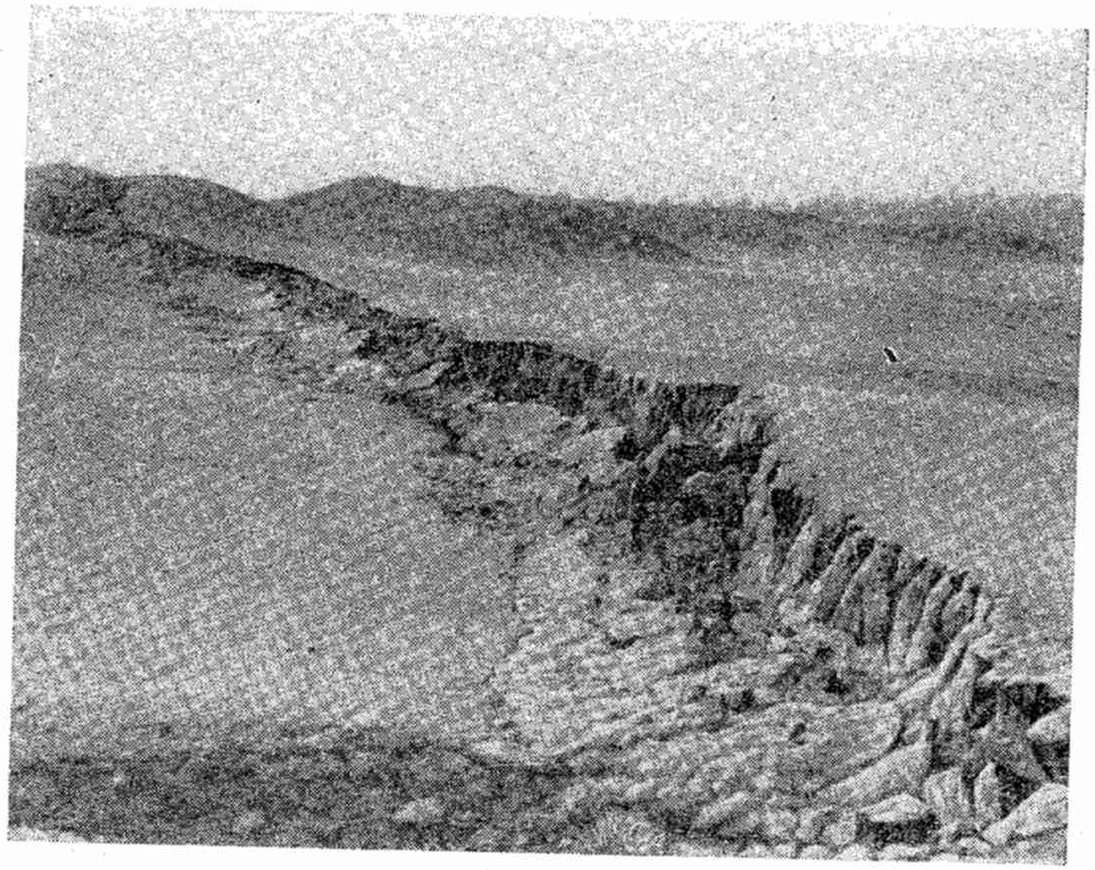
Мы переезжаем на южный берег озера. Он тоже раздроблен, но картина здесь иная и еще более внушительная. Большие глыбы земли опущены здесь между трещинами на пять-шесть метров вниз. Ширина таких провалов достигает 10—20 метров, длина — сотен метров.

Наша машина, с трудом лавируя между раздробленными глыбами, медленно пробирается вперед.

Встречные всадники — араты местного сельскохозяйственного объединения рассказывают нам, что на этом самом месте во время землетрясения погибла целая отара овец. Трещина пересекла скотопрогонную тропу, по которой бежали в это время обезумевшие от страха овцы. Все они провалились под землю. Пастухи ничего не могли поделать. Да и не до овец им было. Они сами едва остались живы!

Мы направляемся к подножию крутого склона Ихэ-Богдо. Здесь пролегает зона главного северного разлома.

Огромная трещина рубит горы и скалы, не считаясь с их крепостью. Как будто гигантским мечом рассек их неве-



По этой трещине надвинулся Ихэ-Богдо на Бага-Богдо, образовав уступ в 10 метров высотой

домый сказочный великан. Нешуточное дело, когда горы снова начинают расти!

Один десяток километров за другим проезжаем мы вдоль этой трещины и везде видим исковерканную, покоробленную землю, застывшую в страшных судорогах.

Так доезжаем до урочища Торамхон, разделяющего горы Ихэ-Богдо и Бага-Богдо. Здесь на юг ответвляется боковая трещина. Она сомкнута, но производит еще более грандиозное впечатление, чем главная. Дело в том, что по этой трещине происходило надвигание всей горы Ихэ-Богдо на Бага-Богдо. Поэтому торомхонская боковая трещина не зияющая. Она плотно сжата, и западная ее стенка на 10 метров выше восточной. Как будто гигантским бульдозером сдвинуты с запада земляные бугры в 15—20 метров высотой и до 100 метров длиною.

Вот это мощь! Геологи подсчитали, что энергия, выделяемая при подобном землетрясении в одну секунду, равна непрерывной работе Днепрогэса в течение 350 лет.

НА ЮЖНОМ ХАНГАЕ

Конец октября даже в Южной Монголии — время поздней осени. Впрочем, осень здесь своеобразна. Ночью примораживает, а днем яркое солнце заливает гобийские степи таким светом, что, глядя на голубое небо, думаешь не об осени, а о весне. И в унисон этим мыслям из разных уголков несутся неумолчные трели монгольских жаворонков.

Но все же нет-нет да и дохнет своим ледяным дыханием зима, свалившись свинцовыми тучами с Хангая в Гоби. В такие дни как-то страшно смотреть из солнечных степей на суровый хребет, а еще страшнее думать о том, что нам снова предстоит преодолевать горные перевалы.

Однако медлить уже нельзя — пора в обратный путь, в Улан-Батор. Мы проехали пять с половиной тысяч километров по горам Монголии, и этот тяжелый путь дает себя знать усталостью.

Морозным утром мы выезжаем с Гобийского Алтая в направлении на город Арбай-Хэре — центр Убур-Хангайского (Южнохангайского) аймака МНР.

Быстро бежит наша машина по каменистой степи, ровной, как столешница. Все ближе и ближе горная стена с клубящимися над ней свинцово-серыми тучами.

На Хангае опять идет снег! Что это такое, мы уже знаем, но утешаем себя тем, что Хангай здесь не северный, а южный. Сурэн смеется:

— Может быть южный снег будет теплее северного?

Мы минуем большую пологую впадину с высохшей рекой Тацын-Гол. Начинается очень пологий подъем к Южному Хангаю. По мере того как мы поднимаемся над уровнем моря, воздух становится все влажнее и влажнее, появляется туман, потом начинает моросить дождь, за ним следует полоса дождя со снегом, снега с дождем, и через два часа мы оказываемся в центре самой разнузданной снежной пурги — Южный Хангай обдал нас своим далеко не теплым дыханием!

Приходится снова — в третий раз — вытаскивать из вещевых мешков зимнее снаряжение. Приходится снова — в который раз! — пожалеть, что у нас нет колесных цепей для наших изрядно стершихся покрышек.

Вскоре мы, чертыхаясь и проклиная пургу, пытаемся вытащить нашу машину из забитого снегом глубокого уха-

ба на крутом подъеме к хребту Ушигын-Нуру. Этот хребет, как крепостной форпост Хангая, большим клином вдается в пониженные пространства Гоби.

Наконец наша машина кое-как вскарабкивается на перевал, и мы выезжаем на ровное нагорное плато. Пурга прекращается, но ветер достигает силы урагана — он грозит перевернуть наш автофургон, который надувается, как купол парашюта.

Приходится завернуть за высокую скалу и отстаиваться за ней, подобно кораблю, застигнутому штормом в океане. Да это и на самом деле шторм, только в горах, а не на море.

И вместо бушующих волн ветер гонит снег.

Уже к вечеру ветер стихает, тучи расходятся, и на посиневшем морозном небе появляется Луна. Мертвый лунный свет заливает заснеженные хангайские горы, и нам вдруг кажется, что мы в самом деле попали на Луну. Вокруг лишь острые гребни, опоясывающие глубокие котловины. Черные тени от этих гребней зубцами падают на снег, довершая сходство с лунным ландшафтом.

И уже совсем прозаично, но тем более радостно возникают среди этого «космического» пространства простые земные огни человеческого жилья.

Еще через час мы въезжаем в небольшой поселок аратского сельхозобъединения, где и устраиваемся на ночлег.

НА ИМПРОВИЗИРОВАННОЙ ВЫСТАВКЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Утро встречает нас таким блеском солнца среди ясного синего неба, что кажется, будто наступил март где-то в Подмосковье. Ослепительно сияет белый свежевыпавший снег. Воздух быстро нагревается, и легкий морозец сменяется приятной прохладой. Такова погода здесь, в Монголии. Через пять-шесть часов все совершенно по-иному.

В отличнейшем настроении мы отправляемся в путь после сытного завтрака, которым нас щедро угостили гостеприимные хозяева — араты, и часа через три благополучно прибываем в Арбай-Хэре — столицу Южного Хангая.

Сразу бросается в глаза большое скопление автомашин. Трехдневная пурга приостановила все движение по южно-

хангайскому тракту — главной транспортной артерии, связывающей Улан-Батор с южной частью страны.

У бензозаправочной станции стоит около сотни грузовых автомашин. Пристраиваемся в длинный хвост и мы.

Невольно я обращаю внимание на то, что радиаторы очень многих машин, стоящих в очереди на заправку, покрыты нарядными войлочными ковриками с самыми затейливыми аппликациями и вышивками. Настоящая выставка рукоделия! Это настолько заинтересовало меня, что я в сопровождении Лубсана отправляюсь по этой импровизированной выставке произведений народного искусства. Да, здесь есть что посмотреть! Это тем более интересно, что сюда никто не отбирал произведений искусства, не сортировал их по какому-либо признаку.

Лубсан обнаруживает глубокие познания по старомонгольской символике и подробно объясняет нам значение тех или иных узоров на ковриках. Оказывается, большое значение имеет сочетание расцветок в узорах. Больше всего синих и желтых фигур на белом фоне. Синий цвет узоров выражает верность и преданность.

Останавливаемся у первой машины, и после короткого разговора с шофером Лубсан переводит мне, что коврик вышила ему молодая жена Цырин. Все становится понятным!

У следующего шофера, молодого парня с красивым смуглым лицом, коврик — подарок невесты.

Красный цвет узоров означает радость, белый цвет — искренность, желтый — любовь и восхищение. Таким образом, цвет вышивок и аппликаций создает как бы общее настроение художественной композиции, какой является каждое такое произведение народного монгольского искусства.

Я обращаю внимание на разнообразные орнаменты, обрамляющие коврики. Вот узор, называемый *чиндомани*, то есть «драгоценности». Он составлен из пяти цветных кружков — цвета те же, что и на буддийских знаменах. Этот орнамент символизирует пожелание приятного для всех пяти чувств человека. Его смысл можно выразить словами «желаю всех благ».

Орнамент «алха», или «молоток», выражает пожелания быть благородным, мужественным и смелым. Этим орнаментом был обрамлен государственный герб МНР. Его часто можно увидеть на фронтонах государственных зданий.

Орнамент из лепестков лотоса означает пожелания душевного спокойствия и благополучия. Этот узор синего цвета особенно часто, как и узор «алха», мы видим в обрамлении ковриков на машинах. Середина ковриков занята аппликативными стилизованными изображениями животных и птиц, либо нарядным вышитым узором.

Каждый шофер гордится рукоделием своей жены, невесты, матери, сестры. Коврики на машинах один другого лучше. Невольно разбегаются глаза, глядя на это богатство народного творчества. Наша машина с ее серым стеганым ковриком выглядит в этой «картинной галерее» как-то буднично. Дорджи даже досадует, что не взял с собой в дорогу красивого коврика. В Арбай-Хэре прямо-таки необходимо украшать им радиатор! В другой раз, отправляясь на Южный Хангай, Дорджи не забудет захватить с собой коврик. «Да не такой, как эти, а в тысячу раз лучше. Я уроженец Южного Хангая и понимаю толк в таких вещах, а жена моя, хотя и из Халки, но вышьет ковер такой, какого не вышьет ни одна жена в Арбай-Хэре!»

Мы уже и сами не рады, что раззадорили Дорджи.

Чувство прекрасного — понимание красоты природы присуще монгольским аратам издревле. Современное народное искусство в Монголии творчески развивает эти богатые национальные традиции, наполняя их новым содержанием.

В СТРАНЕ ТРЕХ ТЫСЯЧ КОЛОДЦЕВ

Из Арбай-Хэре мы выезжаем по тающему под лучами солнца снегу, и уже через 30 километров к северу, за рекой Онгин-Гол, снег исчезает совершенно. Южный Хангай предстает перед нами бесконечной вереницей красно-бурых низких безлесных гор, сложенных гранитом.

Везде, куда ни бросишь взгляд, — плоские котловины, занятые либо солеными озерками — их здесь несколько сотен, либо солончаками. Вокруг озер расстилаются покатые равнины, покрытые очень плодородными каштановыми почвами.

Южный Хангай — очень специфичный переход от Хангайского нагорья к пустыне Гоби. Пресной воды здесь не хватает. На поверхности ее нет совсем, если не считать верховий рек Тацаин-Гол, Аргуин-Гол и Онгин-Гол. А на пастбищах в Убур-Хангайском аймаке пасется более двух с половиной миллионов голов скота. Пахотные земли госхозов и сельскохозяйственных аратских объединений требуют не менее трех-четырех поливок за лето. Во весь свой рост встает здесь проблема получения пресной воды.

Источники водоснабжения приходится искать под землей. В Убур-Хангайском аймаке вырыто около трех тысяч колодцев от двух-трех до тридцати метров глубиной. Мелкие колодцы питаются грунтовыми водами. Воду черпать из них легко, но она быстро разбирается и легко загрязняется скотом во время водопоя. Мелкие колодцы могут стать очагами эпизоотий скота.

В жаркое время года они совсем пересыхают, а с наступлением холодов промерзают. Приходится использовать глубокие колодцы. Они более обильны и менее загрязнены, но поднимать из них воду вручную очень трудно. Достаточно сказать, что для водопоя пятисот овец надо затратить около восьми часов напряженного труда. Пастухи часто предпочитают гонять скот на водопой за 10—12 километров, чем таскать воду из глубоких колодцев. Из-за этого скот поят иногда лишь один раз в сутки. Верблюды такой режим выдерживают прекрасно, но крупный рогатый скот переносит его с трудом.

Вот почему дальнейшее успешное развитие сельского хозяйства на Южном Хангае невозможно без решения водной проблемы.

Между тем пресная вода здесь есть в больших количествах. Она залегает в виде «водяных жил» по трещинам в гранитах и других породах. Особенно обильны трещины, пронизывающие гранитные массивы на большую глубину. Они заполнены крупнозернистой дресвой и слабо глинизируются. Наиболее густая сеть колодцев бывает именно среди гранитов.

Достать эту воду можно при помощи глубоких скважин. Бурение на воду широко развернулось сейчас на Южном Хангае. Вот на склоне холма недалеко от дороги мы видим буровую вышку. Подъезжаем к ней.

Мощный буровой станок УРБ — 3-АМ (ударно-роторного бурения) сделан в Советском Союзе. Он дает возможность вести ускоренное бурение скважин до 500 метров глубиной.

Около буровой хлопочет бригада. Мастер — молодой монгол Жамбал —хорошо говорит по-русски. Он кончил курсы буровых мастеров, был на практике в СССР, в Бурятии,

повышал свою квалификацию на двухмесячном семинаре. Сейчас Жамбалу доверили самостоятельное бурение скважины глубиной 250 метров. Жамбал очень гордится ответственным поручением и проводит на буровой круглые сутки.

На глубине 100 метров встретилась очень крепкая порода — диабаз. За сутки больше одного метра никак не пробуришь. А выше диабаза залегали слабые песчаники, и стенки скважины обрушивались. Вдобавок ко всем этим трудностям в процессе бурения скважины требуется немало воды для промывки, а ее-то поблизости нет — ведь и бурят скважину на воду.

Выпавший снег очень помог молодым бурильщикам. Они три дня сгребали его в огромную кучу и сейчас обеспечены водой надолго. Не надо будет гонять грузовики к реке Онгын-Гол на расстояние более чем 50 километров. А вот когда будет пробурена скважина, то наверх хлынет целая река. Пресная вода вдосталь напоит и стада, и иссохшую землю. Около скважины вырастет новый аратский поселок, посадят деревья и цветы.

Молодые монголы-бурильщики полны энтузиазма. И мы от всей души желаем им успеха в их благородном труде.

СНОВА В УЛАН-БАТОРЕ

Шесть тысяч километров пути по горам МНР остались позади — наша машина преодолевает последний небольшой перевал по дороге к Улан-Батору. Уже часа два едем мы вверх по течению красавицы Толы, и ее темно-синие струи сверкают на солнце.

Река образует множество рукавов в широкой долине, ограниченной крутыми, часто даже отвесными бортами. Долина густо заросла уремным лесом. Листва уже опала, и обширное пространство вокруг покрыто темно-красными кустами ивы. В сочетании с синей водой и золотисто-желтыми береговыми холмами этот лес создает живописную картину. Яркое солнце заливает и долину, и горы своим светом. Нет, монгольская осень решительно ничего общего не имеет с традиционным представлением об «унылой поре». Уж если это и осень, то скорее левитановская — золотая.

На горизонте показались первые белые строения предместий монгольской столицы. Здравствуй, Улан-Батор! Все мои спутники шумно приветствуют свой любимый город. Приветствую его и я — он стал за время путешествия так близок и дорог мне, как и далекая родная Москва!

Проходит еще час, мы пересекаем Толу по большому мосту и въезжаем в город. Все жадно глядят на городские улицы. Вот Сандан уже увидел двух знакомых студентов, а вот и Дорджи радостно машет рукой кому-то, высунувшись из окна кабины. И даже строгий милиционер, регулирующий движение, вызывает у нас радость. Пока мы стоим у перекрестка, Сандан и Лубсан заговаривают с постовым и узнают, что три дня тому назад в Улан-Баторе были ощутимы подземные толчки. Осенью, как правило, в Монголии учащаются землетрясения.

А вот, наконец, и здание Комитета наук, вот уже и знакомые выбегают нам навстречу. Приветствия! Объятия! Поздравления с окончанием пути! Мы, счастливые, усталые немного, я бы сказал, даже одичавшие, как-то по-новому воспринимаем уличный шум, весь ритм жизни большого современного города.

Еще через полчаса я иду к себе в гостиницу «Алтай» в сопровождении монгольских друзей. Все уже знакомо мне теперь в столице МНР, и на все я смотрю сейчас совсем другим взглядом. Если монгольские юрты во дворах домов раньше удивляли меня, то сейчас я вполне понимаю их удобство. Ведь каждое лето эти юрты перевозятся в окрестности Улан-Батора — жители выезжают с ними на дачу. Вот я вижу, как по улице медленно проезжает верховой дюрбет в своей красочной национальной одежде, и знаю, что он прибыл сюда с берегов далекого Убсу-Нура.

А вот и казах с Монгольского Алтая — он идет в своей традиционной лисьей шапке-малахае, лицо его обрамлено черной бородой. Как это знакомо и близко мне сейчас!

Есть и новости: дома, четвертый этаж которых стали возводить во время нашего отъезда, теперь уже подведены под крышу.

А где же маленький домик недалеко от угла? Оказывается, его уже снесли, и на этом месте роют котлованы для фундамента большого здания!

Как радостно видеть все это! Весь монгольский народ — вся страна строит свою столицу. И каждый монгол видит в ней частицу своего труда.

Приложение I

ШКАЛА СИЛЫ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В БАЛЛАХ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В СССР

(ГОСТ 6249—52)

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясения	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
1	Землетрясение не ощущается. Колебания почвы регистрируются приборами.	Повреждений нет.	Нарушений нет.
2	Отмечается отдельными, очень чуткими лицами, находящимися в полном покое.	Повреждений нет.	Нарушений нет.
3	Внимательными наблюдателями замечается очень легкое раскачивание висячих ламп, комнатных цветов, занавесок, открытых дверей, неподвижных автомашин. Колебания отмечаются немногими людьми, находящимися в спокойном состоянии внутри помещений.	Повреждений нет.	Нарушений нет.

Продолжение

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясений	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
4	Легкое раскачивание висячих предметов и неподвижных автомашин. Легкое колебание жидкости в сосудах. Слабый звон плотно составленной неустойчивой посуды. Землетрясение распознается большинством людей, находящихся внутри зданий. В редких случаях просыпаются спящие. Под открытым небом ощущается отдельными лицами.	Повреждений нет.	В отдельных случаях возможны трещины в сырых грунтах.
5	Заметно качаются висячие предметы. В редких случаях маятники стенных часов останавливаются. Из наполненных сосудов иногда выплескивается жидкость. Неустойчивая посуда и украшения, стоящие на полках, опрокидываются. Ощущается всеми людьми внутри зданий и большинством под открытым небом; все просыпаются. Животные беспокоятся.	Легкий скрип полов и перегородок. Дребезжание стекол, осыпание побелки. Движение незакрытых дверей и окон. В отдельных зданиях легкие повреждения.	В редких случаях тонкие трещины в сырых грунтах. Небольшие волны в непроточных водоемах. В единичных случаях меняется дебит источников.

Продолжение

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясения	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
6	Качаются висячие предметы. Иногда падают книги с полок и сдвигаются картины. Многие маятники стенных часов останавливаются. Легкая мебель сдвигается. Падает посуда. Многие люди выбегают из помещений. Передвижение людей неустойчивое. Животные выбегают из укрытий.	Во многих зданиях легкие повреждения. В отдельных зданиях значительные повреждения. В редких случаях при сырых грунтах поперечные тонкие трещины на дорогах.	Трещины в сырых грунтах шириной до 1 см. В горных районах единичные случаи оползней и осыпания грунтов. Небольшое изменение дебита источников и уровня воды в колодцах.
7	Сильно качаются висячие лампы. Легкая мебель сдвигается. Падают книги, посуда, вазы. Все люди выбегают из помещений и в отдельных случаях выпрыгивают из окон. Передвигаться без опоры трудно.	В большинстве зданий группы А значительные повреждения и в отдельных — разрушения. В большинстве зданий группы Б легкие повреждения и во многих — значительные повреждения. Во многих зданиях группы В легкие повреждения и в отдельных — значительные повреждения. На крутых откосах насыпей дорог редкие оползни, в отдельных случаях поперечные трещины на дорогах. В единичных случаях нарушения стыков трубопроводов. Повреждения каменных оград.	Тонкие трещины в сухих грунтах. Большое количество трещин в сырых грунтах. Отдельные случаи оползней на берегах рек. В горных районах небольшие оползни и осыпание грунтов. Возможны горные обвалы. В отдельных случаях мутнеет вода в водоемах и реках. Изменяются дебит источников и уровень грунтовых вод. В некоторых случаях возникают новые или пропадают существующие источники воды.

Продолжение

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясения	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
8	Часть висячих ламп повреждается. Мебель сдвигается и частью опрокидывается. Люди с трудом удерживаются на ногах. Все выбегают из помещений.	Во многих зданиях группы А разрушения и в отдельных — обвалы. В большинстве изданий группы Б значительные повреждения и в отдельных — разрушения. В большинстве зданий группы В легкие повреждения и во многих — значительные повреждения. Небольшие оползни на крутых откосах выемок и насыпей дорог. Отдельные случаи разрыва стыков трубопроводов. Памятники и статуи сдвигаются или опрокидываются.	Трещины в грунтах достигают нескольких сантиметров. Много трещин на склонах гор и в сырых грунтах. Большие осыпания, оползни и горные обвалы. Вода в водоемах становится мутной. Возникают новые водоемы. Возникают новые или пропадают существующие источники воды. Часто меняются дебит источников и уровень воды в колодцах.
9	Мебель опрокидывается и ломается. Большое беспокойство животных.	Во многих зданиях группы А обвалы. Во многих зданиях группы Б нарушения и в отдельных — обвалы. Во многих зданиях группы В значительные повреждения и в отдельных — разрушения. В некоторых случаях повреждение насыпей дорог. В отдельных случаях искри-	Трещины в грунтах до 10 см шириной, а по склонам и берегам рек — свыше 10 см. Большое количество тонких трещин в грунтах. Горные обвалы. Много оползней и осыпания грунтов. Небольшие грязевые извержения. Большое волнение воды в водоемах. Часто возникают но-

Продолжение

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясения	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
9		вление железнодорожных рельсов. Большое количество трещин на дорогах. Многочисленные разрывы и повреждения трубопроводов. Памятники и статуи опрокидываются. Большая часть труб и башен разрушается.	вые или пропадают существующие источники воды.
10	Многочисленные повреждения предметов домашнего обихода. Животные мечутся и кричат. Ломаются ветви и старые стволы деревьев.	Во многих зданиях группы Б обвалы. Во многих зданиях группы В разрушения и в отдельных — обвалы. Значительные повреждения насыпей и дамб. Местные искривления железнодорожных рельсов. Разрывы трубопроводов. Дороги получают много трещин и деформаций; опрокидывание труб, памятников, оград.	Трещины в грунтах шириной в несколько дециметров и в отдельных случаях — до метра. Обвалы скал в горных районах и у морских берегов. Большие оплывины песчаных и глинистых масс. Прибой и выплескивание воды в водоемах и реках. Возникают новые озера.

Продолжение

Сила землетрясений в баллах	Общие признаки землетрясения	Разрушение зданий	Разрушение грунтов
1	2	3	4
11	Гибель имущества под обломками зданий.	Общее разрушение зданий. Разрушение насыпей на больших протяжениях. Трубопроводы приходят в полную негодность. Железнодорожные пути искривляются по всей длине.	Образуются многочисленные трещины на поверхности Земли. Вертикальные перемещения пластов. Большие обвалы и оползни. Из трещин выступают водонасыщенные рыхлые отложения. Сильно меняется режим в источниках и водоемах, а также уровень грунтовых вод.
12	Сильная катастрофа. Гибнет значительная часть населения от обвалов зданий. Растительность и животные погибают от обвалов и осыпей в горных районах.	Общее разрушение зданий и сооружений.	Изменение рельефа в больших размерах. Громадные обвалы и оползни. Значительные вертикальные и горизонтальные разрывы и сдвиги. Большие изменения режима подземных и наземных вод. Образуются водопады. Возникают озера. Изменяются русла рек.

Приложение № 2

ВОЗРАСТ ОТЛОЖЕНИЙ ЗЕМНОЙ КОРЫ И РАЗВИТИЕ РЕЛЬЕФА В МНР

Геологические эры	Геологические периоды			Истекшее время в млн. лет	Длительность периодов в млн. лет	Горообразования	Развитие рельефа на территории МНР
КАЙНОЗОЙСКАЯ (новой жизни)	Четвертичный			1	1	Альпийское	36. Формирование деталей современного рельефа МНР, затухание новейшего вулканизма, формирование нижних террас в речных долинах. 35. Двукратное в Хангае и четырехкратное в Монгольском Алтае оледенения. 34. Оживление деятельности рек и формирование верхних террас в долинах. 33. Местные глыбовые движения земной коры и формирование нижней поверхности выравнивания, срезающей горы.
	Третичный	Неогеновый	Плиоцен	10	9		32. Формирование средней поверхности выравнивания, срезающей горы. 31. Новейшие глыбовые движения земной коры, формирование современных гор и впадин, новейший вулканизм на Хангае и в Восточной Монголии.
			Миоцен	25	15		30. Местные глыбовые движения земной коры, формирование рельефа современных гор и впадин Хангая, Монгольского и Гобийского Алтая, Хэнтэя. 29. Формирование верхней поверхности выравнивания, срезающей вершины гор.
		Палеогеновый	Олигоцен	40	15		28. Глыбовые поднятия и опускания земной коры, заложение современных возвышенностей Монгольского и Гобийского Алтая, Хангая, Хэнтэя, перестройка сети озер и рек.
			Эоцен		30		27. Глыбовые поднятия и опускания земной коры, превращение озерных котловин в речные долины, частичное затопление котловин речными водами.
			Палеоцен	70			26. Глыбовые опускания земной коры в отдельных впадинах, заложение современных озерных котловин на востоке и юго-востоке МНР.

Продолжение

Геологические эры	Геологические периоды		Истекшее время в млн. лет	Длительность периодов в млн. лет	Горообразования	Развитие рельефа на территории МНР
МЕЗОЗОЙСКАЯ (средней жизни)	Меловой	Верхний	100	30	Мезозойские	25. Общие поднятия земной коры на севере и северо-западе МНР и местные поднятия на востоке и юго-востоке. 24. Местные опускания земной коры во впадинах, разломы, вулканизм.
		Нижний	140	40		23. Сильное горообразование, глыбовые поднятия, разломы, вулканизм, обособление больших глыбовых хребтов на юге МНР. 22. Крупные разломы и погружения земной коры, образование больших внутренних озер — морей, вулканизм.
	Юрский		185	45		21. Заложение современных больших озерных котловин на северо-западе МНР. 20. Прогибание земной коры на юге и юго-востоке МНР. 19. Горообразование, сильные глыбовые и складчатые движения земной коры, возникновение глыбово-складчатых хребтов и межгорных впадин.
	Триасовый		225	40		18. Сильный вулканизм, формирование вулканических покровов Хангайского нагорья. 17. Разломы горной складчатой страны, заложение современных межгорных впадин МНР.
ПАЛЕОЗОЙСКАЯ (древней жизни)	Пермский		270	45	Герцинское	16. Мощное горообразование, складчатость, формирование горных сооружений Монгольского и Гобийского Алтая, Хангая, Хэнтэя. 15. Разломы и прогибание земной коры, морской бассейн в восточной и южной частях МНР.
	Каменноугольный		320	50		14. Горообразование, складчатость, разрастание горных сооружений Хангая и Хэнтэя. 13. Местные разломы и прогибания земной коры, мелководные морские бассейны с вулканическими островами.

Продолжение

Геологические эры	Геологические периоды	Истекшее время в млн. лет	Длительность периодов в млн. лет	Горообразования	Развитие рельефа на территории МНР
ПАЛЕОЗОЙСКАЯ (древней жизни)	Девонский	400	80	Герцинское	12. Сильное горообразование, складчатость, формирование горных сооружений Монгольского Алтая, Южного Хангая, Хэнтэя. 11. Мощное прогибание земной коры, региональные разломы, морской бассейн с вулканическими архипелагами островов.
	Силурийский	420	20		10. Местные фазы горообразования в Монгольском Алтае и Южном Хангае. 9. Прогибание земной коры, морской бассейн на юге МНР.
	Ордовикский	480	60	Каледонское	8. Сильное горообразование, складчатость, формирование горных сооружений Прихубсугулья, Северного Хангая, заложение горных сооружений Монгольского Алтая. 7. Разломы и прогибание земной коры, морские бассейны в прогибах, вулканизм.
	Кембрийский	570	90		6. Мощное горообразование, складчатость, формирование горных сооружений Прихубсугулья и плато Сангилен. 5. Разломы и сильное прогибание земной коры, большие морские бассейны, вулканизм.
ПРОТЕРОЗОЙСКАЯ (древнейшей жизни)	Рифейский	1200	630	Докембрийское	4. Сильное горообразование, складчатость, формирование горных сооружений Прихубсугулья и Северного Хангая. 3. Разломы и мощное прогибание земной коры, большой морской бассейн, подводный вулканизм.
	Собственно протерозойск.	1900	700		
АРХЕЙСКАЯ (без жизни, может быть, первичной жизни)	Собственно архейский	2700	800		2. Горообразование, складчатость, заложение горных сооружений Прихубсугулья и плато Сангилена. 1. Мощные прогибания земной коры, чередующиеся с несколькими горообразованиями.
	Катархейский	3500	800		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. 3

Глава первая

Улан-Батор

Улан-Батор — столица МНР. 5
Урга — Улан-Батор. 9
Соёнбо. 10
От барана до тугрика 11
Город среди четырех гор. 12
Русский язык — международный. 15
Араты смотрят «Отелло». 16
На закате ламаизма. 18
Тысяча пятьсот богов и богинь. 23
Храмы науки и культуры. 27
В Монгольском национальном музее. 29
Вымершие чудовища. 33
«Народы сменили народы». 35
На заповедной горе монголов. 39
В монгольском Донбассе. 43

Глава вторая

По Восточному Хангаю и Прихубсугулью

Дороги и автомашины. 50
Учитесь жить на колесах. 52
Едем на Хангай! 54
В Сомоне Дракона. 56
На границе Хангая. 58
Вот какой он, Хангай! 59

Киданьская крепость . . . 63
В гостях у монгольских аратов . . . 68
В глубь Восточного Хангая . . . 76
Напрямик через горы . . . 79
На Булганском государственном тракте . . . 80
В долине Великого Орхона . . . 82
Булган . . . 84
Лиса в недоумении . . . 86
По следам землетрясения 23 июня 1958 г. . . . 87
На хангайских вулканах . . . 90
Круглый год в кочевках . . . 94
Селенга — Железная река . . . 96
Оготоно и муха Вольфарта . . . 98
В долине, покинутой Селенгой . . . 100
Снежная пурга в Хангае . . . 102
Мурэн — столица Монгольской Щвейцарии . . . 105
К Хубсугулу . . . 107
Хубсугул-Далай (Хубсугульское море) . . . 109

Глава третья

По Западному Хангаю

Страна гранита и озер . . . 116
Дэльгер-Мурэн — Большая река . . . 117
Снова зима . . . 119
На подступах к Хангайскому разлому . . . 120
Земля дрогнула . . . 122
Год синей змеи . . . 123
На виду у Младшего Сына Неба . . . 125
В царстве тарбаганов . . . 126
Сапфир в горах Хангая . . . 128
Пернатые гангстеры . . . 130
Каменным бабам 1300 лет! . . . 131
В преддверии столицы Западного Хангая . . . 132
Улясутай — центр Дзабханского аймака . . . 135
До Младшего Сына Неба мы не доедем . . . 137
Пески проглатывают реки . . . 138
Биография Западного Хангая . . . 139
Лебединое озеро . . . 141
Последние километры по Хангаю . . . 143

Глава четвертая

По Западной и Южной Монголии

Озерная лестница Западной Монголии . . . 144
Хан-Хухэй — Младший брат Хангая . . . 145
Озеро киргизов кочует . . . 146
К Убсу-Нуру . . . 150
Озеро Убсу-Нур . . . 154
Средний из трех Алтаев . . . 157
Наперегонки с зимой по Монгольскому Алтаю . . . 160
Мираж в пустыне . . . 162
В стране казахов . . . 163
На крыше Монгольского Алтая . . . 166
В древней столице Монгольского Алтая . . . 168
У Озера черных вод . . . 170
Преддверье Гоби . . . 172
По Гоби в Долине озер . . . 177
По следам геологической катастрофы в Гобийском Алтае 182
На Южном Хангае . . . 189
На импровизированной выставке народного искусства . . 190
В стране трех тысяч колодцев . . . 192
Снова в Улан-Баторе . . . 194

Приложения . . . 199

Владимир Александрович Апродов
6000 КИЛОМЕТРОВ ПО МНР

Редактор *Ю. Г. Липец*
Художественный редактор *Е. А. Радкевич*
Технический редактор *Н. П. Бурлака*
Редактор карт *Г. Н. Мальчевский*
Корректор *М. Г. Малышева*

*

Т02943. Сдано в производство 3/II-61 г. Подписано в печать 14/III-62 г. Формат 84 × 108/32. Печатных листов 6,5 + вкл. 0,33. Условных листов 10,99. Издательских листов 10,99. Тираж 15 000. Цена 35 коп.

Заказ № 2856.
Москва В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.